

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ «ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ»

Председатель совета серии

В. И. Молодин, акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН – зам директора; Новосибирский государственный университет – гл. науч. сотр.; Россия)

Главный редактор серии

Л. Г. Панин, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет; Россия)

Члены совета

А. Н. Алексеев, д-р ист. наук, проф. (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова – гл. науч. сотр. научно-исследовательского центра «Алтайтану»; Казахстан)
Х. А. Амиранов, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН – директор; Институт археологии РАН – зав. отделом каменной археологии; Россия)
С. А. Арутюнов, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт этнологии и антропологии РАН – зав. отделом народов Кавказа; Россия)
Л. А. Бобров, д-р ист. наук (Новосибирский государственный университет – доцент каф. археологии и этнографии; Россия)
В. П. Будогов, д-р ист. наук (Институт российской истории РАН – гл. науч. сотр. Центра изучения новейшей истории России и политологии; Россия)
Вакио Фудзимото, д-р наук, проф. (Осацкий университет экономики и права – президент; Япония)
Н. В. Вавмель-Сухадолник, д-р наук, проф. (Университет Любляны – доцент ф-та искусств; Словения)
Ван Вэй, акад. АОН КНР, чл.-корр. Германского археологического института, д-р литературы, д-р истории, проф. (Институт археологии – профессор; КНР)
Ван Линь, д-р наук, проф. (Синьцзянский университет – директор Института иностранных языков, КНР)
А. В. Варенов, канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – доцент каф. востоковедения; Россия)
В. Виола, д-р наук, проф. (Университет Торонто – профессор каф. антропологии; Канада)
Е. Э. Войтишек, д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – зав. каф. востоковедения и зав. отделением востоковедения; Россия)
Д. Вулф, д-р наук, проф. (Университет Хоккайдо – профессор евразийской истории Центра славянских исследований; Япония)
И. В. Высоцкая, д-р филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – профессор каф. семиотики и дискурсного анализа; Россия)
Г. А. Гвоздович, канд. филол. наук, доцент (Белорусский государственный университет – доцент каф. стилистики и литературного редактирования Института журналистики; Белоруссия)
Т. Глазиц, д-р наук, проф. (Цюрихский университет – профессор; Швейцария)
А. В. Головнев, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории и археологии УрО РАН – гл. науч. сотр.; Уральский федеральный университет – зав. каф. археологии и этнологии исторического ф-та; Россия)
А. Е. Демидчик, д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – профессор каф. всеобщей истории; Россия)
Е. И. Дергачева-Скоп, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – зав. каф. древних литератур и литературного источниковедения; Россия)
А. П. Деревянко, акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН – научный руководитель; Новосибирский государственный университет – зав. каф. всеобщей истории; Россия)
Л. В. Дериглазова, д-р ист. наук, проф. (Томский государственный университет – профессор каф. мировой политики; Россия)
В. Дёнингхаус, д-р наук, проф. (Университет Гамбурга – зам. директора Нордост-Института; Германия)
А. В. Дмитриев, канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет – доцент каф. отечественной истории; Россия)
Ж. Жюбер, д-р наук, проф. (Университет Бордо – профессор кафедры преистории; Франция)
Н. Л. Жуковская, д-р ист. наук, проф. (Институт антропологии и этнографии РАН – зав. Центром азиатских и тихоокеанских исследований; Россия)
О. Д. Журавель, д-р филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – декан ф-та журналистики; Институт истории СО РАН – ст. науч. сотр.; Россия)
А. С. Зувев, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – директор Гуманитарного института; Россия)
Г. Имполи, д-р наук (Болонский университет – зав. отд. русского языка и литературы; Италия)
Н. Н. Казанский, акад. РАН, д-р филол. наук, проф. (Институт лингвистических исследований РАН – директор; Санкт-Петербургский государственный университет – профессор; Россия)
Кан Инук, д-р наук, проф. (Университет Кен Хи – профессор исторического ф-та; Республика Корея)
О. Н. Катионов, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет – директор Института истории, гуманитарного и социального образования; Россия)
А. К. Кикевич, д-р филол. наук, проф. (Варминьско-Мазурский университет – руководитель Департамента социальной коммуникации Института журналистики и коммуникации; Польша)
С. А. Комиссаров, канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – проф. каф. востоковедения, Институт археологии и этнографии СО РАН – ст. науч. сотр.; Россия)
С. В. Кондратьев, д-р ист. наук, проф. (Тюменский государственный университет – директор Института гуманитарных наук; Россия)
С. М. Коткин, д-р наук, проф. (Принстонский университет – профессор истории, директор программы российских, восточно-европейских и евразийских исследований; США)
Н. Б. Кошарева, д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН – гл. науч. сотр.; Новосибирский государственный университет – зав. каф. общего и русского языкознания; Россия)
М. Е. Крацова, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет – профессор каф. философии и культурологии Востока; Россия)
Н. Н. Крадин, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН – зав. Центром политической антропологии; Дальневосточный федеральный университет – зав. каф. всеобщей истории, археологии и антропологии; Россия)
Р. М. Краузе, д-р наук, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте – профессор; Германия)
А. И. Кривошапкин, д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН – вед. науч. сотр.; Новосибирский государственный университет – зав. каф. археологии и этнографии; Россия)
Б. Е. Кузнецов, акад. Нац. Академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева – профессор; Казахстан)
Н. В. Кутафеева, канд. филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – доцент каф. востоковедения; Россия)
А. С. Ларов, д-р ист. наук, проф. (Университет Париж-Сорбонна – профессор; Франция)
В. А. Ламин, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории СО РАН – директор; Россия)
Л. В. Лбова, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – профессор; Институт археологии и этнографии СО РАН – вед. науч. сотр.; Россия)
Ли Хонджон, д-р наук, проф. (Национальный университет Mokpo – профессор ф-та археологии; Республика Корея)
Н. А. Лукьянова, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – профессор каф. общего и русского языкознания; Россия)
Л. Б. Матвеев, чл.-корр. Российской академии естествознания, д-р филол. наук, проф. (Ереванский государственный университет – профессор каф. русского языкознания, типологии и теории коммуникации; Армения)
И. А. Мельчук, д-р наук, проф. (Монреальский университет – почетный профессор ф-та лингвистики и перевода; Канада)
А. Н. Мецержков, д-р ист. наук, проф. (Российский государственный гуманитарный университет – профессор Института восточных культур и античности; Россия)
О. А. Митко, канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет – зав. сектором археологии лаборатории гуманитарных исследований; Россия)
И.-Р. Мочник, д-р наук, проф. (Люблинский университет – профессор социологии философского ф-та; Словения)
А. Наслер, д-р наук (Германский археологический институт – науч. сотр.; Германия)
Ока Хироки, д-р наук, проф. (Университет Тохоку – директор Центра исследований Северо-Восточной Азии; Япония)
Г. Парцингер, д-р наук, проф. (Фонд Прусского культурного наследия – президент; Государственный музей Берлина – президент; Германия)
В. Н. Пластун, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – профессор каф. востоковедения; Россия)
Х. Плиссон, д-р наук, проф. (Университет Бордо-I – ведущий трасолог лаборатории РАСЕА; Франция)
П. Э. Подалко, д-р наук, проф. (Университет Аояма Гакуин – профессор ф-та международной политики, экономики и коммуникации; Япония)
Пэ Гидон, д-р археологии и антропологии, проф. (Университет Ханян – профессор отделения антропологии; Институт культурного наследия – директор; Институт археологии Восточной Азии – директор; Республика Корея)
П. Ратлэнд, д-р наук, проф. (Уэслианский университет – профессор отделения государственного управления; США)
Н. Н. Родиagina, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет – профессор каф. отечественной истории; Россия)
С. С. Самашев, д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана НАН Республики Казахстан – гл. науч. сотр.; Казахстан)
С. Ю. Сапрыкин, д-р ист. наук, проф. (Московский государственный университет – зав. каф. истории Древнего мира исторического факультета; Институт всеобщей истории РАН – вед. науч. сотр.; Россия)
Л. Н. Синякова, д-р филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – зав. каф. литературы XIX–XX вв.; Россия)
С. Г. Скобелев, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. (Новосибирский государственный университет – зав. лаб. гуманитарных исследований; Россия)
Дж. Смит, д-р наук, проф. (Лондонский университет – профессор исторической школы Колледжа королевы Марии; Великобритания)
Э. Стернотолу, д-р наук, проф. (Афинский национальный университет им. Каподистрии – руководитель отделения славистики; Греция)
К. Ш. Табалдиев, канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас» – профессор; Кыргызстан)

Ж. К. Таймагамбетов, чл.-корр. АН Высшей школы Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Казахский национальный университет им. аль-Фараби – профессор; Национальный музей Казахстана – зам. директора по научной работе; Казахстан)

Такакура Хироки, д-р наук, проф. (Университет Тохоку – науч. сотр. Центра исследований Северо-Восточной Азии; Япония)

Такэда Масанао, д-р наук, проф. (Университет Хоккай Гакуэн – зав. каф. педагогики; Япония)

Тан Чун, д-р наук, проф. (Китайский университет Гонконга – директор Центра археологии и искусства Китая при историческом факультете; Токийский университет – профессор; КНР, Япония)

Фалькенхаузен Л. фон, д-р наук, проф. (Калифорнийский университет – профессор кафедры археологии и истории искусства Китая, директор Котценовского института; США)

Е. Л. Фролова, канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет – доцент каф. востоковедения; Россия)

Е. Ф. Фурсова, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН – вед. науч. сотр.; Новосибирский государственный университет – профессор; Россия)

Т. Хайм, д-р наук (Оксфордский университет – зам. директора лаборатории радиоуглеродного анализа; Великобритания)

И. Халфин, д-р наук, проф. (Тель-Авивский университет – профессор каф. истории факультета гуманитарных наук; Израиль)

С. Хансен, д-р наук, проф. (Германский археологический институт – директор Евразийского отделения; Германия)

Я. Хохоровский, д-р наук, проф. (Ягеллонский университет – профессор; Польша)

Ю. С. Худяков, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН – гл. науч. сотр.; Новосибирский государственный университет – профессор; Россия)

В. П. Чабай, чл.-корр. НАН Украины, д-р ист. наук (Институт археологии НАН Украины – гл. науч. сотр.; Киев)

Чжун Сукбэ, д-р наук, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея – профессор, рук. аспирантуры; Республика Корея)

Ю. В. Шатин, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет – профессор кафедры русской литературы и теории литературы; Новосибирский государственный университет – профессор каф. теории и истории журналистики; Институт филологии СО РАН – науч. сотр. сектора литературоведения; Россия)

В. И. Шишкин, д-р ист. наук, проф. (Институт истории СО РАН – зав. сектором истории общественно-политического развития; Новосибирский государственный университет – профессор каф. кафедры отечественной истории; Россия)

А. С. Шамова, канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет – ст. преподаватель кафедры востоковедения; Россия)

А. Х. Элерт, д-р ист. наук (Институт истории СО РАН – зам. директора по науке, зав. сектором археологии и источниковедения; Россия)

П. Энгель, д-р наук (Европейский центр по консервации книг и бумаги – руководитель отдела реставрации; Австрия)

М. Юнге, д-р наук (Рурский университет – приват-доцент кафедры восточно-европейской истории исторического ф-та; Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА «АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ»

Ответственные редакторы

Ю. С. Худяков, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН – гл. науч. сотр.; Новосибирский государственный университет – профессор; Россия)

А. И. Кривошапкин, д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН – вед. науч. сотр.; Новосибирский государственный университет – зав. каф. археологии и этнографии; Россия)

Ответственный секретарь

О. А. Митько, канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет – зав. сектором археологии лаборатории гуманитарных исследований; Россия)

Члены редколлегии

Л. А. Бобров, д-р ист. наук (Новосибирский государственный университет – доцент каф. археологии и этнографии; Россия)

Б. Виола, д-р наук, проф. (Университет Торонто – профессор каф. антропологии; Канада)

А. В. Головинев, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории и археологии УрО РАН – гл. науч. сотр.; Уральский федеральный университет – зав. каф. археологии и этнологии исторического ф-та; Россия)

А. П. Деревянко, акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН – научный руководитель; Новосибирский государственный университет – зав. каф. всеобщей истории; Россия)

Ж. Жюбер, д-р наук, проф. (Университет Бордо – профессор каф. преистории; Франция)

Н. Н. Крадин, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН – зав. Центром политической антропологии; Дальневосточный федеральный университет – зав. каф. всеобщей истории, археологии и антропологии; Россия)

Р. М. Краузе, д-р наук, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте – профессор; Германия)

Б. Е. Кумеков, акад. Нац. Академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева – профессор; Казахстан)

Л. В. Лбова, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет – профессор; Институт археологии и этнографии СО РАН – вед. науч. сотр.; Россия)

А. Наглер, д-р наук (Германский археологический институт – науч. сотр.; Германия)

Х. Плиссон, д-р наук, проф. (Университет Бордо-I – ведущий трасолог лаборатории РАСЕА; Франция)

З. С. Самашев, д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана НАН Республики Казахстан – гл. науч. сотр.; Казахстан)

С. Г. Скобелев, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. (Новосибирский государственный университет – зав. лаб. гуманитарных исследований; Россия)

К. Ш. Табалдиев, канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас» – профессор; Кыргызстан)

Е. Ф. Фурсова, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН – вед. науч. сотр.; Новосибирский государственный университет – профессор; Россия)

Т. Хайм, д-р наук (Оксфордский университет – зам. директора лаборатории радиоуглеродного анализа; Великобритания)

С. Хансен, д-р наук, проф. (Германский археологический институт – директор Евразийского отделения; Германия)

Я. Хохоровский, д-р наук, проф. (Ягеллонский университет – профессор; Польша)

В. П. Чабай, чл.-корр. НАН Украины, д-р ист. наук (Институт археологии НАН Украины – гл. науч. сотр.; Киев)

Чжун Сукбэ, д-р наук, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея – профессор, рук. аспирантуры; Республика Корея)

ADVISORY BOARD OF THE SERIES «HISTORY, PHILOLOGY»

Chairman

V. I. Molodin, academician of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Deputy director; Novosibirsk State University – Chief Researcher; Russia)

Editor in Chief

L. G. Panin, Doctor of Philology, Prof. (Novosibirsk State University; Russia)

Board Members

A. N. Alekseenko, Doctor of History, Prof. (East Kazakhstan State University of S. Amanzholov – Chief Researcher, Altaitanu Research Center; Kazakhstan)
Kh. A. Amirkhanov, Corresponding Member of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of History, Archaeology and Ethnography of DSC RAS – Director; Institute of Archaeology of RAS – Head of the Department of Stone Age Archaeology; Russia)
S. A. Arutyunov, Corresponding Member of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of Anthropology and Ethnography of RAS – Head of the Department of the Caucasian Peoples; Russia)
L. A. Bobrov, Doctor of History (Novosibirsk State University – Associate Professor, Department of Archaeology and Ethnography; Russia)
V. P. Buldakov, Doctor of History (Institute of Russian History RAS – Chief Researcher of the Russia's Recent History and Political Science Study Center; Russia)
Wakio Fujimoto, Doctor of Sc., Prof. (Osaka University of Economics and Law – President; Japan)
N. V. Vampel-Suhadolnik, Doctor of Sc., Prof. (University of Ljubljana – Associate Professor, Department of Asian and African Studies; Slovenia)
Wang Wei, Academician of Chinese Academy of Sciences, Corresponding member of the German Archaeological Institute, Doctor of History, Doctor of Literature, Prof. (Institute of Archaeology – Professor; China)
Wang Lin, Doctor of Sc., Prof. (Xinjiang University – Director of the Institute of Foreign Languages; China)
A. V. Varenov, Cand. of Historical Sc., Docent (Novosibirsk State University – Associate Professor, Department of Oriental Studies; Russia)
B. Viola, Doctor of Sc., Prof. (University of Toronto – Professor, Department of Anthropology; Canada)
E. E. Voytshhek, Doctor of History, Docent (Novosibirsk State University – Head of the Department of Oriental Studies; Russia)
D. Wolff, Doctor of Sc., Prof. (Hokkaido University – Professor of Eurasian History, Slavic Research Center; Japan)
I. V. Vysoitskaya, Doctor of Philology, Docent (Novosibirsk State University – Professor, Department of Semiotics and Discourse Analysis; Russia)
G. A. Gvozdoch, Cand. of Philological Sc., Docent (Belarusian State University – Associate Professor, Department of Stylistics and Literary Editing of the Institute of Journalism; Belarus)
T. Glantz, Doctor of Sc., Prof. (Zurich University – Professor; Switzerland)
A. V. Golovnev, Corresponding Member of the RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of History and Archaeology of UB RAS – Chief Researcher; Ural Federal University – Head of the Department of Archaeology and Ethnology of the History Faculty; Russia)
A. E. Demidchik, Doctor of History, Docent (Novosibirsk State University – Professor, Department of General History; Russia)
E. I. Dergacheva-Skop, Doctor of Philology, Prof. (Novosibirsk State University – Head of the Department of Ancient Literature and Literary Source; Russia)
A. P. Derevyanko, Academician of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – academic adviser; Novosibirsk State University – Head of the Department of General History; Russia)
L. V. Deriglazova, Doctor of History, Prof. (Tomsk State University – Professor, Department of the World Politics; Russia)
V. Dönninghaus, Doctor of Sc., Prof. (University of Hamburg – Deputy Director of the North-East Institute; Germany)
A. V. Dmitriev, Cand. of Historical Sc. (Novosibirsk State University – Associate Professor, Department of Russian History; Russia)
J. Joubert, Doctor of Sc., Prof. (University of Bordeaux – Professor of Prehistory; France)
N. I. Zhukovskaya, Doctor of History, Prof. (Institute of Anthropology and Ethnography RAS – Head of the Asian and Pacific Studies Center; Russia)
O. D. Zhuravel', Doctor of Philology, Docent (Institute of History of SB RAS – Senior Researcher; Novosibirsk State University – Dean of the Journalism Faculty; Russia)
A. S. Zuev, Doctor of History, Prof. (Novosibirsk State University – Director of Humanity Institute; Russia)
G. E. Imposti, Doctor of Sc. (University of Bologna – Head of the Department of Russian Language and Literature; Italy)
N. N. Kazansky, Academician of RAS, Doctor of Philology, Prof. (Institute of Linguistic Studies of RAS – Director; St. Petersburg State University – Professor; Russia)
Kang Inuk, Doctor of Sc., Prof. (Kyung Hee University – Professor, Faculty of History; Republic of Korea)
O. N. Kationov, Doctor of History, Prof. (Novosibirsk State Pedagogical University – Director of the Institute of History, Humanities and Social Education; Russia)
A. K. Kiklevich, Doctor of Philology, Prof. (University of Warmia and Mazury – Head of the Department of Social Communication of the Institute of Journalism and Communication; Poland)
S. A. Komissarov, Cand. of Historical Sc., Prof. (Novosibirsk State University – Professor, Department of Oriental Studies; Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Senior Researcher; Russia)
S. V. Kondratiev, Doctor of History, Prof. (Tyumen State University – Director of the Human Sciences Institute; Russia)
S. Kotkin, Doctor of Sc., Prof. (Princeton University – Professor of History, Director of the Russian, East European and Eurasian Studies; USA)
N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Prof. (Institute of Philology SB RAS – Chief researcher; Novosibirsk State University – Head of the Department of General and Russian Linguistics; Russia)
M. E. Kravtsova, Doctor of Philology, Prof. (St. Petersburg State University – Professor, Department of East Philosophy and Cultural Studies; Russia)
N. N. Kradin, Corresponding Member of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of FEB RAS – Head of the Center of Political Anthropology; Far Eastern Federal University – Head of the Department of General History, Archaeology and Anthropology; Russia)
R. M. Krause, Doctor of Sc., Prof. (Goethe University, Frankfurt-am-Main – Professor; Germany)
A. I. Krivoschapkin, Doctor of History (Novosibirsk State University – Head of the Department of Archaeology and Ethnography; Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Leading Researcher; Russia)
B. E. Kumeikov, Academician of NAS RK, Doctor of History, Prof. (Eurasian National University of L. N. Gumilev – Professor; Kazakhstan)
N. V. Kutafyeva, Cand. of Philological Sc., Docent (Novosibirsk State University – Associate Professor, Department of Oriental Studies; Russia)
A. S. Lavrov, Doctor of History, Prof. (l'Université Paris-Sorbonne – Professor; France)
V. A. Lamin, Corresponding Member of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of History of SB RAS – Director; Russia)
L. V. Lbova, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Leading Researcher; Novosibirsk State University – Professor; Russia)
Lee Heonjong, Doctor of Sc., Prof. (Mokpo National University – Professor, Department of Archaeology; Republic of Korea)
N. A. Luk'yanova, Doctor of Philology, Prof. (Novosibirsk State University – Professor, Department of General and Russian linguistics; Russia)
L. B. Matevosyan, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philology, Prof. (Yerevan State University – Professor, Department of Russian Linguistics, Typology and Theory of Communication; Armenia)
I. A. Mel'chuk, Doctor of Sc., Prof. (University of Montreal – Honorary Professor, Faculty of Linguistics and Translation; Canada)
A. N. Meshcheryakov, Doctor of History, Prof. (Russian State Humanitarian University – Professor, Institute of Oriental Cultures and Antiquity; Russia)
O. A. Mit'ko, Cand. of Historical Sc. (Novosibirsk State University – Head of the Archaeology Section at the Laboratory of Humanitarian Studies; Russia)
J. R. Mochnik, Doctor of Sc., Prof. (University of Ljubljana – Professor, Faculty of Philosophy; Slovenia)
A. Nagler, Doctor of Sc. (German Archaeological Institute – Researcher; Germany)
Oka Hiroki, Doctor of Sc., Prof. (Tohoku University – Director of the Northeast Asian Studies Center; Japan)
H. Parzinger, Doctor of Sc., Prof. (Prussian Cultural Heritage Foundation – President; Berlin State Museum – President; Germany)
V. N. Plastun, Doctor of History, Prof. (Novosibirsk State University – Professor, Department of Oriental Studies; Russia)
H. Plisson, Doctor of Sc., Prof. (Université Bordeaux-I – Leading Researcher, PACEA Laboratory; France)
P. E. Podalko, Doctor of Sc., Prof. (Aoyama Gakuin University – Professor, Department of International Politics, Economics and Communication; Japan)
Bae Kidong, Doctor of Sc., Prof. (Hanyang University – Professor of Anthropology; Cultural Heritage Institute – Director; Institute of Archaeology of East Asia – Director; Republic of Korea)
P. Rutland, Doctor of Sc., Prof. (Wesleyan University – Professor, Department of Public Administration; USA)
N. N. Rodigina, Doctor of History, Prof. (Novosibirsk State Pedagogical University – Professor, Department of Russian History; Russia)
Z. S. Samashev, Doctor of History, Prof. (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology – Chief Researcher; Kazakhstan)
S. Yu. Saprykin, Doctor of History, Prof. (Moscow State University – Head of the Department of Ancient World History; Institute of World History of RAS – Leading Researcher; Russia)
L. N. Sinyakova, Doctor of Philology, Docent (Novosibirsk State University – Head of the Department of Contemporary Literature (19th–20th centuries); Russia)
S. G. Skobelev, Cand. of Historical Sc. (Novosibirsk State University – Head of the Laboratory of Humanitarian Studies; Russia)
J. Smele, Doctor of Sc., Prof. (University of London – Professor, Historical School of Queen Mary College; United Kingdom)
E. Stergiopulu, Doctor of Sc., Prof. (Athens National University of Capodistria – Head of the Department of Slavonic Studies; Greece)
K. Sh. Tabaldiev, Cand. of Historical Sc., Prof. (Kyrgyz-Turkish Manas University – Professor; Kyrgyzstan)
Zh. K. Taimagambetov, Corresponding Member of NAS RK, Doctor of History, Prof. (Al-Farabi Kazakh National University – Professor; Kazakhstan National Museum – Deputy Director for Science; Kazakhstan)
Takakura Hiroki, Doctor of Sc., Prof. (Tohoku University – Researcher, Northeast Asia Research Center; Japan)
Takeda Masanao, Doctor of Sc., Prof. (Hokkai Gakuin University – Head of the Pedagogy Department; Japan)
Tang Chung, Doctor of Sc., Prof. (University of Hong Kong – Director of the Chinese Art and Archaeology Center; Tokyo University – Professor; China, Japan)

L. von Falkenhausen, Doctor of Sc., Prof. (University of California – Professor, Department of Archaeology and History of Chinese Art; Cotsen Institute of Archaeology UCLA – Director; USA)

E. L. Frolova, Cand. of Historical Sc., Docent (Novosibirsk State University – Associate Professor, Department of Oriental Studies; Russia)

E. F. Fursova, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Leading Researcher; Novosibirsk State University – Professor, Department of Archaeology and Ethnography; Russia)

T. Higham, Doctor of Sc. (Oxford University – Deputy Director of the Radiocarbon Dating Laboratory; United Kingdom)

I. Halfin, Doctor of Sc., Prof. (Tel Aviv University – Professor, Department of History, Faculty of Humanities; Israel)

S. Hansen, Doctor of Sc., Prof. (German Archaeological Institute – Director of the Eurasian Section; Germany)

J. Chochorowski, Doctor of Sc., Prof. (Jagiellonian University – Professor; Poland)

Yu. S. Khudyakov, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Chief Researcher; Novosibirsk State University – Professor, Department of Archaeology and Ethnography; Russia)

V. P. Chabai, Corresponding Member of NAS Ukraine, Doctor of History (Ukraine Institute of Archaeology of NAS – Chief Researcher; Kiev)

Jung Sukbae, Doctor of Sc., Prof. (Korean National University of Cultural Heritage – Professor, Chief of Graduate Studies; Republic of Korea)

Yu. V. Shatin, Doctor of Philology, Prof. (Novosibirsk State Pedagogical University – Professor, Department of Russian Literature and Literary Theory; Novosibirsk State University – Professor, Department of Theory and History of Journalism; Institute of Philology of SB RAS – Researcher, Literary Section; Russia)

V. I. Shishkin, Doctor of History, Prof. (Institute of History of SB RAS – Head of History of Social and Political Development Section; Novosibirsk State University – Professor, Department of Russian History; Russia)

A. S. Shmakova, Cand. of Historical Sc. (Novosibirsk State University – Senior Lecturer, Department of Oriental Studies; Russia)

A. Kh. Elert, Doctor of History (Institute of History of SB RAS – Deputy Director for Science, Head of the Department of Ancient Writing Source; Russia)

P. Engel, Doctor of Sc. (European Research Centre for Book and Paper Conservation-Restoration – Head of the Restoration Department; Austria)

M. Junge, Doctor of Sc. (Ruhr University – Assistant Professor, Department of Eastern European History, Faculty of History; Germany)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE «ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY»

Executive Editors

Yu. S. Khudyakov, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Chief Researcher; Novosibirsk State University – Professor, Department of Archaeology and Ethnography; Russia)

A. I. Krivoschapkin, Doctor of History (Novosibirsk State University – Head of the Department of Archaeology and Ethnography; Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Leading Researcher; Russia)

Executive Secretary

O. A. Mit'ko, Cand. of Historical Sc. (Novosibirsk State University – Head of the Archaeology Section at the Laboratory of Humanitarian Studies; Russia)

Board Members

L. A. Bobrov, Doctor of History (Novosibirsk State University – Associate Professor, Department of Archaeology and Ethnography; Russia)

B. Viola, Doctor of Sc., Prof. (University of Toronto – Professor, Department of Anthropology; Canada)

A. V. Golovnev, Corresponding Member of the RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of History and Archaeology of UB RAS – Chief Researcher; Ural Federal University – Head of the Department of Archaeology and Ethnology of the History Faculty; Russia)

A. P. Derevyanko, Academician of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – academic adviser; Novosibirsk State University – Head of the Department of General History; Russia)

J. Joubert, Doctor of Sc., Prof. (University of Bordeaux – Professor of Prehistory; France)

N. N. Kradin, Corresponding Member of RAS, Doctor of History, Prof. (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of FEB RAS – Head of the Center of Political Anthropology; Far Eastern Federal University – Head of the Department of General History, Archaeology and Anthropology; Russia)

R. M. Krause, Doctor of Sc., Prof. (Goethe University, Frankfurt-am-Main – Professor; Germany)

B. E. Kumekov, Academician of NAS RK, Doctor of History, Prof. (Eurasian National University of L. N. Gumilev – Professor; Kazakhstan)

L. V. Lbova, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Leading Researcher; Novosibirsk State University – Professor; Russia)

A. Nagler, Doctor of Sc. (German Archaeological Institute – Researcher; Germany)

H. Plisson, Doctor of Sc., Prof. (Université Bordeaux-I – Leading Researcher, PACEA Laboratory; France)

Z. S. Samashev, Doctor of History, Prof. (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology – Chief Researcher; Kazakhstan)

S. G. Skobelev, Cand. of Historical Sc. (Novosibirsk State University – Head of the Laboratory of Humanitarian Studies; Russia)

K. Sh. Tabaldiev, Cand. of Historical Sc., Prof. (Kyrgyz-Turkish Manas University – Professor; Kyrgyzstan)

E. F. Fursova, Doctor of History, Prof. (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS – Leading Researcher; Novosibirsk State University – Professor, Department of Archaeology and Ethnography; Russia)

T. Higham, Doctor of Sc. (Oxford University – Deputy Director of the Radiocarbon Dating Laboratory; United Kingdom)

S. Hansen, Doctor of Sc., Prof. (German Archaeological Institute – Director of the Eurasian section; Germany)

J. Chochorowski, Doctor of Sc., Prof. (Jagiellonian University – Professor; Poland)

V. P. Chabai, Corresponding Member of NAS Ukraine, Doctor of History (Ukraine Institute of Archaeology of NAS – Chief Researcher; Kiev)

Jung Sukbae, Doctor of Sc., Prof. (Korean National University of Cultural Heritage – Professor, Chief of Graduate Studies; Republic of Korea)

ВЕСТНИК НГУ

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: История, филология

2018. Том 17, № 3:
Археология и этнография

СОДЕРЖАНИЕ

Преподавание археологии в вузах

- Бочарова Е. Н.* Опыт реализации программы вебинаров в НГУ (проект «Terra pre-historica. Археология онлайн») 9
- Котович Л. В., Мыльникова Л. Н.* Студенты о результатах археологической практики (по материалам полевых отчетов практикантов из Новосибирского и Томского государственных университетов) 15

Теория науки, новые методы исследований

- Зоткина Л. В.* Приемы обработки нефрита: результаты экспериментально-трассологического исследования забайкальского сырья 22
- Головченко Н. Н.* Проблемы типологии и интерпретации поясных крючьев эпохи раннего железа юга Западной Сибири 32

Археология Евразии

- Молодин В. И., Райнхольд С., Мыльникова Л. Н., Ненахов Д. А., Хансен С.* Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) 39
- Черемисин Д. В., Молодин В. И., Зоткина Л. В., Цэвээндорж Д., Кретэн К.* Новые исследования раннего пласта наскального искусства Монгольского Алтая 57
- Мандрыка П. В., Гурулёв Д. А., Голубева Е. В., Вдовенкова М. В.* Клады эпохи неолита на комплексе Проспихинская Шивера IV в Нижнем Приангарье 78
- Бычков Д. А., Волков П. В.* Признаки контролируемого использования огня (по материалам поселений эпохи неолита и палеометалла в Северном Приангарье) 92
- Дураков И. А.* Серийное производство в литейном деле большереченской культуры 100
- Ненахов Д. А.* Внутреннее устройство втулок кельтов раннего железного века Сибири 111
- Худяков Ю. С.* Находки предметов вооружения и воинского снаряжения с городища Шельджи в Таласской долине Кыргызстана 123

Этнография народов Евразии

- Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж.* Каменные изваяния на кыргызском кладбище (современный вариант вторичного использования средневековых статуй) 129

<i>Рассадин И. В.</i> Особенности оленеводства у народов Саянской горной страны в прошлом и настоящем	136
<i>Николаев В. В.</i> Миграция кумандинцев из села в город в начале XXI века	142
<i>Бадмаев А. А.</i> Подводный мир в традиционном мировоззрении бурят	148

Научная информация

<i>Татаурова Л. В., Лысенко Д. Н., Галухин Л. Л.</i> VI Международная научная конференция «Культура русских в археологических исследованиях»: новый вклад в развитие научного направления (к юбилею г. Енисейска)	156
<i>Скобелев С. Г.</i> IV Международная научно-практическая конференция «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий»	163
Список сокращений	167
Сведения об авторах	169
Информация для авторов	171

VESTNIK of NSU

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: History and Philology

2018. Volume 17, № 3:
Archaeology and Ethnography

CONTENTS

Teaching of Archaeology in High Schools

- Bocharova E. N.* Experience of Webinar Program Organized in Novosibirsk State University (Project «Terra Prehistorica. Archaeology Online») 9
- Kotovich L. V., Myl'nikova L. N.* Students about the Results of Archaeological Practice (Based on the Field Reports of Trainees from Novosibirsk and Tomsk State Universities) 15

Theory of a Science, New Methods of Researches

- Zotkina L. V.* Jade Treatment: Results of Experimental and Traceological Studies of Transbaykalian Raw Material 22
- Golovchenko N. N.* On Typology and Interpretation of Early-Iron-Age Belt Hooks Discovered in the South of Western Siberia 32

Archaeology of Eurasia

- Molodin V. I., Reinhold S., Mylnikova L. N., Nenakhov D. A., Hansen S.* Radiocarbon Dates of the Tartas-1 Neolithic Complex (Early Neolithic in Baraba) 39
- Cheremisin D. V., Molodin V. I., Zotkina L. V., Tseveendorj D., Cretin C.* New Research of Earliest Rock Art in Mongolian Altai 57
- Mandryka P. V., Gurulev D. A., Vdovenkova M. V., Golubeva E. V.* Neolithic Caches from Prospikhinskaya Shivera IV Site (Lower Angara Region) 78
- Volkov P. V., Bychkov D. A.* Attributes of Controlled-Use of Fire: Based on Materials Discovered in Settlements of Neolithic and Paleometal Ages in Northern Angara Region 92
- Durakov I. A.* Serial Production in the Foundry Industry of Bol'sherechye Culture 100
- Nenakhov D. A.* Internal Structure of the Celt Produced in the Early Iron Age in Siberia 111
- Khudyakov Yu. S.* Findings of Several Objects of Armament and Military Equipment from the Ancient Settlement Shelji in Talas Valley (Kyrgyzstan) 123

Ethnography of the Peoples of Eurasia

- Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh.* Medieval Stone Statues at Modern Kyrgyz Cemetery (Second Use) 129
- Rassadin I. V.* Features of Reindeer Breeding among the Peoples of Sayan Mountain Country: Past and Present 136

<i>Nikolaev V. V.</i> Migration of the Kumandins to the City at the Beginning of 21 st Century	142
<i>Badmaev A. A.</i> Underwater World in the Traditional Buryat Worldview	148

Scientific Information

<i>Tataurova L. V., Lysenko D. N., Galukhin L. L.</i> VI International Scientific Conference «Russian Culture in Archaeological Research: New Contributions to the Development of a Scientific Direction (To the Anniversary of the City of Yeniseisk)	156
<i>Skobelev S. G.</i> IV International Scientific-Practical Conference «Peoples and Cultures of Sayan-Altai and Adjacent Territories»	163
List of Abbreviations	167
Our Contributors	169
Instructions to Contributors	171

УДК 378.1 + 37.02/ 902
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-3-9-14

Е. Н. Бочарова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

bocharova.e@gmail.com

**ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ВЕБИНАРОВ
В НОВОСИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(ПРОЕКТ «TERRA PREHISTORICA. АРХЕОЛОГИЯ ОНЛАЙН»)**

Современные технологии вносят свои коррективы во все области жизни человека, в том числе и в образовательную деятельность. Онлайн-лекции (вебинары) являются современной, инновационной формой презентации материала через Интернет в режиме реального времени и становятся эффективным и актуальным инструментом подготовки специалистов в той или иной области знания. В Новосибирском национальном исследовательском государственном университете с 2015 г. на постоянной основе реализуется проект «Terra Prehistorica. Археология онлайн»: вебинары по археологии и антропологии ведущих ученых России и мира. Всего в рамках проекта «Terra Prehistorica» было прочитано более 30 лекций, а также осуществлены трансляции научных и научно-популярных мероприятий. Данные лекции тем или иным образом интегрированы в текущий образовательный процесс. Вебинары по археологии и антропологии нацелены на повышение в первую очередь научной квалификации студентов, молодых ученых и преподавателей НГУ в части освоения современных методик проведения полевых и лабораторных исследований, а также анализа данных.

Ключевые слова: вебинары, онлайн, e-Learning, высшее образование, археология.

В современном мире информационные технологии проникают в образовательную систему и становятся неотъемлемой ее частью. Развитие системы дистанционного и смешанного образования с каждым годом становится все популярнее среди потребителей образовательных услуг. В Новосибирском национальном исследовательском государственном университете помимо постоянно действующих массовых открытых онлайн-курсов на платформах Coursera и «Образование на русском»¹ с 2014 г. организовываются вебинары по археологии и смежным наукам. Целью данной статьи является анализ опыта работы Научно-образовательного центра «Новая археология»

совместно с кафедрой археологии и этнографии Гуманитарного института НГУ и Институтом археологии и этнографии СО РАН по организации, проведению и интеграции в образовательный процесс онлайн-лекций (вебинаров), имеющих своими рабочими задачами повышение уровня, качества и эффективности традиционных методов и способов обучения.

В последние годы одной из актуальных проблем подготовки молодых кадров является своевременное изменение учебных программ согласно новым данным и открытиям. В настоящее время на кафедре археологии и этнографии ГИ НГУ разрабатываются и обновляются учебные программы по

¹ Онлайн-образование. URL: http://www.nsu.ru/education_online_english/.

археологии, антропологии и палеонтологии, повышающие уровень практической подготовки бакалавров и магистрантов в соответствии с требованиями времени. Реализация обновленных и вновь создаваемых учебных программ требует привлечения актуальных данных по археологии и смежным областям знаний. В связи с этой необходимостью было принято решение привлекать профессиональных археологов, геологов, зооархеологов и других специалистов России и мира к чтению отдельных лекций в режиме онлайн. В настоящей статье приводятся основные сведения о программе онлайн-лекций в рамках подготовки бакалавров, магистрантов и аспирантов по направлению 46.06.01 «Исторические науки и археология», которые в соответствии с оперативными потребностями и запросами общества осуществлялись с целью подготовки высококвалифицированных специалистов в области археологии.

Слово «вебинар» (англ. «webinar») образовано от «web» и «seminar» и переводится как «семинар в сети». Он является онлайн-аналогом традиционной лекции или семинара. Участие в вебинаре может быть двусторонним, доступным в режиме реального времени благодаря видео- или аудиовещанию и записи, включая слайд-презентации и использование экрана в качестве электронной доски [Wang, Hsu, 2008; Humphrey et al., 2013]. Данная форма проведения занятий популярна во всем мире. История развития электронного образования (e-Learning) имеет три этапа: курсы на базе CD-ROM, дистанционное образование и e-Learning [Сатунина, 2006; Герасимова, Сорокина, 2016]. В настоящее время неоспоримыми становятся достоинства e-Learning: практически неограниченная свобода доступа; низкая ценовая политика; возможность модульного деления содержания электронного курса и гибкий график обучения; возможность обучения на рабочем месте; имеется свойство своевременного развития. Для обучающихся определяются в первую очередь следующие преимущества электронного образования: гибкость, экономия времени, простота и возможность возвращения к пройденному материалу (записи лекций) [Сатунина, 2006; Герасимова, Сорокина, 2016].

Вебинары по археологии в НГУ впервые были запущены 4 года назад в рамках Сибирской археологической полевой школы. Во время работы школы организовывались

трансляции лекций известных археологов: Х. Плиссона (Франция), Й. Бувита (США), М. Изухо (Япония), Е. Ю. Гири (Россия, Санкт-Петербург). Вещание было организовано также и из Новосибирска: лекции академика В. И. Молодина, д-ра ист. наук А. И. Кривошапкина, канд. ист. наук Т. И. Нохриной. Благодаря использованию такого формата стало возможным организовать занятия без отрыва лекторов от их основной работы и без излишних затрат на организацию их визита в Новосибирск. В связи с тем, что лекции были открытыми, аудитория участников школы расширялась за счет иногородних онлайн-слушателей.

Подобный формат вызвал большой интерес в археологическом сообществе и с 2015 г. вебинары стали проходить на постоянной основе для студентов, специализирующихся на кафедре археологии и этнографии гуманитарного факультета НГУ в рамках подготовки по направлению «История». Данный проект получил название «Terra Prehistorica. Археология онлайн». В настоящее время он представляет собой открытые лекции ведущих ученых России и мира по археологии и антропологии, которые проводятся в режиме реального времени и транслируются по всему миру. Работа над проектом ведется силами сотрудников НГУ совместно с учеными из ИАЭТ СО РАН. С ноября 2016 г. проект реализуется в рамках программы по повышению конкурентоспособности ведущих университетов «Топ 5-100» (в процессе деятельности Стратегической академической единицы «Информационные и гуманитарные технологии представления знаний в образовательных системах»). С 2017 г. проект стал ведущим направлением работы создаваемого научно-образовательного центра «Новая археология». В задачи проекта входят:

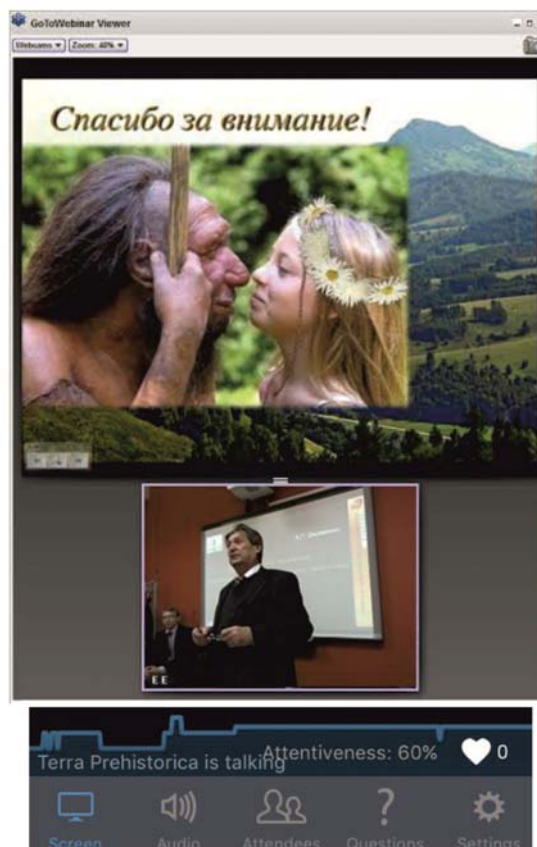
- создание современной информационной среды, которая является источником информации для целевой группы потребителей;
- переход к международным стандартам подготовки по направлению «археология»;
- развитие контактов с ведущими научными центрами России и мира.

За время существования проекта суммарное количество участников составило более 500 человек. Среди них есть как профессиональные археологи, так и слушатели, не имеющие специальной археологической

подготовки. География участников составляет 48 городов России, а также научные и образовательные центры Франции, Республики Корея, Японии, Казахстана, Киргизии, Великобритании, Германии, Болгарии. С февраля 2015 г. было организовано более 30 лекций (включая 3 курса лекций) известных ученых России и мира: академика А. П. Деревянко (Новосибирск, Россия) (см. рисунок), д-ра ист. наук С. А. Васильева (Санкт-Петербург, Россия), д-ра ист. наук С. В. Васильева (Москва), проф. Б. Виола (Канада), проф. Ж. Жобера (Франция), проф. В. Шифенхвиля (Германия), д-ра У. Рандю и др.

Используемое программное обеспечение имеет большой потенциал и позволяет организовывать трансляции не только лекционных занятий, но и заседаний конференций. Так, в ноябре 2015 г. совместно с университетом Бордо (Франция) впервые была организована трансляция заседаний научно-практического семинара «3D в археологии: больше чем измерение». С 2016 г. проводятся трансляции заседаний международной конференции «Евразия в кайнозое» (ИГУ, ИАЭТ СО РАН, НИЦ «Байкальский регион», ИЗК СО РАН, ИГ СО РАН).

Данные лекции активно интегрируются в текущий образовательный процесс. Трансляции могут быть организованы для студентов, которые посещают какой-то определенный курс, когда доступ есть только у лектора и обучающихся. Это лекции приглашенного профессора, который в силу разных причин не может лично присутствовать в Новосибирске (например, лекции по определенным темам в курсах «Основы антропологии», «Менеджмент историко-культурного наследия», «Каменный век Северной Азии»). В таких случаях вебинары являются обязательными к посещению, ведется список присутствующих. Контроль освоения осуществляется через обязательные мини-опросы и дискуссии после лекций, а также посредством включения дополнительных вопросов по темам лекций в контрольные задания по основным курсам, в рамках которых проводились вебинары. Занятия в рамках определенных курсов могут быть также и открытыми, как, например, лекция канд. биол. наук Н. А. Рудой (НГУ, ИАЭТ СО РАН) «Основы палинологического анализа и его применение для реконструкции облика прошлых ландшафтов, растительности и климата» в рамках курса «Естественнонауч-

Принтскрин экрана администратора

ные методы в археологии». В результате участие в лекции, помимо магистрантов 1-го курса, которым читался этот курс, приняли студенты 3-го и 4-го курсов ГИ НГУ и 37 онлайн-участников. В дальнейшем такой опыт можно использовать при разработке самостоятельного смешанного курса в рамках образовательной программы по направлению «Археология» для магистратуры или аспирантуры (например, в настоящее время ведется апробация программы онлайн-лекции по зооархеологии).

Однако данный проект создан не только для обучающихся НГУ, но и для онлайн-слушателей. Поэтому трансляция может быть организована двумя способами: 1) лектор читает лекцию, находясь в аудитории с реальными слушателями, обучающимися НГУ, а трансляция организуется для слушателей онлайн; 2) лектор находится в любой точке мира, где имеется доступ к Интернету. Трансляция организовывается в двух направлениях: видео-, аудиопоток и презентация от лектора и аудио-, видеопоток из аудитории в НГУ (для удобства лектора).

Во время вебинара каждый из участников находится у своего компьютера, а связь между ними поддерживается через Интернет посредством загружаемого веб-приложения.

Мы используем приложение GoToWebinar (см. рисунок). Оно было выбрано из нескольких известных программ и ресурсов (Вебинар.RU, YouTube Air, Skype и др.) Лекция представляет собой аудио- и видеотрансляцию, параллельное воспроизведение слайдов презентации. К дополнительным средствам используемого ресурса относятся возможность использования экрана лектора как виртуальную доску, голосование и опросы, обмен и предоставление доступа к файлам, демонстрация рабочего стола и открытых на нем программ. Кроме того, каждый слушатель может задать вопрос лектору через текстовый чат, а также устно. По желанию производится аудиозапись трансляции вебинаров, которая накладывается на слайдовую презентацию. Данный программный продукт имеет также официальное бесплатное мобильное приложение, что во многом упрощает участие в вебинарах. Приложение позволяет охватывать аудиторию до 1 000 подключений.

Проведение вебинаров не требует дорогостоящего или эксклюзивного оборудования. В нашем проекте мы используем веб-камеры с расширением HD 1080, компьютер, имеющий доступ к сети Интернет (выделенный канал в сети университета), беспроводные микрофоны. Каждый вебинар модерировается администратором. Он готов помочь как лектору, так и зрителям во время трансляции; устраняет технические неполадки (в случае их возникновения); координирует все активности в рамках вебинара (письменный чат и вопросы, переключение экранов и лекторов и др.).

Важным рабочим направлением деятельности по проекту является использование данного формата не только в научно-образовательной сфере, но и популяризаторской, с привлечением к участию школьников и других пользователей сети Интернет через проведение специальных лекций, посвященных общим вопросам археологии и антропологии. Так, в феврале 2017 г. в рамках Дней науки в ИАЭТ СО РАН прошел курс научно-популярных лекций. Они охватывали широкий тематический диапазон: по антропогенезу («Загадки неандертальцев, или Немного об альтернативном человечестве»,

канд. ист. наук К. К. Павленок; «Человек из Денисовой пещеры на Алтае», М. Б. Козликин); палеолитическому искусству Франции («Магия во мраке: шедевры пещерного искусства Франко-Кантабрии»), канд. ист. наук Л. В. Зоткина), отличались междисциплинарным подходом в археологии («Древесно-кольцевой анализ, или дендрохронология»), канд. ист. наук И. Ю. Слюсаренко; «Палеогенетические методы в археологии», канд. биол. наук А. С. Пилипенко). Всего участие в «Днях науки» приняло 80 онлайн-слушателей. Однако проведение научно-популярных лекций в настоящее время является первичным опытом в отличие от множества ресурсов, которые активно развивают популяризаторское направление и используют элемент онлайн-образования через создание подкастов, коротких роликов, лекций и т. д. Особый интерес вызывают проекты «Антропогенез.ру», «НаукаPro», «Разведдопрос» (портал Дмитрия Пучкова), которые активно ведут просветительскую деятельность и имеют многотысячную онлайн-аудиторию.

За два года реализации проекта «Teerra Prehistorica. Археология онлайн» отмечается повышение профильного образовательного уровня студентов, магистрантов и аспирантов, специализирующихся на кафедре археологии и этнографии ГИ НГУ. Проводимые курсы онлайн-лекций позволяют обратить внимание слушателей на ключевые проблемы археологической науки и пути их решения, ознакомиться с последними исследованиями и их результатами. Тем самым повышается уровень знаний студентов в области конкретных тем археологии, антропологии и междисциплинарных исследований, идет формирование навыков ведения и участия в научной дискуссии. Накопленный опыт в организации лекций, тематических курсов, трансляций заседаний конференций будет направлен на совершенствование существующих программ, подготовку и разработку новых образовательных программ по профилю «Археология», включая полноценные онлайн-курсы, дистанционные курсы повышения квалификации, магистерские программы. Широта охвата онлайн-аудитории положительно сказывается на формировании имиджа направления «Археология» в НГУ (101–150 место в QS World University Rankings по направлению «Археология»), увеличении количества абитуриентов на все ступени подготовки.

Список литературы

Герасимова В. Г., Сорокина М. Ю. К вопросу обучения в электронной образовательной среде // Славянский форум. 2016. № 1 (11). С. 61–67.

Сатунина А. Е. Электронное обучение: плюсы и минусы // Современные проблемы науки и образования. 2006. № 1. С. 89–90.

Humphrey R. L., LeGrand C. S., Beard D. F. How to host a successful webinar // Strategic Finance. 2013. № 95 (1). P. 31–37.

Wang Shi. Kw., Hsu H. Y. Use of the Webinar Tool (Elluminate) to Support Training: the Effects of Webinar-Learning Implementation from Student-Trainers' Perspective // Journal of Interactive Online Learning, 2008. Vol. 7, № 3. P. 175–194.

Материал поступил в редколлегию 11.01.2018

E. N. Bocharova

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

bocharova.e@gmail.com

**EXPERIENCE OF WEBINAR PROGRAM ORGANIZED
IN NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
(PROJECT «TERRA PREHISTORICA. ARCHAEOLOGY ONLINE»)**

Purpose. This paper shows some results of implementing e-Learning in Novosibirsk State University. The project «Terra Prehistorica. Archaeology online» is a series of webinars offering free professional development opportunities for students, young researchers and archaeologists seeking to enhance their skills or knowledge. It is a collaborative project of the Science and educational center «New archaeology», Department of Archaeology and Ethnography (Novosibirsk State University) and the Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS. The project «Terra Prehistorica» was launched in 2015. For two years, we have arranged more than 30 lectures of famous archaeologists from around the world (Russia, France, Japan, USA, Germany, Canada, etc.). Currently the total audience counts over 500 viewers from Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Korea, United Kingdom, France, Poland, etc. This project includes lectures for students as a part of their educational program, open lectures and courses of lectures, broadcast of conferences and workshops. We use GoToWebinar for broadcasting. This is a simple and handy application that can demonstrate slideshow presentations where images are presented to the audience, and markup tools and a remote mouse pointer are used to engage the audience while the presenter discusses the slide content; live or streaming video; meeting recordings; text chat and desktop sharing where participants can view anything the presenters currently show on their screen. Such engaging events help us keep up to date on developments in archaeology and anthropology with the help of leading experts in archaeology and allied sciences. It is a good opportunity to enhance skills and knowledge base for students who chose archaeology as a specialty and for online participants.

Results. We developed a project including free webinars available to anyone interested in the newest results of investigation in archaeology. The experience of implementing this project shows that such a format is effective enough to enhance skills in archaeological and multidisciplinary investigations.

Conclusion. During the period of two years while implementing the project «Terra Prehistorica. Archeology online», we observe an increase in the educational level of students (BA, MA and PhD). The courses of online lectures allow drawing attention to the key problems in archaeology and ways of their solution as well as getting acquainted with the latest research and results of archaeological and multidisciplinary investigations. The accumulated experience in organizing lectures in the form of webinars facilitates the development of online course for training archaeologists at NSU.

Keywords: webinar, online, e-Learning, high school, archaeology.

References

Gerasimova V. G., Sorokina M. Yu. K voprosu obucheniya v elektronnoi obrazovatel'noi srede [Some issues of training in e-learning environment]. *Slavyanskii forum* [*Slavic forum*], 2016, iss. 1 (1), p. 61–64. (in Russ.)

Humphrey R. L., LeGrand C. S., Beard D. F. How to host a successful webinar. *Strategic Finance*, 2013, no. 95 (1), p. 31–37.

Onlain obrazovanie [Online education]. *Novosibirskii gosudarstvennyi universitet* [*Novosibirsk State University*] (in Russ.) Available at: http://www.nsu.ru/education_online_english (accessed 28.12.2017)

Satunina A. E. Elektronnoe obuchenie: plyusy i minusy [E-learning: pros and cons.]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [*Modern problems of science and education*], 2006, no. 1, p. 89–90. (in Russ.)

Wang Shi. Kw., Hsu H. Y. Use of the Webinar Tool (Elluminate) to Support Training: The Effects of Webinar-Learning Implementation from Student-Trainers' Perspective. *Journal of Interactive Online Learning*, 2008, vol. 7, iss. 3, p. 175–194.

Л. В. Котович, Л. Н. Мыльникова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

L.Mylnikova@yandex.ru

**СТУДЕНТЫ О РЕЗУЛЬТАТАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ОТЧЕТОВ ПРАКТИКАНТОВ
ИЗ НОВОСИБИРСКОГО И ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ) ***

Археологическая практика пока еще не стала предметом изучения исследователей, как, впрочем, и другие практики. Ее основные задачи сводятся к трем положениям: закрепить и расширить знания по археологии и истории Сибири, полученные на лекциях и семинарах, показать все многообразие археологических источников; заложить основы профессиональных умений и навыков организации труда в археологической экспедиции, ведения полевой и финансовой документации, первичной камеральной обработки материалов, полевой реставрации и консервации находок, предварительной интерпретации полученных данных; выработать профессиональные навыки, способствующие становлению практикантов как самостоятельных исследователей. В отчетах о результатах практики на базе Западносибирского и Тогучинского отрядов ИАЭТ СО РАН первокурсники отмечали успешное выполнение первой из этих задач. Констатирована также успешность реализации второй задачи. Реализация третьей задачи в отчетах представлена не столь отчетливо. Многие студенты результаты ее выполнения либо никак не отразили, либо ограничились самыми общими фразами. Последнее, судя по этим отчетам, требует пристального внимания и дальнейшей работы.

Ключевые слова: археологическая практика, задачи, реализация, проблематизация.

В своей педагогической деятельности, в том числе в качестве руководителей студенческих практик¹, мы стремимся создать все условия, чтобы студенты имели возможность учиться. Это одно из ключевых правил в организации практики. Естественно, возникает вопрос: насколько наш посыл понимается (принимается) студентами-практикантами? Ответ на него можно получить в

ходе бесед со студентами; слушая их выступления на итоговых конференциях; анализируя отчеты о практиках. В статье мы обратимся к последним – к отчетам о полевых археологических практиках студентов Новосибирского и Томского государственных университетов, проходивших на базе Западносибирского (начальник отряда акад. В. И. Молодин) и Тогучинского (начальник отряда

* Исследование проведено в рамках Программы XII.186.2. Проект № 0329-2018-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

¹ Л. В. Котович – руководитель педагогической, архивной, музейной практик студентов ИИГСО НГПУ 1985–2014 гг.; Л. Н. Мыльникова – руководитель археологической практики студентов НГУ 2011–2017 гг., ТГУ – 2016 г.

д-р ист. наук Л. Н. Мыльникова) археологических отрядов в 2015–2017 гг. на памятниках Тартас-1 и Венгерovo-2.

Выбор остановлен на археологической практике по двум причинам. Во-первых, она завершает первый год обучения в вузе и является его своеобразным комплексным итогом. Во-вторых, это возможность получить некоторые результаты и прописать образовательный маршрут на перспективу, т. е. это вероятность реализовать индивидуальный подход в подготовке специалистов-бакалавров.

Сразу отметим, что археологическая практика пока еще не стала предметом пристального научного изучения, как, впрочем, и другие практики. Этот вывод вытекает из анализа тематики диссертационных работ и материалов журнальной периодики. С 1937 по 1997 г. из общего числа 1 610 работ на соискание докторской степени по педагогике вузовской проблематике посвящено не более 10 %, из них непосредственно педагогической или археологической практике – ни одной [Оганесян, 2006. С. 4]. Практики не стали предметом активного обсуждения и на страницах специализированных журналов, например издания «Высшее образование в России»¹. С 2002 г. в России действует международная конференция «Полевые студенческие практики в системе естественнонаучного образования вузов России и зарубежья». Статистика показывает, что археологи принимали активное участие и имели публикации только в материалах третьей конференции [Полевые практики..., 2009]. В 2017 г. в материалах по итогам работы пятой конференции по археологическим практикам опубликовано две статьи [Новикова и др., 2017; Умеренкова, 2017].

Основная цель полевой археологической практики заключается «в закреплении у студентов базовых теоретических знаний о со-

временных методах и приемах проведения археологических разведок и стационарных раскопок памятников разных видов, формировании ряда практических навыков использования методов и приемов ведения археологических изысканий на практике в ходе полевых исследований, развитии исследовательского подхода к изучению вещественных памятников – основных источников информации по древнейшей истории России». Полевая археологическая практика является дополнением, необходимым для понимания главных положений, излагаемых в курсах «История отечественной археологии», «Археология палеолита», «Археология неолита», «Археология палеометалла», «Археология железного века», «Археология Средневековья», «История первобытного общества», «История Сибири», «Основы антропологии и расоведения», «Палеоэкология человека». Она призвана наполнить учебные лекционные курсы реальным содержанием на основе материалов из конкретных археологических памятников; показать все многообразие и важность полученных при участии студентов археологических источников для реконструкции исторического прошлого; и одновременно способствовать вовлечению студентов в научный поиск. Большую роль археологическая практика играет в воспитании коллективизма, привитии трудовых навыков и развитии научных интересов. Основные задачи, которые формулирует руководитель археологической практики студентам, сводятся к трем положениям: закрепить, углубить, расширить знания по археологии и истории Сибири, полученные на лекциях и семинарских занятиях, показать все многообразие археологических источников; заложить основы профессиональных умений и навыков организации труда в археологической экспедиции, ведения полевой и финансовой документации, первичной камеральной обработки материалов, полевой реставрации и консервации находок, предварительной интерпретации полученных данных; выработать профессиональные навыки, способствующие становлению практикантов как самостоятельных исследователей.

Во время прохождения полевой практики на базе Западносибирского и Тогучинского отрядов студенты разных вузов находились в одинаковых условиях. Все участники были разделены на группы и прикреплены

¹ «Высшее образование в России» – ежемесячный рецензируемый общероссийский научно-педагогический журнал, публикующий результаты фундаментальных, поисковых и прикладных проблемно-ориентированных исследований современного состояния высшей школы и тенденций ее развития, выполненных на стыке наук (с позиций педагогики, социологии, истории, экономики и менеджмента). Особое внимание уделяется проблемам подготовки и повышения квалификации научных и научно-педагогических работников высшей школы. Издается с 1992 г., периодичность 11 номеров в год (URL: <http://www.vovr.ru/onas.html>, дата обращения 18.01.2018).

Рис. 1. Лекция проф. Г. Парцингера (Берлин, Германия)
с участием академика РАН В. И. Молодина (Новосибирск, Россия)
во время научно-производственной практики 2016 г. на базе Западносибирского археологического отряда

к памятнику, на котором с ними, кроме руководителя, работали сотрудники ИАЭТ СО РАН и студенты старших курсов. В течение времени может проходить ротация, так чтобы каждый практикант имел возможность знакомства со всеми видами памятников, находящихся в работе. Перед началом исследования проводился инструктаж по технике безопасности, распорядку жизни в лагере, методике раскопок. В мероприятия практики, помимо непосредственной работы на раскопе, включались экскурсии по памятникам Венгеровского археологического микрорайона, лекции специалистов ИАЭТ СО РАН и специалистов – гостей отряда, имеющие формат общего обзора изученности и современного состояния проблем мировой и сибирской археологии.

В своих отчетах о результатах практики первокурсники указывали на задачи, которые стояли перед ними: «...в данной работе, передо мною были поставлены... задачи»²; «Передо мной, как участником археологической экспедиции, были поставлены следующие задачи»; «...я выполнял археологи-

ческую практику (...) в целях выполнения образовательной программы». Далее они переходили к описанию (характеристике) реализации задач. Заметим, что во многих отчетах практиканты говорили о полученных навыках жизни и сотрудничества в экстремальных полевых условиях со студентами разных вузов, с «начальством» в лице академиков, докторов, кандидатов наук. Но этого сюжета мы не касаемся, так как он требует отдельного рассмотрения.

Все студенты-практиканты в отчетах отмечали, что на практике успешно выполнена первая задача: «...узнала много нового о различных археологических культурах»; «...узнала специфику материальной культуры исследуемых объектов»; «...я получил курс лекций, так или иначе связанных с раскопом... особое внимание заслуживает лекция по палеогенетике, так как с такой дисциплиной редко можно самостоятельно ознакомиться»; «...я пришла к выводу, что Сибирь является источником богатейшего собрания археологических объектов, погребений и артефактов»; «...в результате практики были расширены знания об археологии Сибири» и т. п. (рис. 1).

² Здесь и далее в цитируемых отчетах студентов-практикантов орфография и пунктуация сохранены.

Рис. 2. Работы на поселении Венгерово-2 в рамках научно-производственной практики 2016 г.

Рис. 3. Ведение студентами письменной документации в рамках научно-производственной практики 2016 г.

Можно констатировать, что, во-первых, студенты встраивают дополнительные знания, полученные на практике, в систему знаний, которая сложилась в результате обучения на первом курсе; во-вторых, формируется задел для работы на будущих практиках.

Единодушны были наши подопечные и в оценке успешности реализации второй задачи археологической практики. В отчетах они писали: «...мы приобрели важные профессиональные навыки», «...за время, проведенное на практике, мы получили ряд принципиально новых умений», «...мы приобрели огромное количество навыков», «...у меня появились новые впечатления и навыки», «...я приобрела ценный археологический опыт и навыки». Во многих отчетах эти навыки конкретизируются: студенты-практиканты подчеркивают, что получили «...навыки полевых археологических работ, таких, как: снятие горизонта, зачистка, работа с тахеометром», «...ознакомлены с камеральными методами работы», «...теперь я имею представление о том, как проходят археологические раскопки», «...данная практика явилась базой для развития навыков археологической работы», «...полноценное ознакомление с жизнью археологов», «...результатом нашего обучения на практике стало то, что мы стали настоящими археологами» и т. п. (рис. 2). Подавляющее большинство студентов-практикантов были впервые в полевых условиях археологических раскопок, но в кратчайшие сроки овладели многими практическими навыками.

Реализация третьей задачи – выработка профессиональных навыков, способствующих становлению практикантов как самостоятельных исследователей – в отчетах студентов-практикантов представлена не столь отчетливо, как первых двух. Результаты ее выполнения в большинстве документов либо никак не отражены, либо характеризуются самыми общими фразами: «...данное событие помогло выработать во мне навыки, способствующие становлению как самостоятельного исследователя» (это предварялось перечислением того, что они делали во время практики) (рис. 3). Только в редких случаях, скорее как исключение, встречаются отчеты, в которых студенты-практиканты рассуждают по поводу своей исследовательской деятельности, анализируя находки и вписывая их в исследовательское поле. Так, в одном отчете встречаем суждение: «Одна

из последних находок в период практики свидетельствует о высокой вероятности того, что представители кротовской и одиновской культур проживали вместе. Ранее данный вопрос относился к спорным, теперь появились серьезные аргументы “за” ее вероятность».

Такая ситуация (слабое отражение в отчетах реализации третьей задачи) вызывает вопросы. Студенты полагают, что в данном случае нет места для самостоятельной исследовательской работы и задача избыточна (ее нельзя реализовать?), либо они не рефлексируют по этому поводу? Другое?

Имея в виду, что «практика должна стать не только местом апробации способностей, но и площадкой проблематизации будущей профессиональной деятельности» [Полупан, 2017. С. 160], последнее (проблематизация будущей профессиональной деятельности), судя по отчетам студентов-практикантов, требует пристального внимания и дальнейшей работы.

Становление практикантов как самостоятельных исследователей возможно лишь тогда, когда они сами осознанно смогут удерживать три позиции: «я могу», «я знаю – я умею», «я осмысливаю».

На уровне замысла «я могу»:

- я могу сформулировать проблему, которую буду исследовать;
- я могу объяснить, почему именно эту проблему буду исследовать;
- я могу конкретизировать проблему, которую буду исследовать.

На уровне реализации замысла «я знаю» и «я умею»:

- я знаю, какая литература мне поможет реализовать мой замысел;
- я умею работать с этой литературой;
- я знаю, какие источники мне помогут реализовать мой замысел;
- я умею работать с этими источниками;
- я знаю, как писать и оформлять текст исследования;
- я умею писать и оформлять текст исследования.

На уровне рефлексии:

- я могу сформулировать выводы своего исследования;
- я могу соотнести выводы с замыслом;
- я могу презентовать свое исследование.

Таким образом, исследование показывает, что в целом студенты-практиканты справ-

ляются с поставленными перед ними задачами. Однако главная задача, на которую направлены и первые две (выработать профессиональные навыки, способствующие становлению практикантов как самостоятельных исследователей), не получила достаточного понимания, а значит, и исполнения. На первой практике эта задача носила в основном декларативный характер, а реально будет реализовываться на следующих этапах обучения. Хочется надеяться, что археологическая практика позволит знаниям первокурсников трансформироваться в удовольствие изучения, в умение ставить вопросы и находить ответы, в собственные открытия.

Список литературы

Полевые практики в системе высшего профессионального образования: Материалы III Междунар. конф. Новосибирск: НГУ, 2009. 232 с.

Новикова О. И., Новиков А. В., Кениг А. В. Особенности археологической практики на объектах с мерзлотой // Полевые практики в системе высшего образования: Материалы

V Всерос. конф., посвящ. 65-летию крымской учебной практики по геологическому картированию Ленинградского – Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: ООО Изд-во ВВМ, 2017. С. 73–75.

Оганесян Е. В. Культурологическая модель педагогической практики в системе высшего педагогического образования: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2006. 46 с.

Полупан К. Л. Учебная практика: матричная технология организации // Высшее образование в России. 2017. № 7–8. С. 159–164.

Умеренкова О. В. Полевая практика студентов на базе археологической экспедиции в образовательном процессе в условиях реализации ФГОС высшего образования // Полевые практики в системе высшего образования: Материалы V Всерос. конф., посвящ. 65-летию крымской учебной практики по геологическому картированию Ленинградского – Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: ООО Изд-во ВВМ, 2017. С. 121–123.

Материал поступил в редколлегию 22.01.2018

L. V. Kotovich, L. N. Myl'nikova

*Institute Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

L.Mylnikova@yandex.ru

STUDENTS ABOUT THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL PRACTICE (BASED ON THE FIELD REPORTS OF TRAINEES FROM NOVOSIBIRSK AND TOMSK STATE UNIVERSITIES)

Purpose. One of the key rules in the organization of practices is to create conditions for students to have the opportunity to study. The question arises: how much is this understood (accepted) by student interns? The article was prepared on the basis of reports on field archaeological practices submitted by students of Novosibirsk and Tomsk State Universities, which were held on the basis of West Siberian and Toguchin detachments. We chose archaeological practice as the subject matter because archaeological practice completes the first year of studying at university, and it is a unique outcome and an opportunity to get some results and identify an educational route for the future. Archaeological practice has not yet become the subject of close study of researchers, as well as other practices. The main tasks formulated by the head of the archaeological practice to students are reduced to three provisions: 1. To consolidate, deepen, expand knowledge on archeology and history of Siberia learnt at lectures and seminars, show the diversity of archaeological sources; 2. To lay the foundations of professional skills and organization of work in the archaeological expedition, field and financial documentation, primary cameral processing of materials, field restoration and conser-

vation of findings, preliminary interpretation of the data; 3. To develop professional skills that facilitate the formation of interns as independent researchers.

Results. In their practice reports, freshmen indicate the tasks that they faced. All noted that the first task had been successfully accomplished. It can be stressed that students build additional knowledge gained in practice into the system of knowledge that resulted from the training in the first year; and that a backlog for future practices is formed. The success of the second task was also stated. The vast majority of trainees had a field archaeological experience for the first time, and in the shortest possible time they mastered many practical skills that they had not previously had. The implementation of the third task in the reports was not as clear as the first two. Many students either did not reflect the results of its implementation, or limited the description to some general phrases.

Conclusion. Bearing in mind that «practice should not only be a place for approbation of abilities, but also a platform for problematizing future professional activity», the latter point requires close attention and further work, as we conclude from the reports of the trainee students.

Keywords: archaeological practice, implementation of tasks, problematization.

References

Novikova O. I., Novikov A. V., Kenig A. V. Osobennosti arkheologicheskoi praktiki na ob''ek-takh s merzlotoi [Features of archaeological practices at the sites with permafrost]. *Polevye praktiki v sisteme vysshego obrazovaniya. Materialy Pyatoi Vserossiiskoi konferentsii. Posvyashchaetsya 65-letiyu krymskoi uchebnoi praktiki po geologicheskomu kartirovaniyu Leningradskogo – Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Field practice in the higher education system. Materials of the Fifth all-Russian conference. Dedicated to the 65th anniversary of the Crimean educational practice of geological mapping of the Leningrad – Saint Petersburg State University]. St. Petersburg, OOO VVM Publ., 2017, p. 73–75. (in Russ.)

Oganesyan E. V. *Kul'turologicheskaya model' pedagogicheskoi praktiki v sisteme vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya. Avtoref. dis. d-ra ped. nauk* [Cultural model of pedagogical practice in the system of higher pedagogical education. Dr. histor. sci. syn. diss.]. Moscow, 2006, 46 p. (in Russ.)

Polevye arkheologicheskie praktiki v sisteme vyshego professional'nogo obrazovaniya. Materialy III mezhdunarodnoi konferentsii [Proceedings of the III International conference «Field practices in the system of higher professional education»]. Novosibirsk, NSU Publ., 2009, 232 p. (in Russ.)

Polupan K. L. Uchebnaya praktika: matrichnaya tekhnologiya organizatsii [Teaching practice: a matrix technology organization]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2017, no. 7–8, p. 159–164. (in Russ.)

Umerenkova O. V. Polevaya praktika studentov na baze arkheologicheskoi ekspeditsii v obrazovatel'nom protsesse v usloviyakh realizatsii FGOS vysshego obrazovaniya [Field practice of students on the basis of the archaeological expedition in the educational process in the implementation of the FSES of higher education]. *Polevye praktiki v sisteme vysshego obrazovaniya. Materialy Pyatoi Vserossiiskoi konferentsii. Posvyashchaetsya 65-letiyu krymskoi uchebnoi praktiki po geologicheskomu kartirovaniyu Leningradskogo – Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Field practice in the higher education system. Materials of the Fifth all-Russian conference. Dedicated to the 65th anniversary of the Crimean educational practice of geological mapping of the Leningrad – Saint Petersburg State University]. St. Petersburg, OOO VVM Publ., 2017, p. 121–123. (in Russ.)

УДК 903.014

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-3-22-31

Л. В. Зоткина

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

lidiazotkina@gmail.com

**ПРИЕМЫ ОБРАБОТКИ НЕФРИТА:
РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ЗАБАЙКАЛЬСКОГО СЫРЬЯ ***

В отечественной литературе технологический аспект обработки нефрита представлен всего в нескольких исследованиях, в зарубежной эта тема более популярна. Однако большинство авторов изучают отдельные узкие проблемы, связанные со спецификой подготовки тех или иных изделий. Базовые приемы и возможности модификации такого сложного для обработки сырья, как нефрит, представлены в исследованиях, привлекающих эксперимент, гораздо меньше. В настоящей статье приведены результаты экспериментально-трассологического изучения свойств забайкальского нефрита. Работа направлена на выявление характеристик технологических следов на различных стадиях подготовки сырья. В ходе экспериментов были применены такие способы обработки, как шлифовка, полировка, пиление и сверление. Фиксировались не только общие характеристики изменения формы заготовок, но и технологические следы на разных стадиях проведения экспериментов на микроуровне. Это позволило представить разные степени подготовки нефритового сырья, что может в дальнейшем оказаться полезным для сопоставления трассологических характеристик археологических изделий с приведенными в данной работе трассологическими эталонами, например, для определения стадии обработки материала.

Ключевые слова: нефрит, эксперимент, трассология, технология, шлифовка, полировка, пиление, сверление.

Нефрит – это материал, обладающий высокой твердостью (по шкале Мооса – 6), вязкостью и слоистостью, а также неровным изломом [Семенов, 1955. С. 370]. Помимо его физических свойств, человек всегда обращал внимание на специфический внешний облик этого минерала. Широко известно особое отношение к нефриту в традиционных культурах (см., например, [Taube, 2005; Kovacevich, 2013]).

Распространению нефритов в древности, отдельным изделиям из этого экзотического сырья, особым ритуальным функциям предметов из него в отечественной литературе посвящено довольно много работ, в том числе и специальных [Секерин, Секерина, 2000; Малардырова, 2001; Алексеев и др., 2006; Базалийский и др., 2007; Горюнова и др., 2007; Tsydenova et al., 2015]. Трассологические исследования, посвященные изделиям из неф-

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-06-06133); автор выражает благодарность М. В. Рампиловой и С. В. Алкину за предоставленное сырье, а также А. А. Пруту за помощь в расщеплении образцов нефрита.

Зоткина Л. В. Приемы обработки нефрита: результаты экспериментально-трассологического исследования забайкальского сырья // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3: Археология и этнография. С. 22–31.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Том 17, № 3: Археология и этнография

© Л. В. Зоткина, 2018

рита, не столь многочисленны [Семенов, 1955; 1963; Кунгурова и др., 2006; Кунгурова, 2012]. Работ экспериментально-технологической направленности еще меньше [Семенов, 1963]. В зарубежной литературе данная проблематика представлена в большем количестве публикаций (см., например, [Melgar, 2012; Pétrequin et al., 2015; Qin, 2015] и др.). Однако в основном эти исследования освещают не столько процесс изменения сырья в ходе экспериментов, т. е. не разные стадии обработки материала, сколько конечный результат (полученные следы сравниваются с археологическими изделиями). Безусловно, такой подход представляется оптимальным, логичным и даже необходимым, поскольку позволяет смоделировать эксперимент на основе специфики конкретных археологических данных. Однако нам интересна также и динамика изменения нефрита на разных стадиях его обработки при помощи различных приемов. Это позволяет предположить, какие минимальные средства были необходимы для преобразования такого непростого сырья, и исходя из этих данных говорить об инструментах, без которых невозможно обойтись при обработке нефрита.

Таким образом, настоящая статья посвящена выявлению основных трасологических характеристик на разных стадиях трансформации материала в ходе шлифовки, полировки, сверления и пиления на макро- и микроуровне. Для этого проводилась серия экспериментов, позволивших выявить некоторые особенности технологических процессов, являвшихся базовыми для придания формы любым заготовкам из нефрита, что важно для выделения главных характеристик как самого процесса модификации материала, так и следов, которые связаны с разными стадиями его обработки. Для экспериментального моделирования использовалось сырье с местонахождения Улан-Хада (Забайкалье). Это нефрит высокого качества, темно-зеленого цвета (рис. 1).

Раскалывание нефрита не самая простая задача. С. А. Семенов отмечал, что расщеплению такого сырья обязательно должно предшествовать нагревание материала [1955. С. 370]. В нашем случае основное внимание было обращено на приемы обработки небольших фрагментов нефрита, т. е. следующих за раскалыванием отдельности сырья. Поэтому расщепление можно отнести к под-

готовительному этапу эксперимента. Оно производилось при помощи молотка с металлическим насадом. В данном случае использование современных инструментов не оказывает значительного влияния на полученные наблюдения за процессом обработки нефрита в техниках сверления, пиления, шлифовки и пр.

Удалось создать серию заготовок разных размеров и форм. Для наиболее эффективной реализации поставленных задач оптимальными оказались небольшие плоские фрагменты сырья с минимальным количеством выступающих рельефных частей (рис. 2). Анализ коллекции археологических предметов из нефрита с разных памятников, собранной в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН, показал, что в большинстве случаев для заготовок преднамеренно выбирались также плоские, с минимальным изгибом, пластины (исключение составляют только топоры и тесла, но и для этой категории артефактов, очевидно, выбирались фрагменты сырья изначально подходящей формы). Поэтому для осуществления экспериментального моделирования нами выбирались именно плоские заготовки, обработка которых не требовала бы сложных манипуляций, связанных с принципиальными изменениями формы изделий. Такой подход был выбран намеренно, чтобы проследить необходимые трудозатраты в самых простых условиях.

Рис. 1 (фото). Отдельность нефрита с месторождения Улан-Хада в Забайкалье (фото автора)

Рис. 2 (фото). Последовательные изменения поверхности нефритовой заготовки в ходе экспериментов по шлифовке и полировке: 1 – заготовка после первого этапа шлифовки в течение 30 мин; 2 – заготовка после второго этапа шлифовки в течение 1,5 ч; 3 – заготовка после третьего этапа шлифовки в течение 3,5 ч; 4 – заготовка после полировки в течение 30 мин (фото автора)

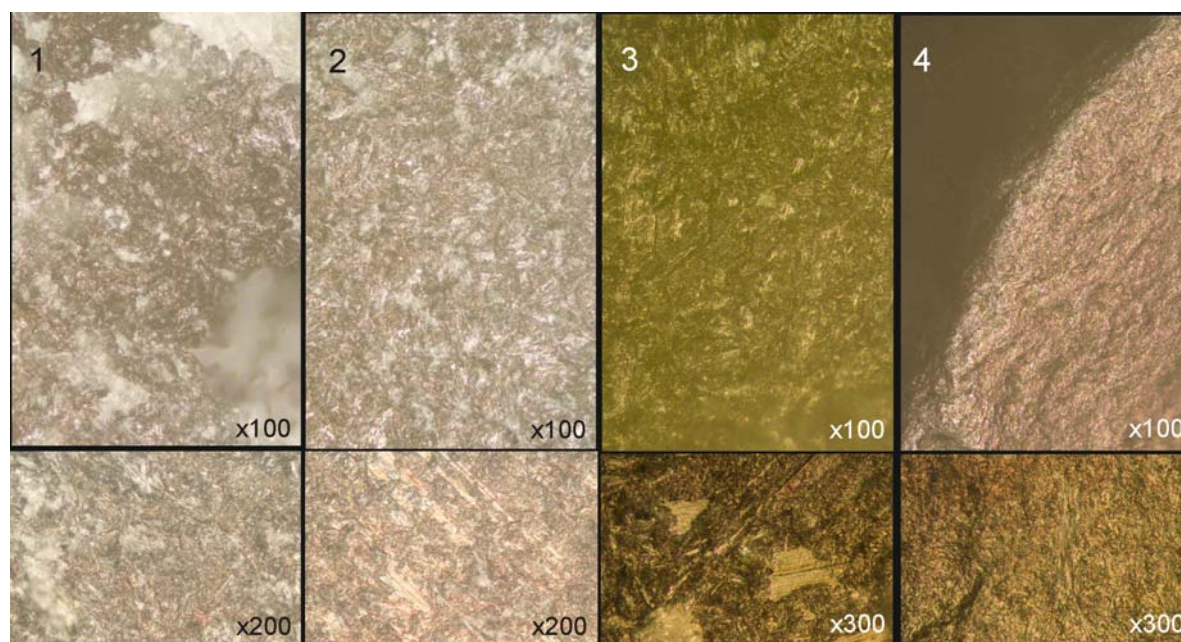

Рис. 3 (фото). Последовательные изменения поверхности нефритовой заготовки на финальной стадии шлифовки и полировки: 1 – поверхность заготовки (увеличение $\times 100$ и $\times 200$) после первого этапа шлифовки; 2 – поверхность заготовки (увеличение $\times 100$ и $\times 200$) после второго этапа шлифовки; 3 – поверхность заготовки (увеличение $\times 100$ и $\times 300$) после третьего этапа шлифовки; 4 – поверхность заготовки (увеличение $\times 100$ и $\times 300$) после полировки

Кроме того, в число наших задач входило изготовление одного готового изделия – плоской нефритовой подвески с узким би-

коническим отверстием. В ходе ее реализации удалось применить сразу несколько технических приемов в комплексе, что по-

звляет проиллюстрировать различные этапы обработки этого твердого сырья (см. рис. 2) с учетом реальных задач, связанных с изготовлением изделия, а значит, проследить весь цикл последовательного выполнения разных операций.

Шлифовка является одной из самых оптимальных техник для придания нефритовым заготовкам (фрагментам сырья) необходимой формы. Она позволяет избавиться от нежелательных выступающих участков и не просто сделать поверхность регулярной в целом, но и изменить угол рабочего края, сделать предмет более плоским или изменить его симметрию и т. д.

В ходе экспериментов мы использовали небольшую плитку песчаника в качестве основы для шлифования, а также различные по твердости пески как абразив (главный инструмент при шлифовке). Наиболее подходящим, обеспечивающим высокую эффективность работы, оказался кварцевый тонкозернистый песок, что вполне логично, так как его твердость выше, чем у нефрита (7 по шкале Мооса).

Любопытное наблюдение, которое было сделано в ходе экспериментов, – это характер звука, сопровождавшего процесс взаимодействия материалов при шлифовке. В тех случаях, когда абразив достаточно твердый, а гранулы имеют подходящий размер для эффективной обработки поверхности нефрита, шлифовка сопровождалась высоким и звонким звуком. Он принципиально отличается от того, который характерен для использования менее твердых абразивов, не так эффективно воздействующих на этот вид сырья. В древности такой признак мог быть немаловажным при выборе абразивных материалов для обработки нефрита.

Эксперимент позволил выделить несколько степеней трансформации поверхности нефрита, связанных с разными стадиями шлифовки (рис. 3).

В первую очередь появлялись слегка заощенные зоны небольшого размера на выступающих участках заготовок (рис. 3, 1). Это происходило в первые три-пять минут непрерывной и достаточно интенсивной шлифовки с небольшим нажимом.

Затем, в среднем после получаса интенсивной непрерывной работы появлялись различные невооруженным глазом сглаженные участки, которые на микроуровне выглядели уже достаточно уплощенными

зонами, с большим количеством хаотично расположенных рисок разного размера, но обычно коротких, не глубоких, ярко выраженных при увеличении не менее $\times 200$ (рис. 3, 2). Важно отметить, что на данном этапе речь шла уже о модификации формы предмета, которая наблюдалась невооруженным глазом (рис. 2, 2), а не просто об изменении характера поверхности на микроуровне за счет появления новых следов.

Еще примерно через час интенсивной работы происходило очевидное изменение формы заготовок (рис. 2, 3; 3, 3), очень четко прослеживалось уплощение и устранение нежелательного объема. Плоские участки на изделии становились больше и обладали более интенсивной сглаженностью, чем на предыдущих стадиях. Поверхность на микроуровне характеризовалась уплощением и выравниванием микрорельефа: если ранее только сильно выступающие возвышения приобретали уплощенность, то на этом этапе резко выступающие участки исчезали по всей площади, и поверхность становилась более ровной в целом (рис. 2, 3).

И, наконец, условно выделенная в ходе экспериментов последняя стадия связана с выравниванием практически всей поверхности изделия, с максимально возможной сглаженностью тех участков, которые уже были уплощены на предыдущих стадиях (рис. 3, 4). Принципиальное изменение формы предметов на последних стадиях шлифовки весьма затруднено. Для получения видимого эффекта изменения морфологических особенностей требуется значительно больше времени – более трех часов шлифовки с усиленным нажимом.

В ходе проведенных экспериментов отмечено, что чем лучше зашлифован предмет, тем больше времени и усилий уходило на дальнейшее изменение его формы в процессе шлифовки. Это вызвано, по-видимому, тем, что зашлифованные участки приобретали большую износоустойчивость и становились менее подвержены механическому воздействию.

Выделенные в ходе экспериментов стадии трансформации нефрита посредством шлифовки кварцевым песком на плитке из песчаника являются условными, но с той или иной степенью совпадения они повторялись от одной заготовки к другой.

Была использована и другая основа для шлифовки мелких заготовок – абразив в ви-

де небольших зернистых галек разной твердости и окатанности. Проведенные эксперименты продемонстрировали значительно меньшую эффективность и эргономичность этой разновидности орудий для обработки заготовок из нефрита. Оптимальным инструментом оказалась основа для шлифовки в виде плитки из относительно мягкого сырья, использованная в сочетании с кварцевым песком в качестве абразива.

Необходимо помнить, что между всеми описанными выше стадиями изменения нефрита переходы очень плавные, и часто можно было наблюдать сосуществование всех стадий обработки поверхности на одной заготовке, так как воздействие шлифовки на разные участки было неодинаковым. На некоторые из них приходилось больше движений, а иные, напротив, почти не участвовали в технологическом процессе из-за особенностей рельефа заготовки (см. рис. 3), а значит, требовали специального внимания, изменения угла шлифовки и т. д. Об интенсивности обработки каждого археологического артефакта и о трудозатратах на его изготовление можно говорить, только учитывая этот аспект (особенности рельефа исходного фрагмента нефрита, взятого в качестве заготовки). Если изделие настолько тщательно обработано (зашлифовано и заполировано), что форма исходной заготовки неразличима, рассуждать о трудозатратах на него гораздо сложнее. Однако сделанные наблюдения могут быть применены для сопоставления с археологическими находками заготовок из нефрита с разной степенью модифицированности.

В ходе экспериментов использовался мелкодисперсный абразив. Возможно, применение более крупнозернистой фракции в ходе шлифовки обеспечит меньшие затраты времени и усилий.

Проведенные эксперименты по обработке плоских заготовок небольшой толщины в технике пиления показали, что использование пластин из однородных, незернистых твердых пород, например кремня, нефрита, более эффективно при добавлении кварцевого песка. Это означает, что резьба или пиление нефрита также связаны с абразивной обработкой, хотя и более узко локализованного участка.

В самом начале пиления каменными пластинами образуется ярко выраженный желобок. Но на определенном этапе этот уча-

сток зашлифовывается, а значит, становится более прочным. Кроме того, рабочий край орудия изнашивается и становится сглаженным. Дальнейшая обработка, даже продолжительная, с приложением больших усилий, становится затрудненной. Эффективность технологического процесса значительно снижается. В тех случаях, когда пиление связано с отделением небольших и довольно тонких фрагментов (например, обработка заготовки по краям), применения таких орудий и приемов вполне достаточно, так как в данном случае не требуется достижения большой глубины желобка – по намеченной линии ненужный фрагмент можно отломить. Если речь идет о более глубоком пропиливании, то необходимы орудия из пород, обеспечивающих образование абразива (или использование каких-то принципиально иных приемов).

В процессе экспериментов использовались пластины из различных пород камня: метаморфизованный песчаник (вязкий, не очень твердый, но несколько зернистый), кремень (хрупкий, твердый, но мягче, чем нефрит, не зернистый), а также идентичный обрабатываемому нефрит (вязкий, твердый, не зернистый). Во всех случаях пластины использовались для пиления отдельно, а также с добавлением мелкодисперсного кварцевого песка. В силу своей хрупкости кремень крошился сильнее других материалов, однако образовавшийся при этом абразив повышал эффективность работы. Пластины и из кремня, и из песчаника через непродолжительное время (в среднем около 15 мин) приобретали довольно сильно зашлифованный рабочий край, что делало его прочным, но практически непригодным для дальнейшего использования. Несколько большую эффективность продемонстрировали отщепы и пластинки из нефрита, они приобретали зашлифованный рабочий край немного медленнее.

Эксперимент показал, что все использованные для пиления нефрита орудия довольно скоро нуждались либо в замене, либо в серьезной подправке лезвийной части, но это не всегда было возможно, учитывая повышенную прочность зашлифованных участков орудий. Поэтому приходилось часто менять рабочий край или инструмент. Отмечено, что пиление гораздо более эффективно на поверхности, которая уже немного зашлифована. Это связано с тем, что

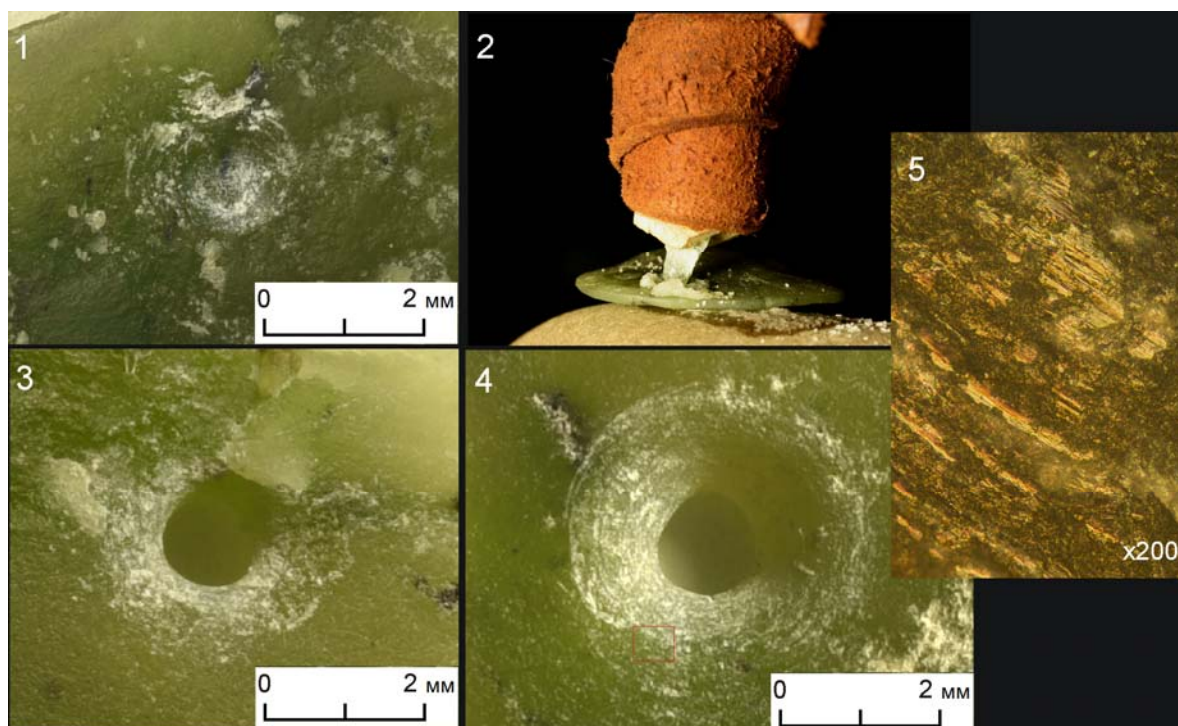

Рис. 4 (фото). Изменения поверхности нефрита в ходе экспериментов по сверлению: 1 – лунка предполагаемого отверстия после 1 ч интенсивного одностороннего ручного сверления; 2 – процесс лучкового сверления нефритовой пластинкой с острым дистальным окончанием с использованием сыпучего абразива; 3–4 – отверстие, полученное при помощи лучкового сверления с использованием абразива в течение 2 ч интенсивной работы и опосредованного пикетажа на финальном этапе (несколько ударов); 5 – поверхность участка (увеличение $\times 200$), подвергшегося лучковому сверлению (фото автора)

на такой заготовке меньше резко выступающих элементов рельефа и движение орудия по камню менее затруднено.

Эксперименты по сверлению показали, что обработка наиболее эффективна при небольшой сглаженности материала в результате шлифовки. Рабочая часть орудия любой из использованных пород (кремнь, метаморфизованный песчаник, нефрит) в ходе сверления зашлифовывалась и становилась гораздо менее эффективной, чем когда она обладала неровностями, выступающими участками, шероховатостями, которые и модифицировали материал, образуя в нем отверстие. Лучковое сверление продемонстрировало наибольшую оптимальность (рис. 4) по сравнению с ручным. Использование сыпучего абразива в процессе сверления повышало его эффективность (рис. 4, 2).

Кроме того, было отмечено, что в отличие от пиления, когда желобок образовывался довольно быстро при условии приложения необходимых усилий, для начала сверления требовалась некоторая подготов-

ка обрабатываемого участка, поскольку в данном случае углубление не формировалось на поверхности нефрита в результате контакта его с рабочей частью инструмента. В качестве подготовки может выступать, например, процарапывание будущей точки контакта с орудием. Этот этап необходим в случае, если поверхность уже довольно гладкая и орудью не за что «зацепиться», чтобы начался процесс сверления.

Двусторонняя обработка отверстия представляется наиболее эффективной, особенно когда с одной стороны углубление уже довольно большое, а значит, материал в точке сверления гораздо тоньше и просвечивает. Это позволяло более точно наметить область будущего воздействия с обратной стороны.

Когда углубление становилось обширным, обычно можно было, используя посредник и ударник, обладающий довольно большим весом, осуществить преднамеренное фрагментирование для получения отверстия (рис. 4, 3). Нефрит – материал очень прочный, и, когда точка просверленного

углубления расположена не совсем близко к краю, применение техники опосредованного пикетажа на этом участке весьма оправданно – позволяет сэкономить много времени и сил. Единственным недостатком такого ускорения технологического процесса являются неровные края обратной стороны отверстия (по микросколам от пикетажа) (см. рис. 4, 3). Однако и это может быть в значительной степени сглажено при дополнительной шлифовке и полировке на упомянутом участке (см. рис. 2, 4).

Полировка не является обязательным этапом обработки изделий из нефрита. Так, в коллекции артефактов из разновременных памятников (по материалам Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН) далеко не все предметы носят следы полировки. Многие из них просто зашлифованы, имеют ярко выраженные участки, указывающие на применение такого приема обработки, но не обладают характерными чертами преднамеренной заполировки – яркого «маслянистого» блеска.

Этот этап связан с использованием более мелкодисперсных абразивов и мягких материалов, обеспечивающих их движение по всей обрабатываемой поверхности, в отличие от твердых абразивов, где только отдельные участки могут быть хорошо обработаны. Иногда также возможно добавление жира для повышения проникающей способности полирующих частиц.

В ходе эксперимента использовались фрагмент натуральной кожи, а также смесь пчелиного воска с растительным маслом для лучшего движения мелкодисперсного абразива и проникновения его частиц даже в те участки рельефа, которые не были до конца выровнены шлифовкой. В результате финального этапа обработки цвет изделия приобрел более насыщенный, глубокий оттенок, а его поверхность стала более блестящей (см. рис. 2, 4). При этом следы шлифовки, которые до заполировки были видны невооруженным глазом, стали гораздо менее заметны (см. рис. 3, 4). Поверхность уплощенных участков стала выглядеть сглаженной, практически без линейных следов.

В результате проведенных экспериментально-технологических исследований, направленных на изучение специфики приемов обработки нефрита, а также последовательности модификации поверхности заготовок

из этого сырья, допустимо сделать несколько выводов, которые могут дать новое направление последующим экспериментальным сериям.

Очевидно, что обработка такого твердого и вязкого материала, как нефрит, требует довольно продолжительного времени даже при условии использования абразивов и орудий из материалов, схожих по твердости или более твердых, чем обрабатываемая порода. При этом рабочая часть орудий крайне быстро изнашивается, требуется их частая замена.

Абразивные частицы для шлифовки должны быть больше, мелкодисперсные пески для этой операции подходят хуже и требуют значительных временных затрат. В будущем также имеет смысл попробовать использовать орудия из других видов сырья, таких как кварцит с большим содержанием кварца и др.

Установлено, что даже при отсутствии каких-либо специфических инструментов обработка нефрита возможна самыми простыми средствами, доступными человеку и в неолите, и ранее. В этот необходимый набор входят твердые абразивы для шлифовки (плитка песчаника или другой мягкой породы, а также относительно крупнодисперсный песок высокой твердости, например кварца); пластины или отщепы из твердого сырья, а также сыпучий абразив для пиления; пластинки из твердого сырья с приотстренным дистальным окончанием в сочетании с деревянной конструкцией для лучкового сверления и сыпучим абразивом для изготовления отверстий; необходимыми средствами для полировки выступают мелкодисперсный сыпучий твердый абразив, фрагмент кожи и небольшое количество жира, обеспечивающего легкое проникновение полирующих частиц ко всем участкам поверхности.

Затронутая проблематика очень широка и требует специальных исследований, посвященных отдельным ее аспектам, чтобы можно было более уверенно говорить о приемах и инструментах, использовавшихся для обработки нефрита в различных культурах Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Список литературы

Алексеев А. Н., Ветров В. М., Дьяконов В. М., Секерин А. П., Тетенькин А. В.

Витимский нефрит в археологии Восточной Сибири // Изв. Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. Вып. 4. С. 74–79.

Базалийский В. И., Секерин А. П., Вебер А. В. Вещественный состав и сырьевые источники сопроводительного инвентаря из камня по материалам могильника Шаманка II // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Материалы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию М. М. Герасимова. Иркутск: Оттиск, 2007. Т. 1. С. 36–42.

Горюнова О. И., Новиков А. Г., Секерин А. П. Нефрит из археологических объектов Приольхонья // Изв. Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. Вып. 5. С. 138–145.

Кунгурова Н. Ю., Горюнова О. И., Вебер А. В. Трасологические исследования каменных изделий могильника Курма XI (оз. Байкал) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 12, ч. 1. С. 397–400.

Кунгурова Н. Ю. Каменные изделия из погребений могильника Курма XI (по результатам трасологического исследования) // Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья: могильник Курма XI. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. Приложение 5. С. 256–270.

Малардырова М. В. Модульно-метрические единицы некоторых нефритовых колец из неолитических культур Якутии // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы XLI РАЭСК, Барнаул, 25–30 марта 2001 г.). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 164–166.

Секерин А. П., Секерина Н. В. Нефриты и их распространение в Южной Сибири. // Байкальская Сибирь в древности. 2000. Вып. 2, ч. 1. С. 146–160.

Семенов С. А. О технике сверления нефрита из погребений глазковского времени // Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. МИА. № 43, ч. 3: Глазковское время. Приложение 4. С. 370–371.

Семенов С. А. Изучение первобытной техники методом эксперимента // Новые мето-

ды в археологических исследованиях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 191–214.

Kovacevich B. The Inalienability of Jades in Mesoamerica // Archaeological Papers of the American Anthropological Association. № 23. 2013. P. 95–111.

Melgar Tisoc E.-R. Análisis tecnológico de los objetos de piedra verde del Templo Mayor de Tenochtitlan // El jade y otras piedras verdes. Perspectivas interdisciplinarias e interculturales. Mexico: Instituto nacional del antropología e historia, 2012. P. 181–197.

Pétrequin P., Cassen S., Chevillot Ch., Errera M., Pallyer Y., Pétrequin A.-M., Prichystal A., Prodéo F. La production des anneaux-disques alpin pendant les VIe et V^e millénaires av. J.-C. Et le Mont Viso // L'homme et son environnement: des lacs, des montagnes et des rivières. 2015. No. 40 suppl. P. 259–302.

Taube K. The Symbolism of Jade in Classic Maya Religion // Ancient Mesoamerica. 2005. № 16. P. 23–50.

Tsydenova N., Morozov M., Rampilova M., Vasil'ev Ye., Matveeva O., Konovalov P. Chemical and spectroscopic study of nephrite artefacts from Transbaikalia, Russia: Geological sources and possible transportation routes // Quaternary International. 2015. № 355. P. 114–125.

Qin X. Relationship between South China and Vietnam: Technology, Function and Distribution of Jade Stone Ornaments // 金沢大学考古学紀要. No. 36. 2015. P. 155–165.

L. V. Zotkina

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

lidiazotkina@gmail.com

**JADE TREATMENT:
RESULTS OF EXPERIMENTAL AND TRACEOLOGICAL STUDIES
OF TRANSBAYKALIAN RAW MATERIAL**

Russian specialist literature is not abundant in research investigating the technologies for jade treatment. Foreign historiography explores this aspect much better. Researchers describe their experiments, apply use-wear analysis and more broadly traceology (studies of both aspects, not only use-wear but also technological evidences). However, these studies tend to concentrate on the features of processing found on certain archaeological items. Basic techniques and possibilities for modifying such raw material as jade, which is quite difficult to process, are not described in details even in special research involving experiment. This paper gives some results of experimental and traceological studies of Transbaikalian raw material, in particular jade, from the deposit Ulan-Khada. We recorded characteristics of traces on the experimental pieces processed by us stage by stage. This information allows us to understand the ways and mechanisms of jade surface treatment in a macro- and micro scale. Such approach can help explain the major principles of processing such raw material as jade, which is rigid enough and difficult to transform, and to identify the simplest tools used for jade processing in ancient times. During our experiments we used different techniques, such as grinding, polishing, sawing and drilling with different tools, movements and supplementary means, such as abrasive. In every case of the experimental series we registered not only every change of the general form of the item but also traceological features in a macro- and micro scale. Another aim was to register labor costs at every stage of treating the raw material. With such information available, we can talk about different phases of processing the material and the degree of effectiveness of the simplest tools that could be used for jade treatment from the Neolithic period onwards or, maybe, even earlier. Our research makes it possible to compare the archaeological items available with our traceological samples at different stages of the process.

Purpose. The purpose of the present research is to show the simplest ways of jade treatment. It is important for understanding the techniques used for producing the items discovered at the sites of Transbaikalia and the Far East during the period from Neolithic to Middle Age. This work helps to reveal different stages of treating raw material and to estimate approximately the amount of time spent on one jade piece.

Results. During the series of experiments we realized that certain operations in jade treatment, such as making wide holes, required the use of special instruments. On the other hand, simpler operations, such as sawing, drilling, grinding and polishing, could be done with the simplest tools. The latter operations do not require special skills.

Conclusion. Our experiments show that even without special mechanisms or sophisticated instruments people could process such special and hard raw material as jade as early as the Neolithic period. Most operations could be performed in a short time, for example, not more than one day of continuous work, and resulted in a finished product.

Keywords: jade, experiment, traceology, technology, grinding, polishing, sawing, drilling.

References

Alekseev A. N., Vetrov V. M., D'yakonov V. M., Sekerin A. P., Teten'kin A. V. Vitimskii nefrit v arkhologii Vostochnoi Sibiri [Vitim's jade in archaeology of Eastern Siberia]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk, Irkutsk State Uni. Publ., 2006, iss. 4, p. 74–79. (in Russ.)

Bazaliiskii V. I., Sekerin A. P., Veber A. V. Veshchestvennyi sostav i syr'evye istochniki so-provoditel'nogo inventarya iz kamnya po materialam mogil'nika Shamanka II [Content and

resources of raw material used for additional stone tools found at the burial ground Shamanka II]. *Severnaya Evraziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geoekologiya, etnologiya i antropologiya: Materialy Vseros. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. 100-letiyu M. M. Gerasimova* [Northern Eurasia in the Anthropogen: man, paleotechnology, geoecology, ethnology and anthropology: Materials of the All-Russian conference with international participation, dedicated to the 100th anniversary of M. M. Gerasimov]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2007, vol. 1, p. 36–42. (in Russ.)

Goryunova O. I., Novikov A. G., Sekerin A. P. Nefrit iz arkheologicheskikh ob'ektov Priol'khon'ya [Jade from archaeological sites of Ol'khon area]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk, Irkutsk State Uni. Publ., 2007, iss. 5, p. 138–145. (in Russ.)

Kovatshevich B. The Inalienability of Jades in Mesoamerica. *Archaeological Papers of the American Anthropological Association*, 2013, iss. 23, p. 95–111.

Kungurova N. Yu. Kamennye izdeliya iz pogrebenii mogil'nika Kurma XI (po rezul'tatam trasologicheskogo issledovaniya) [Stone artifacts from the burial ground Kurma XI (according to the results of traceological studies)]. *Pogrebal'nye komplekсы neolita i bronzovogo veka Priol'khon'ya: mogil'nik Kurma XI* [Burial complexes of the Neolithic and Bronze Age. Priolkhonya: burial ground Kurma XI]. Irkutsk, Irkutsk State Uni. Publ., 2012, annex 5, p. 256–270. (in Russ.)

Kungurova N. Yu., Goryunova O. I., Veber A. V. Trasologicheskie issledovaniya kamennykh izdelii mogil'nika Kurma XI (oz. Baikal) [Traceological studies on stone items from the burial ground Kurma XI (Lake Baikal)]. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2006, vol. 12, iss. 1, p. 397–400. (in Russ.)

Malardyrova M. V. Modul'no-metricheskie edinitsy nekotorykh nefritovykh kolets iz neoliticheskikh kul'tur Yakutii [Module metric units of some jade rings from the Neolithic cultures of Yakutia]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Azii: itogi i perspektivy izucheniya na rubezhe tysyacheletii (Materialy XLI konferentsii RAESK, Barnaul, 25–30 marta 2001 g.)* [Historical and cultural heritage of North Asia: results and prospects of studying at the turn of the millennium (Materials of XLI RAESK conference, Barnaul, March 25–30, 2001)]. Barnaul, Altai State Uni. Publ., 2001, p. 164–166. (in Russ.)

Melgar Tisoc E.-R. Análisis tecnológico de los objetos de piedra verde del Templo Mayor de Tenochtitlan. *El jade y otras piedras verdes. Perspectivas interdisciplinarias e interculturales*, Mexico, Instituto nacional del antropología e historia, 2012, p. 181–197. (In Span.)

Pétréquin P., Cassen S., Chevillot Ch., Errera M., Pallyer Y., Pétréquin A.-M., Prichystal A., Prodéo F. La production des anneaux-disques alpin pendent les VIe et V^e millénaires av. J.-C. Et le Mont Viso. *L'homme et son environnement: des lacs, des montagnes et des rivières*, 2015, iss. 40 suppl., p. 259–302. (in Fr.)

Qin X. Relationship between South China and Vietnam: Technology, Function and Distribution of Jade Stone Ornaments. *金沢大学考古学紀要*, iss. 36, 2015, p. 155–165.

Sekerin A. P., Sekerina N. V. Nefrity i ikh rasprostranenie v Yuzhnoi Sibiri [Types of jade and their spread in southern Siberia]. *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti* [Baikal's Siberia in ancient times], 2000, iss. 2, vol. 1, p. 146–160. (in Russ.)

Semenov S. A. Izuchenie pervobytnoi tekhniki metodom eksperimenta [Studying ancient technologies through experiment]. *Novye metody v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [New methods in archaeological research]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1963, p. 191–214. (in Russ.)

Semenov S. A. O tekhnike sverleniya nefrita iz pogrebenii glazkovskogo vremeni [On the methods of drilling jade found in burial grounds of the Glazkovsky period]. *Materialy i issled. po arkheologii SSSR. Okladnikov A. P. Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ya* [Materials and research on archaeology of the USSR. Okladnikov A. P. Neolithic and Bronze Age of the Baikal region]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1955, vol. 43, iss. 3: Glazkovskoe vremya, annex 4, p. 370–371. (in Russ.)

Taube K. The Symbolism of Jade in Classic Maya Religion. *Ancient Mesoamerica*, iss. 16, 2005, p. 23–50.

Tsydenova N., Morozov M., Rampilova M., Vasil'ev Ye., Matveeva O., Konovalov P. Chemical and spectroscopic study of nephrite artefacts from Transbaikalia, Russia: Geological sources and possible transportation routes. *Quaternary International*, 2015, iss. 355, p. 114–125.

Н. Н. Головченко

*Алтайский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, Россия*

*Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия*

nikolai.golowchenko@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЯСНЫХ КРЮЧЬЕВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

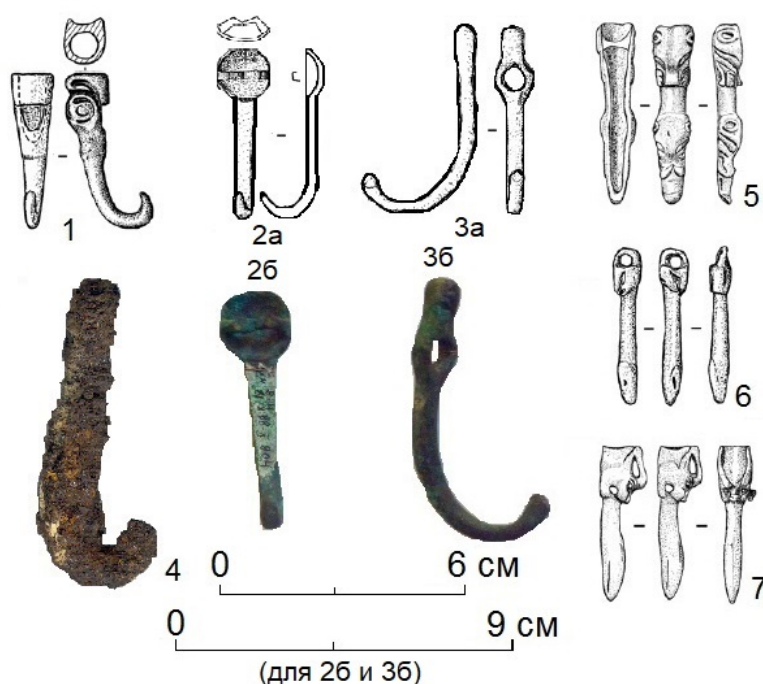
Работа посвящена проблемам типологии поясных крючьев, широко распространенных на памятниках различных культур степного пояса Евразии в эпоху раннего железа. Рассматривается историография вопроса. Обсуждаются варианты функционального использования поясных крючьев. Предлагается новая типология изделий, включающая в себя как крючья со щитком, так и крючья без щитка. В качестве категории предлагается рассматривать поясные крючья; группы выделять по материалу изготовления (металлические, костяные, деревянные); таксоны отдела дифференцировать как изделия со щитком и без него (возможно, на этом уровне играет роль и определенное функциональное различие крючков: со щитком – застежки, без щитка – колчаные крючья); типы крючьев разделить исходя из совокупности характерных морфологических признаков; разделы вида выделять по стилистическим особенностям оформления. В работе приводится также широкий круг аналогий рассматриваемым находкам с памятников Верхнеобского бассейна и сопредельных территорий. Но вопросы о первичности появления типов крючков остаются дискуссионными.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, эпоха раннего железа, поясные крючья, типология.

Изучение предметного комплекса одежды населения степного пояса Евразии эпохи раннего железа является одной из актуальнейших задач отечественной археологии. Особое внимание исследователей в связи с его изучением обращено на мобильные элементы костюма, такие как поясные крючья. Рассмотрению находок этой категории (см. рисунок) на территории юга Западной Сибири посвящена настоящая работа. В отечественной историографии вопросы изучения поясных крючьев эпохи раннего железа рассматривались уже неоднократно. К наиболее важным проблемам, вызывающим острые дискуссии, следует отнести спор о типологии, происхождении и распространении данной

категории артефактов. Особое внимание решению этой научной задачи уделил В. И. Гуляев, выявляя регион возникновения орнаментированных поясных крючьев со щитком. Автор дал подробное описание этих изделий, привел аналогии на широчайшем археологическом материале, определяя область возникновения описанных артефактов территории Среднего Дона [Гуляев, 2016].

Отметим, что типология крючьев, используемая им, отличается от предложенных В. Г. Петренко [1978] и В. С. Ольховским [1999] главным образом тем, что категория изделий «поясные крючья со щитками», подразделяются на типы, в свою очередь, отличающиеся по стилистике ор-

Поясные крючья и костыльки из погребений некрополя Новотроицкое-1:

1 – бронзовый крючок; 2а – рисунок и 2б – фото бронзового крючка; 3а – рисунок и 3б – фото бронзового крючка; 4 – железный крючок; 5, 6 – бронзовые костыльки с зооморфным орнаментом (по: [Шульга и др., 2009. С. 320])

наментации (крючья с медвежьим¹, грифовым, волчьим, кошачьим, кабаньим изображением).

Применение подобного подхода нам представляется не вполне оправданным, поскольку его обоснованность при ближайшем рассмотрении упирается в вопрос: что первично – предмет или его орнаментация? Мы считаем, что первична вещь, а стилистика оформления предмета определяется его морфологией. Ввиду этого более работоспособной нам представляется иная типологическая схема поясных крючьев степного пояса Евразии эпохи раннего железа.

В качестве категории мы предлагаем рассматривать поясные крючья; группы выделять по материалу изготовления крючьев (металлические, костяные, деревянные²);

таксоны отдела крючьев дифференцировать как изделия со щитком и без него (возможно, на этом уровне играет роль и определенное функциональное различие крючков: со щитком – застёжки, без щитка – колчаные крючья); типы крючьев разделять исходя из совокупности характерных морфологических признаков изделий, как это делает В. С. Ольховский³; разделы вида выделять по стилистическим особенностям оформления крючьев.

Главное отличие предлагаемого типологического древа от варианта В. И. Гуляева заключается в рассмотрении поясных крючьев в их совокупности, не позволяющем исключать из исследования находки, происходящие из разных регионов скифо-сакского

¹ В. И. Гуляев утверждал, что металлических поясных крючьев с медвежьими изображениями на юге Западной Сибири не обнаружено. Это действительно так, однако такой орнамент известен на поясных подвесках-костыльках некрополя Новотроицкое-1 [Шульга и др., 2009. С. 320, рис. 1, 5, 6].

² Под вопросом для регионов с плохой сохранностью органики, но они есть в пазырыкских комплексах (Юстыд IV [Кубарев, 1991. Табл. LII]).

³ Типообразующими признаками являются различные сочетания способов оформления крючьев (ровный из единого прута, сужающийся из единого прута и т. д., с круглым или треугольным петлевидным навершием и т. д., способ крепления шпеньков, скоба, петля). Пример описания находки крючка по данному шаблону выглядит следующим образом: «...обнаружен металлический крючок, без щитка, изготовленный из равномерно утолщенного проволоочного прута, навершие оформлено в форме петли, декоративных украшений не имеет».

мира. Например, у В. И. Гуляева полностью исключаются из исследования поясные крючья пазырыкской и большереченской археологических культур. Применительно к пазырыкской культуре В. И. Гуляев отмечал, что там не обнаружено ни одного «металлического поясного крюка», вероятно, подразумевая крюки со щитком [2016. С. 32]. В другом месте труда «Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание» автор утверждал, что в пазырыкской культуре вовсе отсутствуют изображения грифонов, выполненные на металле («...в местных погребальных памятниках практически нет ни одного образа орлиноголового грифона, воплощенного в металле») [Там же. С. 32, 48].

В связи с этим у нас имеется несколько замечаний. Во-первых, металлические крючья в пазырыкских памятниках присутствуют на некрополях Барбургазы I [Кубарев, 1992. С. 150, 171, 178], Уландрык IV [Кубарев, 1987. С. 279], Чултуков Лог-1 [Бородавский, Бородавская, 2013. С. 153, 154, 172] и др. Во-вторых, неверными нам представляются суждения об отсутствии в пазырыкской культуре поясных крючков со щитком и других металлических изделий с изображениями грифонов. К примеру, поясной крюк без щитка со стилизованной головой грифона выявлен на памятнике Барбургазы I [Кубарев, 1992. С. 171], бронзовый крюк со щитком, оформленным в виде птицы, обнаружен в Уландрыке IV [Кубарев, 1987. С. 279], а на памятнике Чултуков Лог-1 А. П. Бородавским были найдены два бронзовых крюка с небольшими неоформленным щитками [Бородавский, Бородавская, 2013. С. 153, 154]. Данные находки пока нельзя считать массовым материалом. Обычно они связывались с культурным влиянием сопредельных территорий Саяно-Алтая, но все же делать категоричные выводы об их отсутствии нам представляется преждевременным.

Еще одним регионом находки поясных крючьев, в памятниках которого они не учитываются В. И. Гуляевым, является Верхнее Приобье. Между тем вопросы изучения колчанных крючьев из этого региона обширно отражены в исследовательской литературе. Колчанными они названы в силу того, что зачастую оказывались обнаруженными слева от погребенного, рядом с наконечниками стрел и другими компонентами «пояса стрелка» [Могильников, 1997. Рис. 47;

Шульга и др., 2009. С. 172]. На самом деле такая интерпретация крючков не вполне верна. Они были найдены справа от погребенного, без наконечников стрел в одном из погребений некрополя Ордынское-1 [Завитухина, 1968], обнаружены на тазовых костях и в районе пояса погребенных на памятнике Староалейка-2 [Кирюшин, Кунгуров, 1996. С. 118], в районе колен захороненных на Обских Плесах-2 [Ведянин, Кунгуров, 1996. С. 89], Фирсово-14 [Федорук и др., 2013. С. 64–78] и Новотроицкое-1 [Шульга и др., 2009. С. 14]. Такая аморфность топографии находок ставит под вопрос способность крючьев маркировать второй – стрелковый – пояс, надетый на погребенного, как считал В. Д. Кубарев. Более того, под сомнение попадает и ранее не вызывавшее возражений безоговорочное отнесение их к элементам поясного набора, поскольку они могли являться частью портупеи.

Некоторые авторы указывали на возможность использования крючьев в качестве застежек [Ведянин, Кунгуров, 1996. С. 89]. Исходя из этого нам представляется более уместным вслед за А. П. Бородавским использовать при описании данной категории находок термины «металлический крюк» или «поясной крюк» [Троицкая, Бородавский, 1994; Бородавский, Бородавская, 2013. Рис. 60, 4]. Не исключено, что для подвешивания снаряжения или застегивания пояса гораздо шире, чем думают исследователи, использовались деревянные крючья. Нам известен один целый деревянный поясной крюк, найденный *in situ* на памятнике Юстыд IV [Кубарев, 1991. Табл. LI].

Всего из исследовательской литературы нам известно более 60 находок поясных крючьев (см. рисунок, 1–4), происходящих из памятников Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н. э.: могильники Ближние Елбаны-3 [Грязнов, 1956. Табл. XXVI, 9], Ордынское-1 [Завитухина, 1968], Камень-2 [Могильников, Куйбышев, 1982. Рис. 5, 10], Обские Плеса-2 [Ведянин, Кунгуров, 1996], Староалейка-2 [Кирюшин, Кунгуров, 1996], Фирсово-14 [Федорук и др., 2013], Масляха [Могильников, Уманский, 1982; Уманский, Телегин, 1990] и Новотроицкое-1, -2 [Шульга и др., 2009. С. 172], Быстровка-1, 2, 3 [Троицкая, Бородавский, 1994. С. 162], Раздумье IV [Там же. С. 173] и др. В большинстве случаев они обнаружены в погребениях мужчин.

Наиболее распространенные типы: 1) металлические крючья, без щитка, изготовленные из равномерно утолщенного прута с петлевидным навершием для подвешивания, без стилизации (15 шт.); 2) металлические крючья, без щитка, изготовленные из сужающегося к окончанию прута с петлевидным навершием для подвешивания, без стилизации (10 шт.); 3) металлические крючья, без щитка, изготовленные из равномерно утолщенного прута с петлевидным навершием для подвешивания, со стилизованной головой грифона (5 шт.); 4) металлические крючья, без щитка, изготовленные из сужающегося к окончанию прута с петлевидным навершием для подвешивания, со стилизованной головой грифона (3 шт.); 5) металлические крючья, со щитком, со скобой для крепления к поясу, без стилизации (6 шт.); 6) металлические крючья, со щитком, со шпеньком для крепления к поясу, без стилизации (4 шт.); 7) костяные крючья, без щитка, равномерно утолщенные с петлевидным навершием для подвешивания, без стилизации (8 шт.); 8) костяные крючья, без щитка, сужающиеся к окончанию, с петлевидным навершием для подвешивания, без стилизации (7 шт.); 9) костяные крючья, без щитка, равномерно утолщенные со шпеньком для подвешивания, без стилизации (5 шт.); 10) костяные крючья, со щитком, равномерно утолщенные со шпеньком для подвешивания, без стилизации (4 шт.).

Находки представлены в основном металлическими без щитка изделиями разного сечения и способа оформления крепления-навершия с петлей, шпеньком или скобой. Крючки с небольшими щитками выявлены на памятниках Ордынское-1 [Троицкая, Бородовский, 1994. С. 143] и Новотроицкое-1 [Шульга и др., 2009. Рис. 120, 16], изделия с зооморфной стилизацией (грифон) – на памятниках Новотроицкое-1, 2 [Шульга и др., 2009. Рис. 12, 16] и Масляха. Основная масса находок представлена сильно корродированными железными крючьями.

Схожие поясные крючья обнаруживаются и на памятниках сопредельной Барабинской лесостепи. Так, например, металлические поясные крючки со щитком без стилизации найдены на могильнике Марково-1 саргатской археологической культуры [Полосьмак, 1987. Рис. 37, 4] и памятнике Осинцево-3 большереченской культурно-исторической общности [Там же. Рис. 47, 24].

Как уже отмечалось, топография находок разнообразна, зависела, вероятно, от функционального использования крючьев: в качестве застежки или одного из устройств, обеспечивающего крепление горита к поясу. Поэтому в погребениях они располагались слева от умершего в комплекте с набором стрелка в тех случаях, когда на крючок подвешивали колчан, или справа и на тазовых костях – когда крючком застегивали пояс. Примечательно, что находок в одном контексте поясного крючка и пряжки или блока в погребениях Верхнего Приобья эпохи раннего железа нами не отмечено.

На территории Верхнего Приобья, своего рода транзитного региона, поясные металлические крючья, по мнению ряда исследователей, появились в VI–V вв. до н. э. [Могильников, 1997; Троицкая, Бородовский, 1994]. Дата устанавливается довольно четко ввиду наличия естественнонаучных датировок одного из опорных памятников изучаемой культурно-исторической общности – Быстровка [Бородовский, 2009. Рис. 27]. Так, металлические поясные крючья с маленькими нестилизованными щитками, скобами для крепления и изделия с петлевидными навершиями без щитков найдены в кургане 9 (V в. до н. э.) Быстровки-2. Костяной поясной крючок из Быстровки-1 также датируется этим временем. Еще один пример, знаменитый своим хронологическим парадоксом, – курган 6 Быстровки-2, где среди инвентаря эпохи раннего железа выявлен предмет более ранней ирменской культуры и найден металлический поясной крючок с навершием в виде треугольной петли [Бородовский, 2009. С. 60–61. Рис. 22]. А. П. Бородовский убедительно датирует этот комплекс последней третью I тыс. до н. э.

Любопытно, что в такую обычно крайне дискуссионную область, как семантика элементов предметного комплекса одежды, поясные крючья не попали, их назначение горячих споров не вызывает. Большинство исследователей они одинаково трактуются по изображенным на них, прежде всего хищным животным, как охранники, талисманы защиты, играющие чисто функциональную роль.

Таким образом, на просторах Верхнеобского бассейна поясные крючья появляются в VI–V вв. до н. э., возможно, под определенным влиянием с сопредельных южных территорий. Эволюция данной категории

предметного комплекса одежды населения эпохи раннего железа, входящего в круг культур скифо-сакского мира, нам представляется идущей путем усложнения. Наибольшее распространение и типологическую разнообразность поясные крючья получили в IV–III вв. до н. э. Для этого времени увеличилось количество находок крючьев с орнаментированным щитком, используемых, вероятно, в качестве застежек – такие изделия распространялись в европейской Скифии и на пограничных с Китаем территориях ⁴ [Гуляев, 2016; Шульга, 2010]. В то же время росло типовое и видовое разнообразие крючьев, и расширялся регион их распространения. Вместе с тем очевидно, что развитие материальной культуры – процесс не односложный, и на разных территориях он имел свои хронологическо-культурологические особенности. В силу этого вопросы о первичности появления типов крюков и стилистики их украшения остаются дискуссионными.

Список литературы

- Бородовский А. П.* Традиционные и естественнонаучные методы датирования погребальных комплексов (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железного века): Учеб.-метод. пособие. Новосибирск, 2009. 90 с.
- Бородовский А. П., Бородовская Е. Л.* Археологические памятники долины Нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.
- Ведянин С. Д., Кунгуров А. Л.* Грунтовой могильник староалейской культуры Обские Плесы-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 88–115.
- Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка // МИА № 48. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 163 с.
- Гуляев В. И.* Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание. М.: Ин-т археологии РАН, 2016. 104 с.
- Завитухина М. П.* Ордынские курганы V–IV вв. до н. э. (о культуре скифского времени в новосибирской лесостепи) // АСГЭ. Вып. 10. Л., 1968. С. 28–34.
- Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л.* Могильник раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 115–135.
- Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 300 с.
- Кубарев В. Д.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1991. 270 с.
- Кубарев В. Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.
- Могильников В. А.* Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Пушкинский научный центр РАН, 1997. 195 с.
- Могильников В. А., Куйбышев А. В.* Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. 1982. № 2. С. 113–135.
- Могильников В. А., Уманский А. П.* Курганы Масляха I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1982. С. 69–93.
- Ольховский В. С.* О поясных крючках эпохи раннего железа // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье: Изд-во ЗапГУ, 1999. С. 90–96.
- Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. // САИ. Вып. Д4–5. М., 1978. 125 с.
- Полосьмак Н. В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 126 с.
- Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.* Больше-реченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
- Уманский А. П., Телегин А. Н.* Аварийные исследования могильника Масляха-2 // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1990. С. 96–99.
- Федорук А. С., Фролов Я. В., Патин Д. В.* Погребальный обряд Барнаульского Приобья скифского времени по материалам могильника Фирсово XIV (раскопки 2010–2011 гг.) // Древности Сибири и Центральной Азии: Сб. науч. тр. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. № 5 (17). С. 64–78.
- Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А.* Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.
- Шульга П. И.* Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.

⁴ Аналогичные по типам пазырыкским и больше-реченским поясным крюкам изделия отмечаются и на памятниках Синьцзяна VI–III вв. до н. э. [Шульга, 2010. Рис. 25, 83].

N. N. Golovchenko

*Altai State Pedagogical University
55 Molodezhnaya Str., Barnaul, 656031, Russian Federation*

*Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation*

nikolai.golovchenko@yandex.ru

ON TYPOLOGY AND INTERPRETATION OF EARLY-IRON-AGE BELT HOOKS DISCOVERED IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA

Purpose. Reconstruction of the clothes worn by the population of the steppe belt of Eurasia during the Scythian time is one of the most urgent tasks of national archaeology. In particular, mobile elements of the costume, such as belt hooks, have been in the focus of researchers' special attention. We describe and analyze the findings of this category discovered in the south of Western Siberia. Russian historiography addressed the issue of belt hooks of the Scythian time, but a comprehensive typology has not been provided yet.

Results. We propose a new typology of such elements of the costume dividing the belt hooks into those with a flap and without one. The items analyzed belong to the category of belt hooks. The category can be subdivided into groups according to the material – the hooks were made of metal, bone and wood. The taxonomic units in the classification are hooks with a shield and without it. There is a functional difference among them which should be taken into account. The hooks with a flap were used as zippers, while those without a flap as hooks proper. The hooks are also divided based on the totality of the characteristic morphological features of the products. They can be further subdivided according to the location of the stylistic peculiarities of their design. The territory of the Upper Ob Region being a transit region, researchers consider waist-worn metal hooks to have appeared in the region as early as the 6–5th centuries BC. The date is set quite clearly due to the availability of natural-science methods of dating that were applied to one of the sites studied extensively, the Bystrovka, Novotroitsk, Masly'akha.

Conclusion. The Upper Ob region and adjacent territories saw belt hooks appear in the 6–5th centuries BC, possibly under some influence from the adjacent southern territories. Products similar in type to the belt hooks of the Pazyryk and Bolsherechenskaya cultures, are also noted on the sites of Xinjiang 6–3th centuries BC. The evolution of this category of clothing items, which spread among the population of the Upper Ob Region in the Early Iron Age, has been traced in a range of cultures of the Scythian-Siberian world. In Siberia, it was quite a complicated process. Research shows that development of material culture as a whole is not monosyllabic. In different regions it had its own chronological and cultural peculiarities. Thus, issues on the chronology of different types of hooks and the changes in the style of their decoration remain debatable.

Keywords: The Upper Ob River Region, the Early Iron Age, typology, belt hooks.

References

Borodovskii A. P. Traditsionnye i estestvennonauchnye metody datirovaniya pogrebal'nykh kompleksov (po materialam Bystrovskogo nekropolya epokhi rannego zheleznogo veka) [Traditional and natural-science methods of dating funerary complexes (based on the Bystrovsky necropolis of the Early Iron Age era)]. Novosibirsk, NSU, NSPU, IAE SB RAS Publ., 2009, 90 p. (in Russ.)

Borodovskii A. P., Borodovskaya E. L. Arkheologicheskie pamyatniki doliny Nizhnei Katuni v epokhu paleometalla [Archaeological monuments of the Lower Katun valley during the Paleometal Age]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2013, 220 p. (in Russ.)

Fedoruk A. S., Frolov Ya. V., Papin D. V. Pogrebal'nyi obryad Barnaul'skogo Priob'ya skifskogo vremeni po materialam mogil'nika Firsovo XIV (raskopki 2010–2011 gg.) [Burial ceremony of the Barnaul Priob of Scythian time based on the materials of the burial ground Firsovo XIV (excavations 2010–2011)]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altai, GAGU Publ., 2013, no. 5 (17), p. 64–78. (in Russ.)

Gryaznov M. P. Istoriya drevnikh plemen Verhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya rechka [The history of the ancient tribes of the Upper Ob River in excavations near the village of Bolshaya Rechka]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on archaeology of the USSR]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1956, no. 48, 163 p. (in Russ.)

Gulyaev V. I. Zoomorfnye metallicheskie kryuchki skifskogo vremeni v Evrazii: katalog i opisaniye [Zoomorphic metal hooks of Scythian time in Eurasia: catalog and description]. Moscow, IA RAS Publ., 2016, 104 p. (in Russ.)

Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L. Mogil'nik rannego zheleznogo veka Staroaleika-2 [Early Iron Age burial ground Staroaleika-2]. *Pogrebal'nyi obryad drevnikh plemen Altaya* [Funeral ceremony of ancient tribes of Altai]. Barnaul, AltSU, 1996, p. 115–135. (in Russ.)

Kubarev V. D. Kurgany Sailyugema [Mounds of Sailyugem]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 270 p. (in Russ.)

Kubarev V. D. Kurgany Ulandryka [Mounds of Ulandryk]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 300 p. (in Russ.)

Kubarev V. D. Kurgany Yustyda [Mounds of Yustyd]. Novosibirsk, Nauka, 1992, 220 p. (in Russ.)

Mogil'nikov V. A. Naselenie Verkhнего Priob'ya v seredine – vtoroi polovine I tysyacheletiya do n. e. [The population of the Upper Ob region in the middle – the second half of the I millennium BC]. Moscow, Pushkin scientific center of RAS, 1997, 195 p. (in Russ.)

Mogil'nikov V. A., Kuibyshev A. V. Kurgany «Kamen'-II» (Verkhnee Priob'e) po raskopkam 1976 g. [Barrows «Stone-II» (Upper Ob River) excavated in 1976]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1982, no. 2, p. 113–135. (in Russ.)

Mogil'nikov V. A., Umanskii A. P. Kurgany Maslyaha-I po raskopkam 1979 goda [Maslyakha-I burial mounds excavated in 1979]. *Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoi Sibiri epokhi metalla* [Issues of the Altai and Western Siberia Archaeology of the Metal Age]. Barnaul, BSPU Press, 1982, p. 69–93. (in Russ.)

Ol'khovskii V. S. O poyasnykh kryuchkakh epokhi rannego zheleza [On the belt hooks of the Early Iron Age]. *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [Problems of Scythian-Sarmatian archaeology of the Northern Black Sea Region]. Zaporozhie, ZapSU Press, 1999, p. 90–96. (in Russ.)

Petrenko V. G. Ukrasheniya Skifii VII–III vv. do n. e. [Ornaments of Scythia VII–III centuries BC]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Archaeological Sources]. Moscow, 1978, iss. D4–5, 125 p. (in Russ.)

Polos'mak N. V. Baraba v epokhu rannego zheleza [Baraba in the era of Early Iron]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 126 p. (in Russ.)

Shul'ga P. I. Sin'tsyan v VIII–III vv. do n. e. (Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya) [Xinjiang in the VIII–III centuries BC. (Burial complexes, chronology and periodization)]. Barnaul, AltSTU Publ., 2010, 238 p. (in Russ.)

Shul'ga P. I., Umanskii A. P., Mogil'nikov V. A. Novotroitskii nekropol' [Novotroitsky necropolis]. Barnaul, AltSU Publ., 2009, 329 p. (in Russ.)

Troitskaya T. N., Borodovskii A. P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya [Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob region]. Novosibirsk, VO «Nauka». Sibirskaya izdatel'skaya firma Publ., 1994, 184 p. (in Russ.)

Umanskii A. P., Telegin A. N. Avariinye issledovaniya mogil'nika Maslyaha 2 [Emergency investigations of the burial ground of Maslyakha 2]. *Okhrana i issledovanie arkheologicheskikh pamyatnikov Altaya* [Protection and research of archaeological monuments of Altai]. Barnaul, AltSU Publ., 1990, p. 96–99. (in Russ.)

Vedyanin S. D., Kungurov A. L. Gruntovoi mogil'nik staroaleiskoi kul'tury Obskie Plesy 2 [Soil cemetery of Old-Azerbaijan culture Obskie Plesy 2]. *Pogrebal'nyi obryad drevnikh plemen Altaya* [Funeral ceremony of ancient tribes of Altai]. Barnaul, AltSU, 1996, p. 88–115. (in Russ.)

Zavitukhina M. P. Ordynskie kurgany V–IV vv. do n. e. (o kul'ture skifskogo vremeni v novosibirskoi lesostepi) [Ordynsky burial mounds of the V–IV cc. BC. (on the culture of Scythian time in the Novosibirsk forest-steppe)]. *Arkheologicheskaya kollektsiya Gosudarstvennogo Ermitaga* [Archaeological collection of the State Hermitage]. Leningrad, 1968, iss. 10, p. 28–34. (in Russ.)

УДК 902.66

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-3-39-56

**В. И. Молодин^{1,2}, С. Райнхольд³, Л. Н. Мыльникова^{1,2}
Д. А. Ненахов¹, С. Хансен³**

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

³ *Германский археологический институт, Евразийское отделение
Им Доль, 2-6, строение II, 14195, Берлин, Германия*

*molodin@archaeology.nsc.ru, sabine.reinhold@dainst.de, l.mylnikova@yandex.ru
nenaxoffsurgut@mail.ru, sekretariat.eurasien@dainst.de*

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ НЕОЛИТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКА ТАРТАС-1 (РАННИЙ НЕОЛИТ В БАРАБЕ) *

В последнее десятилетие в Барабинской лесостепи выявлены памятники неолита с комплексами плоскодонной посуды. Первооткрыватели отнесли материалы памятника Автодрома-2/2 к боборыкинской культуре. На многослойном памятнике Тартас-1 изучен неолитический комплекс, состоящий из двух конструкций (жилищ?) и системы ям для хранения рыбы (и мяса птицы) с аналогичной керамикой. Подобные изделия зафиксированы и на памятнике Венгерово-2. Серия радиоуглеродных дат получена из объектов памятника Тартас-1 и одна дата – из Венгерово-2. Все датировки образцов укладываются в пределы VII тыс. до н. э., включая рубежи VI и VIII тыс. до н. э. На основе их анализа можно говорить о существовании в Барабе и в лесостепном правобережном Прииртышье не известного ранее периода неолита – раннего неолита. Его колорит проявляется в наличии оригинальной плоскодонной керамической посуды, орнаментации и технологии. Отнесение тартасских комплексов с плоскодонной керамикой к периоду раннего неолита не позволяет связывать их с боборыкинской культурой. Постулируется автохтонное происхождение тартасских комплексов.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, ранний неолит, плоскодонная посуда, радиоуглеродное датирование.

Данную статью авторы посвящают крупному отечественному ученому, археологу, историку, педагогу, организатору науки, доктору исторических наук – Николаю Ивановичу Дроздову, которому недавно исполнилось 70 лет. В круг его основных научных интересов входят, главным образом, проблемы палеолита. Однако ему всегда были

интересны вопросы, касающиеся и более поздних культур периода голоцена. Профессор Н. И. Дроздов всегда тесно взаимодействовал с Институтом археологии и этнографии СО РАН. Он принимал самое деятельное участие в организации и проведении охранно-спасательных работ, особенно в районах строительства каскада круп-

* Исследование проведено в рамках Программы XII.186.2. Проект № 0329-2018-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Молодин В. И., Райнхольд С., Мыльникова Л. Н., Ненахов Д. А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3: Археология и этнография. С. 39–56.

нейших гидроэлектростанций на Ангаре, в зонах затопления Усть-Илимской и Богучанской ГЭС, где раскопки производились на археологических памятниках практически всех эпох, включая этнографическую современность. Крайне важно, что сотни местонахождений были открыты и исследованы экспедицией, возглавляемой ученым, но еще и то, что полученные материалы активно вводились в научный оборот (см., например: [Васильевский и др., 1988]. Не случайно, именно в Красноярске была создана одна из первых совместных внешних структур ИАЭТ СО РАН – «Лаборатория археологии и палеогеографии Средней Сибири», руководителем которой стал Николай Иванович. В золотой фонд не только отечественной, но и мировой археологии вошла найденная Н. И. Дроздовым на стоянке Усть-Кова, скульптурка мамонта, выполненная из бивня этого животного [Васильевский, Дроздов, 1983; 1988], представляющая замечательный образец палеолитического искусства. Немало работ в творчестве ученого посвящено и неолиту Восточной Сибири (см., например: [Дроздов, 1979; 1984; 1985] и др.). Поэтому проблематика, связанная с этой во многом еще загадочной эпохой, думается, не оставит юбиляра равнодушным.

Проблемы неолита Барабинской лесостепи всегда были в центре внимания специалистов. В текущем тысячелетии изучение неолитических поселений и могильников существенно обогатило науку новыми, порой совершенно неожиданными открытиями. К их числу относятся: обоснование версии существования на данной территории артынской культуры [Бобров, Марочкин, 2011; Бобров и др., 2010; 2017], в свое время выделенной Л. Л. Косинской [1982] в западных районах Сибири; исследование серии погребальных комплексов, датируемых развитым неолитом, с оригинальной погребальной практикой на памятниках Венгерово-2А [Молодин и др., 2016] и Автодром-1 [Бобров и др., 2015]; разработка на качественно новом уровне на основе материалов преимущественно неолитических поселений концепции историко-культурного развития популяций в регионе [Юракова, 2017]; открытие памятников с плоскодонной неолитической керамикой, отнесенных первооткрывателями в Барабинской лесостепи к комплексам боборыкинской культуры [Боб-

ров и др., 2012; Бобров, Марочкин, 2013; Бобров, Юракова, 2014].

Впрочем, последний вывод, предложенный нашими кемеровскими коллегами, с самого начала вызывал у авторов этой работы серьезные сомнения, которые еще более укрепились с открытием и стационарными раскопками уникального поселенческого ансамбля на памятнике Тартас-1. Колебания мнений по поводу боборыкинской принадлежности данных материалов – как автодромовских, так и тартасских, усилились с получением серии радиоуглеродных дат в высокорейтинговой лаборатории Университета Гейдельберга (Германия). Предварительному анализу этих дат в контексте исследования материалов памятника Тартас-1 и посвящена данная работа. Детальный анализ материалов неолитического поселенческого комплекса Тартас-1 проведен в специальной работе (Молодин В. И., Хансен С., Мыльников Л. Н., Ненахов Д. А., Райнхольд С., Ненахова Ю. Н., Нестерова М. С., Дураков И. А., Кобелева Л. С. «Ранне-неолитический комплекс на памятнике Тартас-1. Культурно-хронологическое осмысление»), как мы надеемся, она скоро будет опубликована в Германии, однако с учетом популярности, которую в настоящее время получила проблема «боборыкинских комплексов» в Западной Сибири (см., например: [Зах, 1987; 2009; Бобров и др., 2012; Бобров, Марочкин, 2013; Бобров, Юракова, 2014; Мерц, 2014; 2015; Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю., 2016]), нам представляется чрезвычайно актуальным максимально оперативно ввести в научный оборот новейшие данные по хронологии. Такая цель тем более важна, что в настоящее время именно абсолютное датирование независимыми методами занимает ведущие позиции в хронологической диагностике археологических памятников, при этом радиоуглеродный метод является объективным и проверяемым.

Неолитический комплекс на разновременном и разнокультурном памятнике Тартас-1 (рис. 1) [Молодин и др., 2015] открыт в результате применения методики вскрытия площади объекта сплошными раскопами, прежде всего по данным магнитной съемки. При таком подходе исследовались не только погребальные ансамбли различных эпох и культур, но и объекты поселенческого и ритуального характера, которые

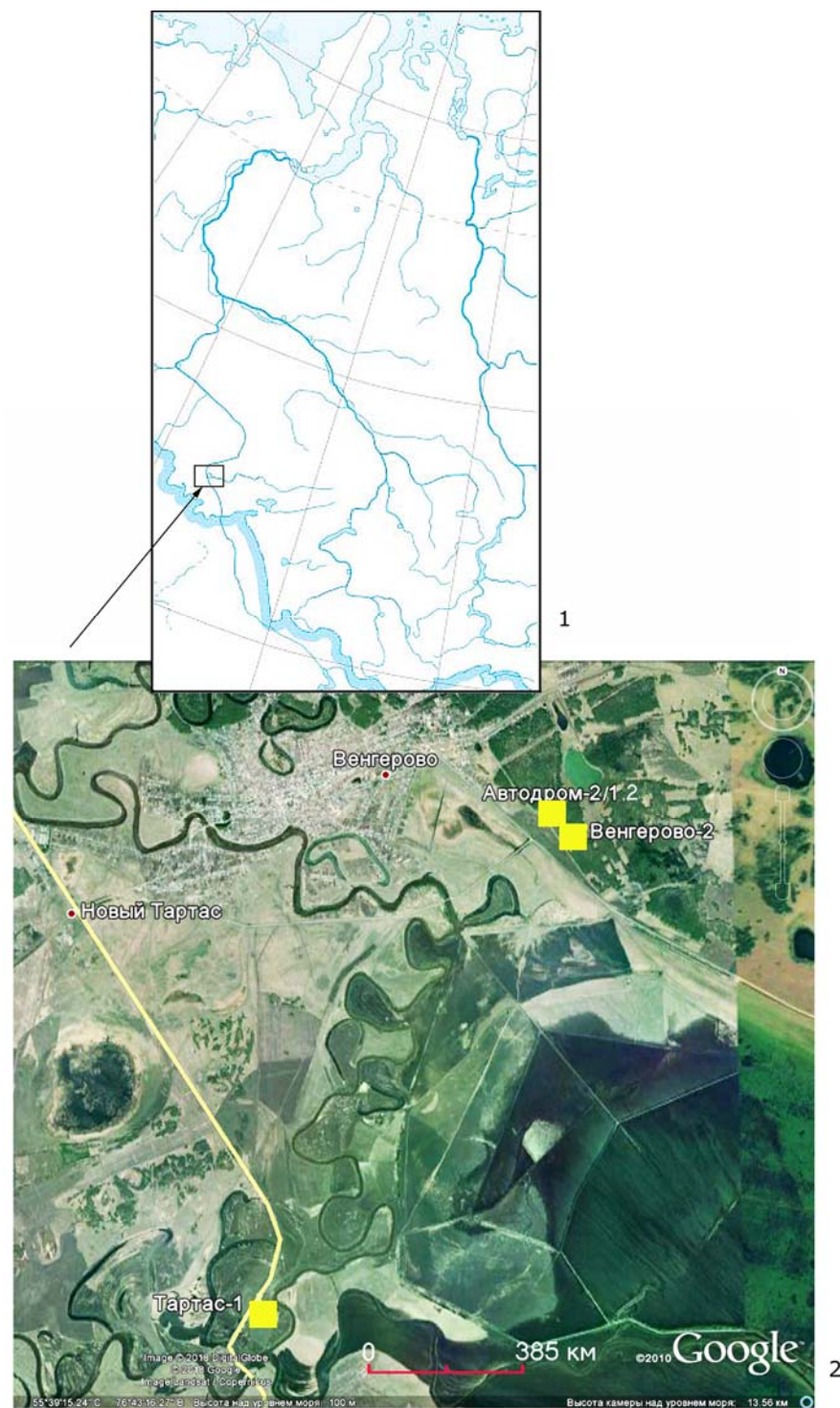

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников Тартас-1, Венгерово-2, Автодром-2/1, 2: 1 – на карте Западной Сибири; 2 – на карте Венгеровского археологического микрорайона

в ту или иную эпоху существовали на террасе, где расположен памятник. Терраса клином вдаётся в достаточно высокую для Барабинской лесостепи незатопаемую пойму. Поселенческий комплекс неолитической

эпохи в настоящее время представлен двумя конструкциями с наличием столбовых ям от опоры кровли и стен, а также оригинальных очагов (рис. 2). Кроме того, выявлена система довольно глубоких и крупных в диа-

1

2

Рис. 2 (фото). Неолитический комплекс памятника Тартас-1:
1 – котлован конструкции № 6 (снято с ЮЗ); 2 – котлован конструкции № 7 (снято с В)

метре ям, используемых, вероятно, для квашения рыбных запасов и водоплавающей дичи (рис. 3; 4). Очевидно, ямы имели и определенный сакральный смысл: в одной из них какое-то время обитала россомаха (лат. *Gulo gulo*), в другие были целенаправленно помещены трупы собаки (*Canis*), горноста (лат. *Mustela erminea*), лисицы (*Vulpes*), зафиксированы также кости быка (*Bovem*) и овцы (козы?) (*Capra*). Одновременное бытование ям и хозяйственных сооружений неоднократно проявлялось стратиграфически (см. рис. 4). Выявлена периодичность их сооружения, функционирования и постепенной утраты функций. Благодаря четко выраженной планиграфии залегания хозяйственных отходов и инвентаря удалось также надежно зафиксировать горизонты обитания человека в самих конструкциях. В одной из них (№ 6) зарегистрировано использование теплотехнического сооружения в качестве копильни для рыбы (см.: [Молодин и др., 2015]). Крайне важными являются стратиграфические наблюдения: неолитические объекты неоднократно (по меньшей мере четыре раза) (см. рис. 4) перекрывались погребальными сооружениями эпохи бронзы (андроновской (федоровской) культуры), относительно надежно, таким образом, датировав более древний комплекс. В заполнении жилых сооружений и ям были выявлены фрагменты керамики и три сосуда с устойчивой морфологией формы и орнаментики (рис. 5), выполненные по своеобразной технологии. Данная керамика абсолютно аналогична комплексу, впервые выявленному на памятнике Автодром-2/2 [Бобров и др., 2012; Бобров, Марочкин, 2013; Бобров, Юракова, 2014], который находится в пределах видимости с площади могильника Тартас-1. В 2015–2016 гг. проявления носителей данного культурного образования были зафиксированы при раскопках памятника кротовской культуры Венгерово-2, расположенного в непосредственной близости от Автодрома-2/2.

В итоге можно сказать, что мы имеем дело с ранее не известным в Барабе, да и вообще в лесостепном правобережном Прииртышье, культурным образованием неолита, колорит которого особенно отчетливо проявляется в оригинальной плоскодонной керамической посуде: в ее форме, орнаментации и технологии изготовления.

Действительно, имеющие место определенные черты сходства с посудой боборы-

Рис. 3 (фото). Расчистка ямы для квашения рыбы на неолитическом комплексе памятника Тартас-1 (снято с В)

кинской культуры позволили В. В. Боброву и его коллегам, на основании материалов памятника Автодром-2 говорить о полном тождестве данных явлений, отнеся барабинские материалы к боборыкинской культуре, и даже показать вектор связей этих комплексов [Бобров, Марочкин, 2013].

По нашему мнению, такая интерпретация не верна. Проблема неолита с плоскодонной керамикой в Западной Сибири выглядит сегодня значительно сложнее и уже ставилась исследователями применительно к таежной зоне (см., например: [Гаджиева, 1993; Ковалева, 2008; Морозов, Стефанов, 1993; Стефанов, Борзунов, 2008; Ивасько, 2002; 2008; Косинская, 2010а; 2010б]). Детально проблема и ее решение разбирается нами в упомянутой выше работе. Суть ее сводится к автохтонному западносибирскому происхождению данного культурного образования, а столь ранние даты, полученные на тартасском поселении, ставят лесостепь едва ли не во главу угла этого явления.

В связи с вышесказанным значимость полученной на Тартасе серии дат трудно переоценить. Разумеется, и она нуждается в осмыслении, что мы и попытаемся сделать в настоящей статье.

Даты, о которых упоминается, получены по костям животных. Всего выполнено восемь измерений. Все образцы взяты из стратиграфически безупречных культурных горизонтов, поэтому получившаяся достаточно растянутая во времени шкала может говорить скорее о несовершенствах метода, чем

литических объектов) подписаны доктором Ронни Фриедрихом (от 23.03.2016 и 30.01.2017, Project: Baraba-steppe, Tartas; Auftrag 150581; 160600) (табл. 1).

Наиболее ранними оказались три показателя, датирующие систему ям № 991 (MAMS 26158; MAMS 26157 и MAMS 26156) (рис. 6). Первый из них, полученный по кости из заполнения ямы, демонстрирует самую раннюю позицию. По $\sigma 1$ она определяется в пределах 7063–6838 лет до н. э. С этой датой вполне коррелирует вторая из этой же системы (см. рис. 4; 6) – из кости росوماхи, лежащей на дне ямы. По $\sigma 1$ она определяется в пределах 7025–6710 лет до н. э. Третья датировка получена по кости собаки, взятой из средней части заполнения ямы № 991. По $\sigma 1$ она попадает в пределы 6658–6596 лет до н. э. Интересно, что более древняя дата получена по кости, лежащей в верхней части заполнения ямы, а «молодая» – в средней. Однако если ориентироваться на $\sigma 2$ (см. табл. 1; рис. 6), все три даты имеют точки соприкосновения.

Еще четыре даты (MAMS 29402; MAMS 29403; MAMS 29404 и MAMS 29407) демонстрируют весьма близкие показатели, а по $\sigma 2$ – и коррелируют (рис. 6). Три первые даты определяют возраст горизонтов обитания конструкции 7. По $\sigma 1$ первый горизонт демонстрирует показатели 6470–6446 лет до н. э.; второй горизонт обитания датируется возрастом 6477–6260 лет до н. э.; третий – в пределах 6375–6260 лет до н. э. Получается, что время существования горизонтов обитания 2 и 3 практически совпало. Любопытно, что показатель наиболее молодого (верхнего) горизонта обитания 1 продемонстрировал более древнее значение, что, впрочем, может легко объясняться механическим попаданием данного образца из нижних горизонтов во время функционирования конструкции.

Вполне коррелирует с указанной выше серией дата, полученная по кости из примыкающей к сооружению ямы № 1220 (см. рис. 4; 6). По $\sigma 1$ образец датируется в пределах 6240–6108 лет до н. э. Несколько более молодую, однако созвучную с продемонстрированными выше, позицию показывает образец (MAMS 29405), взятый из заполнения жилища № 6. Его показатель по $\sigma 1$ составил 5977–5888 лет до н. э. (см. рис. 4, 6).

Таким образом, все восемь образцов, взятых из исследованного комплекса, по времени находятся в пределах VII тыс. до н. э., касаясь рубежей VI и VIII тыс. до н. э. (см. рис. 6).

Имеющийся диапазон дат в пределах тысячелетия вновь демонстрирует хорошо известную проблему разброса радиоуглеродных датировок в границах одного комплекса, что объясняется целым набором неоднозначных для различных памятников, порой вообще труднообъяснимых явлений [Косинцев и др., 2004; Косинская, 2010а. С. 43], включающих, в том числе, и несовершенство метода. Все сказанное выше не должно смущать археологов. Очевидно, что этому методу определения хронологии принадлежит настоящее и будущее науки.

Важно отметить, что в обозначенных пределах оказался датированным «загадочный» объект, выявленный нашей экспедицией на памятнике Венгерово-2. Здесь, среди конструкций кротовской культуры эпохи бронзы было обнаружено сооружение в виде большой и глубокой ямы сложной конфигурации

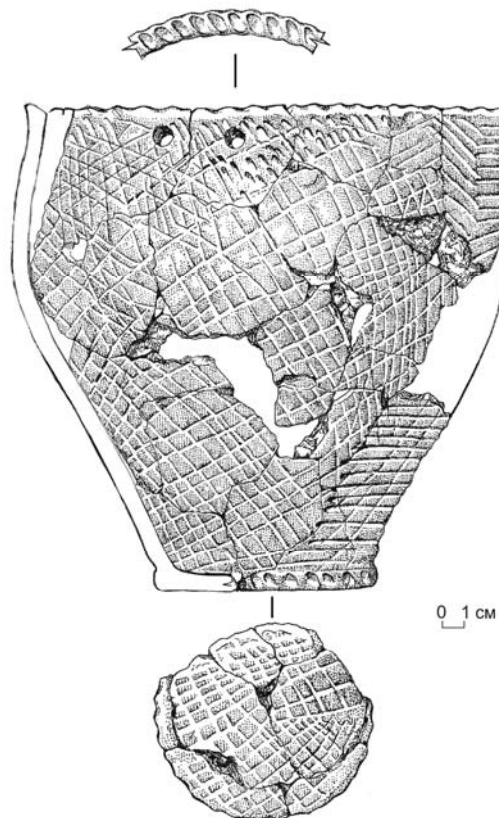

Рис. 5. Реставрированный сосуд из неолитического комплекса памятника Тартас-1

Таблица 1

Сводка результатов радиоуглеродного датирования образцов
из неолитического комплекса памятника Тартас-1

Laborn MAMS	Proben- name	¹⁴ C Alter (yr BP)	±	δ13C AMS (‰)	Cal BC 1-sigma	Cal BC 2-sigma	C : N	C (‰)	Kollagen (%)	Material
26156	Tartas-1, G 991, Dog 1	7804	37	-22,4	6658-6596	6696-6509	2,8	22,8	5,9	bone
26157	Tartas-1, G 991, Dog 2	7946	37	-26,0	7025-6710	7031-6695	3,0	36,1	9,8	bone
26158	Tartas-1, G 991, Animal bone/tooth	8034	36	-22,4	7063-6838	7071-6825	3,1	37,2	4,5	bone
29402	Tartas-1, Ko 7/ 2016, H 1	7621	22	-15,6	6470-6446	6492-6435	3,2	39,6	6,5	bone
29403	Tartas-1, Ko 7/ 2016, H 2	7449	23	-22,4	6377-6260	6391-6249	3,2	39,2	0,7	bone
29404	Tartas-1, Ko 7/ 2016, H 3	7446	23	-23,4	6375-6260	6390-6248	2,8	18,9	5,4	bone
29405	Tartas-1, Ko 6	7019	23	-19,5	5977-5888	5982-5846	2,7	12,7	7,0	bone
29407	Tartas-1, G 1220	7344	24	-21,3	6240-6108	6249-6093	2,6	12,8	5,5	bone

Примечание: G (Grube) – яма; Ko – конструкция, H – горизонт.

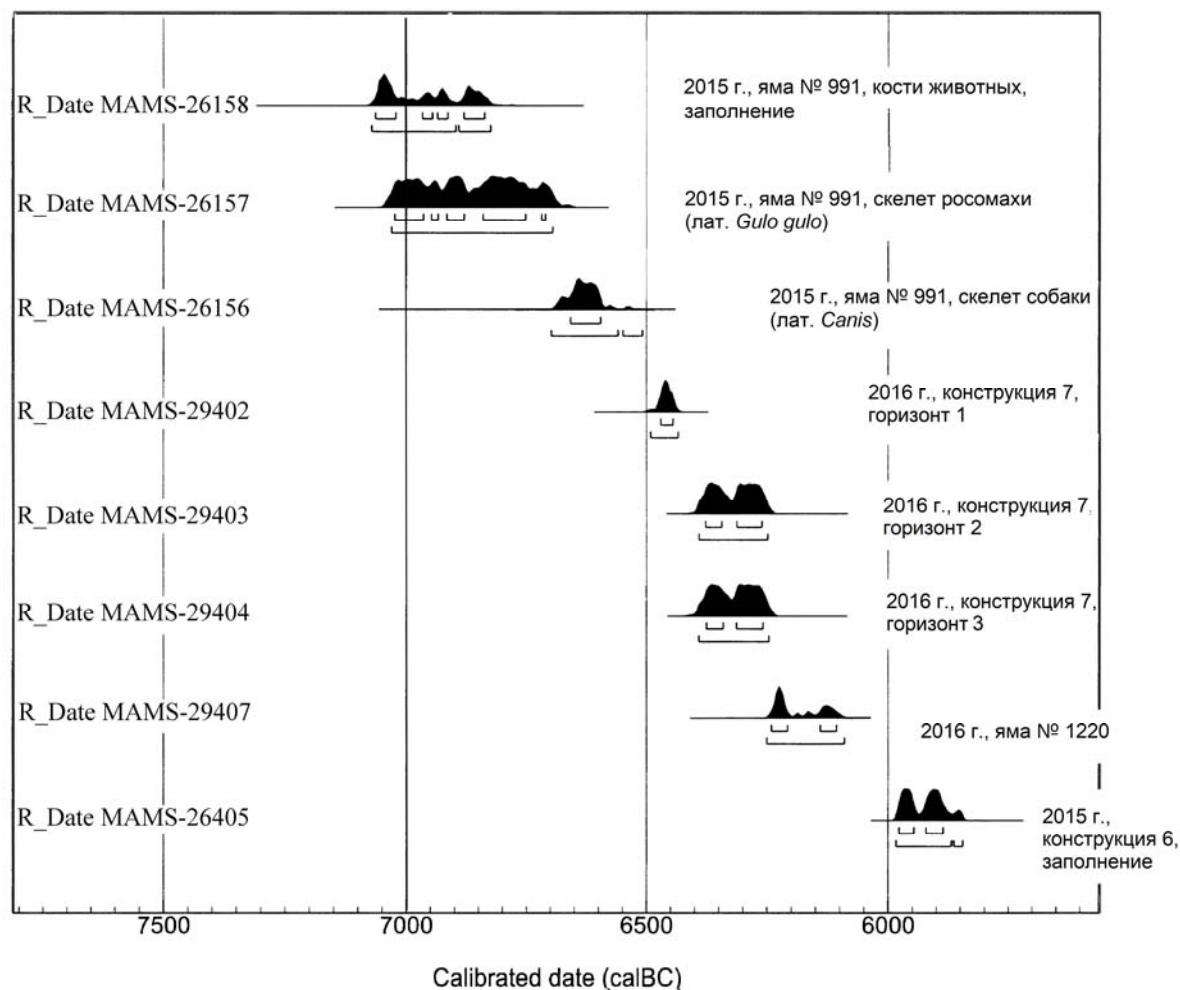

Рис. 6. Сводная характеристика радиоуглеродных дат, полученных на неолитических комплексах памятника Тартас-1 в 2015–2016 гг.

(двухкамерный котлован). В ее заполнении у дна помимо немногочисленных костей животных найден великолепный роговой гарпун (рис. 7). Взятый из ямы для радиоуглеродного анализа образец кости животного, индексированный как MAMS 29409, по sigma 1 датирован 6426–6385 лет до н. э., а по sigma 2 – 6440–6266 лет до н. э., что полностью совпадает со временем бытования анализируемого комплекса на Тартасе. Таким образом, получено еще и косвенное свидетельство датировки оригинальной плоскодонной неолитической керамики, фрагменты которой были выявлены и в пределах памятника Венгеро-2.

Между тем нельзя не отметить, что устойчивая серия радиоуглеродных дат, о которых шла речь, оказалась не сопоставима с датировками абсолютно аналогичной керамики из поселения Автодром-2/2, полученными прямым датированием [Мосин,

2015; 2016]. Три даты этого памятника демонстрируют возраст 5460 ± 100 , 5967 ± 100 , 5884 ± 100 BP. Их калиброванные значения занимают промежуток с последней четверти VI до середины V тыс. до н. э. Учитывая тождественность плоскодонных керамических комплексов Тартас-1 и Автодрома-2/2, объяснений несоответствию дат может быть два.

Первое и наиболее вероятное – несовершенство метода прямого радиоуглеродного датирования керамических образцов. Второе – возможность достаточно длительного обитания в Барабинской лесостепи в неолите носителей традиции изготовления плоскодонной посуды. Оба объяснения, разумеется, нуждаются в дополнительной проверке и аргументации.

Какое же культурно-хронологическое место занимает тартасский неолитический комплекс с плоскодонной посудой? Уже от-

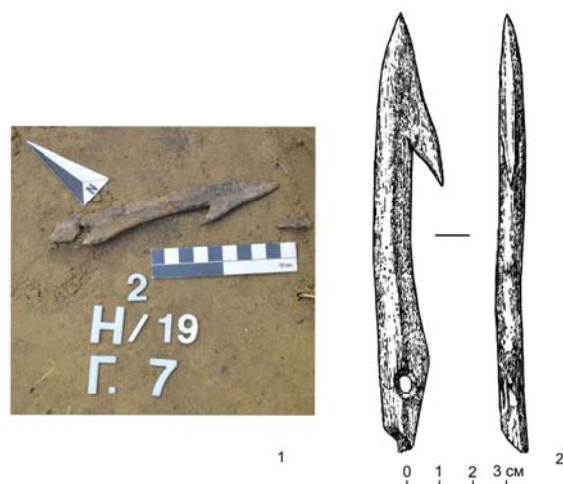

Рис. 7. Гарпун из рога с площади неолитического поселения Венгерово-2: 1 – фото (снято с ЮЗ); 2 – прорисовка предмета

мечалось, что на территории Барабинской лесостепи и прилегающих районов Прииртышья наиболее ранние проявления человеческой деятельности относятся к финальной стадии плейстоцена и не уходят глубже пятнадцати тысяч лет от сегодняшнего дня [Окладников, Молодин, 1983; Генинг, Петрин, 1985; Петрин, 1986]. К мезолитической эпохе надежно относится лишь стоянка Черноозерье VI-VIa [Генинг и др., 1973. С. 24–47]. Представительная серия дат имеется с мезолитических памятников таежной зоны Западной Сибири. Так, хронология мезолитических стоянок на Конде определяется временем 9500–6700 л. н., при этом даты моложе 7000 л. н. могут считаться спорными [Тимофеев, Зайцева, 1997; Погодин, Беспрозванный, 1999; Беспрозванный, Погодин, 2006].

Опорной для определения границы мезолита и неолита можно принять серию калиброванных датировок, полученных благодаря работам Л. Л. Косинской на памятнике Харампур-4 (табл. 2). По-видимому, данные параметры можно экстраполировать и на более южные, в том числе лесостепные районы Западной Сибири.

Имеющаяся на данный момент серия радиоуглеродных дат с памятников эпохи неолита Барабы не так уж велика. Она получена в разных лабораториях. В целом калиброванные даты укладываются в пределы V – первой половины IV тыс. до н. э. (см.: [Марченко, 2009а; 2009б]). Из всего сказанного следует, что рассматриваемый в работе неолитический комплекс памятника Тартас-1 с плоскодонной посудой относится к его наиболее ранней стадии и может быть квалифицирован как ранний неолит Барабы. Важно, что этот вывод совпадает с хронологической оценкой неолитических памятников западносибирского Севера. Так, калиброванные радиоуглеродные даты помещают группу раннеолитических памятников в пределы конца VII – первой половины VI тыс. до н. э. Вторая группа памятников – VI – середина V тыс. до н. э., датирована исследователями средней стадией неолита [Косинская, 2010а. С. 43; 2014].

Подчеркнем и то обстоятельство, что к наиболее ранней стадии отнесены комплексы с плоскодонной посудой, интерпретированные как поселения кошкинской культуры [Косинская, 2010а]. Плоскодонная керамика обнаружена и на поселении Барсова Гора II/9 [Чемякин, 2009; 2011]. Как отмечает Л. Л. Косинская, жилища 15 и 16 датируются в пределах раннего неолита 1, а жилище 7

Таблица 2

Радиоуглеродные даты памятника Харампур-4

Шифр образца	Возраст	
	некалиброванный (BP)	калиброванный (BC)
Ле-7789	7810 ± 110	6820–6490 (68,2 %) 7050–6450 (95,4 %)
Ле-7790	7720 ± 250	7050–6350 (68,2 %) 7300–6000 (95,4 %)
Ле-7791	8200 ± 150	7460–7050 (68,2 %) 7550–6700 (95,4 %)
Ле-7792	8200 ± 200	6950–6850 (68,2 %) 7600–6650 (95,4 %)

относится к раннему неолиту 2 (по ее периодизации) [Косинская, 2014. С. 35]. Поэтому неолит Западной Сибири (таежной и лесостепной зоны) с плоскодонной керамикой следует оценивать как явление общеисторического и стадийного характера, в основе, вероятно, автохтонного. Отнесение тартасских комплексов с плоскодонной керамикой, как и отмеченных выше из таежной зоны Западной Сибири (по крайней мере – амнинских [Морозов, Стефанов, 1993; Стефанов, Борзунов, 2008] и каюковских [Ивасько, 2002; 2008]), к раннему неолиту не позволяет связывать их с боборыкинской культурой хотя бы по той причине, что последняя по времени значительно моложе (см.: [Ковалева, Зырянова, 2008; Выборнов и др., 2014]), чем предыдущие образования [Косинская, 2014].

За автохтонную версию происхождения образований с посудой с плоским дном западносибирского Севера от местного мезолита, высказанную Л. Л. Косинской [2010а], говорит, прежде всего, сопряженность дат, а также и некоторые другие черты, например эволюция технологии каменной индустрии и домостроительства [Косинская, 2010б]. Сходные явления могли быть и в Барабинской лесостепи, но предшествующий (мезолитический) период здесь пока слабо изучен. Тем не менее известные в настоящее время данные по верхнепалеолитическим памятникам как будто не противоречат этой версии.

Думается, что малоперспективно искать истоки прихода носителей культуры с плоскодонными формами посуды откуда-то с запада, где подобная керамика есть в неолите лесостепного и степного Поволжья [Выборнов, 2008], тем более с территории российского Дальнего Востока [Окладников, Медведев, 1983]. Центры с древнейшей, плейстоценовой, керамикой в настоящее время в мире обозначены [Jordan et al., 2016. Fig. 94]. Но и они явно свидетельствуют о том, что человечество пришло к изобретению глиняной посуды далеко не одновременно, и это явление не связано с миграциями, по крайней мере континентального или глобального характера.

Однако версию культурогенеза носителей традиции изготовления плоскодонной керамики в Барабе, как отмечено выше, предполагается детально рассмотреть в специальной работе.

Список литературы

Беспрозванный Е. М., Погодин А. А. Мезолит севера Западной Сибири: итоги изучения // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. археологического съезда. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 1. С. 168.

Бобров В. В., Марочкин А. Г. Артынская культура // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 106–108.

Бобров В. В., Марочкин А. Г. Боборыкинский комплекс из Барабы: проблема исторической интерпретации // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2013. № 3 (23). С. 211–215.

Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Керамика артынской позднелитической культуры (по материалам поселения Автодром-2) // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 113–116.

Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 4–13.

Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Исследования поселенческих и погребальных комплексов эпохи неолита на памятнике Автодром-1 в Барабинской лесостепи в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 22. С. 7–11.

Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Поселение артынской культуры Автодром-2 – памятник позднего неолита в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 1. С. 49–61.

Бобров В. В., Юракова А. Ю. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 1. С. 211–214.

Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука, 1988. С. 225.

Васильевский Р. С., Дроздов Н. И. Палеолитические скульптурные изображения из

Восточной Сибири // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск: Наука, 1983. С. 59–65.

Васильевский Р. С., Дроздов Н. И. Скульптурка мамонта из Северного Приангарья // Природа. 1988. № 4. С. 46–48.

Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. 490 с.

Выборнов А. А., Мосин В. С., Епимахов А. В. Хронология Уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 33–48.

Гаджиева Е. А. Неолит бассейна р. Конды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. 18 с.

Генинг В. Ф., Петрин В. Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. 88 с.

Генинг В. Ф., Петрин В. Т., Косинская Л. Л. Первые поселения эпохи позднего палеолита и мезолита в Западной Сибири // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 5. С. 24–47.

Дроздов Н. И. Палеографические и экологические условия жизни человека в Северном Приангарье в конце плейстоцена-голоцена // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 31–34.

Дроздов Н. И. Проблемы и перспективы археологического изучения бассейна Северного Енисея и Северной Ангары // Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 1984. С. 10–14.

Дроздов Н. И. Современное состояние и возможности различия стратиграфии голоцена в Северном Приангарье // Природа и хозяйство Красноярского края. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 1985. С. 36–39.

Зах В. А. К вопросу о боборыкинской культуре // Роль Тобольска в освоении Сибири. Тобольск, 1987. С. 11–13.

Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Ивасько Л. В. Укрепленное поселение каменного века Каюково-2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. С. 7–25.

Ивасько Л. В. О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сугрут: Урал. кн. изд-во, 2008. С. 112–122.

Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю. Керамика боборыкинского облика с поселений юго-западных районов Алтайского края // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. № 2 (14). С. 7–23.

Ковалева В. Т. Поселение Сумпанья III и проблема культурно-хронологической атрибуции памятников кошкинского типа в таежной зоне Западной Сибири // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сугрут: Урал. кн. изд-во, 2008. С. 123–134.

Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. К вопросу о сатыгинском типе керамики // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сугрут: Урал. кн. изд-во, 2008. С. 135–145.

Косинская Л. Л. Поздненеолитическая стоянка Артын на Среднем Иртыше // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1982. С. 18–27.

Косинская Л. Л. Глава 1. Археологические культуры Ямала. 1.1. Каменный век севера Западной Сибири // История Ямала. Екатеринбург: Изд-во Баско, 2010а. Т. 1: Ямал традиционный, кн. 1: Древние культуры и коренные народы. С. 22–47.

Косинская Л. Л. Сырьевая стратегия и камнеобработка как аспекты культурной адаптации (по материалам неолитических памятников севера Западной Сибири) // Уральский исторический вестник. 2010б. № 2 (27). С. 13–25.

Косинская Л. Л. Ранняя гребенчатая керамика в неолите Зауралья // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43). С. 30–39.

Косинцев П. А., Бобковская Н. Е., Беспрозванный Е. М. Радиоуглеродная хронология археологических памятников таежной зоны Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 17–32.

Марченко Ж. В. Радиоуглеродная хронология археологических памятников эпохи неолита и раннего металла Барабинской лесостепи // Роль естественно-научных мето-

дов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009а. С. 140–143.

Марченко Ж. В. Культурная принадлежность, хронология и периодизация археологических памятников среднего течения р. Тары (эпоха неолита и бронзы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009б. 26 с.

Мерц В. К. Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 1. С. 297–301.

Мерц В. К. О керамике боборыкинского типа из неолит-энеолитических комплексов Северного Казахстана // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое. Сборн. статей, посвящ. 70-летию В. Н. Логвина. Костанай; Алматы: Изд-во Инст. археологии им. Маргулана, 2015. С. 267–272.

Молодин В. И., Ненахов Д. А., Нестерова М. С., Дураков И. А., Васильев С. К. Оригинальный производственный комплекс на Тартасе-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 21. С. 326–331.

Молодин В. И., Нестерова М. С., Мыльникова Л. Н. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерово-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 2. С. 30–46.

Морозов В. М., Стефанов В. И. Амня-1 – древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1993. Вып. 21. С. 161–163.

Мосин В. С. Неолит лесостепного Зауралья и Прииртышья: новейшие исследования и периодизация // Вестн. Кем. гос. ун-та. 2015. № 2 (62). С. 108–113.

Мосин В. С. Социокультурное пространство в позднем каменном веке // Вестн. Перм. гос. ун-та. История. 2016. Вып. 1 (32). С. 19–27.

Окладников А. П., Медведев В. Е. Исследование многослойного поселения Гася на Нижнем Амуре // Изв. Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук, 1983. Вып. 1, № 1. С. 93–97.

Окладников А. П., Молодин В. И. Палеолит Барабы // Палеолит Сибири. Новосибирск: Наука, 1983. С. 101–106.

Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука, 1986. 142 с.

Погодин А. А., Беспрозванный Е. М. Новые исследования каменного века таежной зоны Западной Сибири // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В. Ф. Генинга. 42 новейшие открытия уральских археологов. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. С. 99–103.

Стефанов В. И., Борзунов В. А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сугрут: Урал. кн. изд-во, 2008. С. 105–107.

Тимофеев В. И., Зайцева Г. И. К проблеме радиоуглеродной хронологии неолита степной и юга лесной зоны европейской части России (обзор источников) // Радиоуглерод и археология. СПб., 1997. Вып. 2. С. 98–108.

Чемякин Ю. П. Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или Двадцать лет спустя // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2009. С. 198–213.

Чемякин Ю. П. Радиоуглеродные даты памятников Барсовой Горы // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 247–249.

Юракова А. Ю. Неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2017. 30 с.

Jordan P., Gibbs K., Hommel P., Piezonka H., Silva F., Steele J. Modeling the diffusion of pottery technologies across Afro-Eurasia: emerging insights and future research // Antiquity. 2016. № 90351. P. 590–603.

V. I. Molodin^{1,2}, S. Reinhold³, L. N. Mylnikova^{1,2},
D. A. Nenakhov¹, S. Hansen³

¹ Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

³ German Archaeological Institute, Eurasian Department
2-6 Im Dol, Building II, 14195, Berlin, Germany

molodin@archaeology.nsc.ru, sabine.reinhold@dainst.de, l.mylnikova@yandex.ru
nenaxoffsurgut@mail.ru, sekretariat.eurasien@dainst.de

RADIOCARBON DATES OF THE TARTAS-1 NEOLITHIC COMPLEX (EARLY NEOLITHIC IN BARABA)

Purpose. The Neolithic sites of the Baraba forest-steppe have always been in the focus of the archaeological scientific community. In the current millennium, the study of the Neolithic settlements and cemeteries significantly enriched the science with new, sometimes completely unexpected discoveries, such as a version that some artifacts found in the area belong to the Artynskaya culture, singled out by L. L. Kosinskaya, or a discovery of a series of burial complexes of developed Neolithic with original funeral practice at Vengerovo-2A and Avtodrom-1 sites, etc. The concept of historical and cultural development in the region started to develop at a new level. In this respect, we reviewed the descriptions of the sites with flat-bottomed Neolithic ceramics, which their discoverers had identified as complexes of the Boborykinskaya culture. Our goal was to prove that the identification was misleading.

Results. We can summarise that the Neolithic complex at the time-based and multicultural site Tartas-1 was opened as a result of using solid excavations with the orientation toward magnetic surveying. The complex includes two structures and a set of deep and large in diameter pits used probably for sifting fish stocks and waterfowl. In construction number 6, a thermo-technical structure used as a smokehouse was fixed. Fragments of ceramics and three vessels with flat-bottomed morphology of their form and ornamentation, similar to dishes from Avtodrom-2/2, were found in residential structures and pits. In order to date and describe the artifacts in more details, we used radiocarbon analysis. Eight measurements were taken. The dates were obtained by analyzing the bones of animals. All samples were taken from the stratigraphically flawless cultural horizons of both buildings and pits. The earliest were three indicators referring to the system of pits number 991. According to Sigma 1, the first is determined within 7063–6838 years BC, the second – 7025–6710 years BC, and the third – 6658–6596 years BC. If we focus on Sigma 2, all three dates have a common ground. Four more dates show very close indicators, and according to sigma 2 they are correlated. For structure 7, the first horizon in Sigma 1 shows the exponents of 6470–6446 years BC, the second – 6477–6260 years BC, and the third horizon dates back to 6375–6260 years BC. For pit number 1220, dates of 6240–6108 BC were obtained. A bone sample taken from the filling of dwelling number 6 gave a date of 5977–5888 years BC, according to Sigma 1. Thus, in terms of dates, all 8 samples taken from the complex under investigation fit within the limits of the 7th millennium BC, touching the boundaries of the 6th and 8th millennium BC. At Vengerovo-2, a sample of the animal bone from the Neolithic pit was dated by Sigma 1 as 6426–6385 years BC, and according to Sigma 2 – 6440–6266 years BC. This series of radiocarbon dates proved to be incomparable with the dating of similar ceramics from the Avtodrom-2/2 settlement obtained by direct dating: the latter shows an age of 5460 ± 100 ; 5967 ± 100 ; 5884 ± 100 BP. Their calibrated values range between the last quarter of the 6th and the middle of the 5th millennium BC.

Conclusion. The complex with flat-bottomed dishes of the Tartas-1 site belongs to the earliest stage of the Neolithic period and can be qualified as the early Neolithic of the Baraba forest-steppe. This conclusion coincides with the chronological evaluation of the Neolithic monuments in West Siberian North. Calibrated radiocarbon dates place our group of early Neolithic sites within the range between the end of the 7th and the first half of the 6th millennium BC. In general, Neolithic of

Western Siberia (taiga and forest-steppe zone) with flat-bottomed ceramics should be assessed as a phenomenon of a general historical and stadial nature. Its origin is considered autochthonous.

Keywords: Baraba forest-steppe, early Neolithic, flat-bottomed ware, radiocarbon dating.

References

Besprozvannyi E. M., Pogodin A. A. Mezolit severa Zapadnoi Sibiri: itogi izucheniya [Mesolithic of the North of Western Siberia: Results of the Study]. *Sovremennye problemy arkheologii Rossii. Mater. Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda* [Modern problems of Russian archaeology. Materials of the All-Russian Archaeological Congress]. Novosibirsk, IAE SB RAS, 2006, vol. 1, p. 168. (in Russ.)

Bobrov V. V., Marochkin A. G. Artynskaya kul'tura [The Artynskaya Culture]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress]. St. Petersburg, Moscow, Velikii Novgorod, 2011, vol. 1, p. 106–108. (in Russ.)

Bobrov V. V., Marochkin A. G. Boborykinskii kompleks iz Baraby: problema istoricheskoi interpretatsii [The Boborykinsky Complex from Baraba: on Historical Interpretation]. *Vestnik TGU. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2013, no. 3 (23), p. 211–215. (in Russ.)

Bobrov V. V., Marochkin A. G., Yurakova A. Yu. Keramika artynskoi pozdneneoliticheskoi kul'tury (po materialam poseleniya Avtodrom 2) [Ceramics of the Late Neolithic Artynskaya Culture (Based on the Autodrome 2 Settlement Materials)]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in the historical context: experience of Western Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Tomsk, Agraf-Press, 2010, p. 113–116. (in Russ.)

Bobrov V. V., Marochkin A. G., Yurakova A. Yu. Poselenie boborykinskoi kul'tury Avtodrom 2/2 (severo-zapadnye raiony Barabinskoi lesostepi) [Settlement of Boborykinskaya Culture Autodrome 2/2 (north-western areas of the Baraba forest-steppe)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. Tyumen', IPOS SO RAN Publ., 2012, no. 3 (18), p. 4–13. (in Russ.)

Bobrov V. V., Marochkin A. G., Yurakova A. Yu. Issledovaniya poselencheskikh i pogrebal'nykh kompleksov epokhi neolita na pamyatnike Avtodrom-1 v Barabinskoi lesostepi v 2015 godu [Studies of Settlement and Funerary Complexes of the Neolithic Age at the Autodrome-1 Site in the Baraba Forest-Steppe in 2015]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Issues of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS, 2015, vol. 22, p. 7–11. (in Russ.)

Bobrov V. V., Marochkin A. G., Yurakova A. Yu. Poselenie artynskoi kul'tury Avtodrom-2 – pamyatnik pozdnego neolita v Barabinskoi lesostepi [Settlement of the Artynskaya Culture Avtodrom-2 (Late Neolithic Site in the Baraba forest-steppe)]. *Arkheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2017, vol. 45, no. 1, p. 49–61. (in Russ.)

Bobrov V. V., Yurakova A. Yu. Boborykinskii kompleks v neolite Barabinskoi lesostepi [Boborykinsky Complex in the Neolithic of the Baraba Forest-Steppe]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan', Otechestvo Publ., 2014, vol. 1, p. 211–214. (in Russ.)

Chemyakin Yu. P. Okhrannye raskopki na poselenii Barsova Gora II/9, ili Dvadtsat' let spustya [Security Excavations at the Settlement Barsova Gora II/9, or Twenty Years Later]. *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Area in the mirror of the past]. Tomsk, Khanty-Mansiisk, TSU Publ., 2009, p. 198–213. (in Russ.)

Chemyakin Yu. P. Radiouglerodnye daty pamyatnikov Barsovoi Gory [Radiocarbon Dates of the Barsova Gora Monuments]. *Voprosy arkheologii Urala* [Issues of Archeology of the Urals]. Ekaterinburg, Surgut, Magellan Publ., 2011, vol. 26, p. 247–249. (in Russ.)

Drozdov N. I. Paleograficheskie i ekologicheskie usloviya zhizni cheloveka v Severnom Priangar'e v kontse pleistotsena-golotsena [Paleographic and Ecological Conditions of Human Life in the Northern Angara Region at the End of the Pleistocene-Holocene]. *Osobennosti estestvenno-geograficheskoi sredy i istoricheskie protsessy v Zapadnoi Sibiri* [Features of the natural-geogra-

phical environment and historical processes in Western Siberia]. Tomsk, TSU Publ., 1979, p. 31–34. (in Russ.)

Drozdov N. I. Problemy i perspektivy arkheologicheskogo izucheniya basseina Severnogo Eniseya i Severnoi Angary [Issues and Perspectives of Archaeological Study in the Basin of the Northern Yenisei and the Northern Angara]. *Problemy issledovaniya kamennogo veka Evrazii* [Issues of the Stone Age of Eurasia]. Krasnoyarsk, KSPU Publ., 1984, p. 10–14. (in Russ.)

Drozdov N. I. Sovremennoe sostoyanie i vozmozhnosti razlichiya stratigrafii golotsena v Severnom Priangar'e [The Current State and Possibilities of the Difference in the Holocene Stratigraphy in the Northern Angara Area]. *Priroda i khozyaistvo Krasnoyarskogo kraya* [Nature and Economy of the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk, KSPU Publ., 1985, p. 36–39. (in Russ.)

Gadzhchieva E. A. Neolit basseina r. Kondy [Neolithic in the Basin of the River Kondy]. Cand. histor. sci. syn. diss. St. Petersburg, 1993, 18 p. (in Russ.)

Gening V. F., Petrin V. T. Pozdnepaleoliticheskaya epokha na yuge Zapadnoi Sibiri [The Late Paleolithic Age in the South of Western Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1985, 88 p. (in Russ.)

Gening V. F., Petrin V. T., Kosinskaya L. L. Pervye poseleniya epokhi pozdnego paleolita i mezolita v Zapadnoi Sibiri [The first Settlements of the Late Paleolithic and Mesolithic in Western Siberia]. *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Tomsk, TSU Publ., 1973, vol. 5, p. 24–47. (in Russ.)

Ivas'ko L. V. Ukreplennoe poselenie kamennogo veka Kayukovo-2 [The fortified Settlement of the Stone Age Kayukovo-2]. *Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri* [Materials and research on the history of North-West Siberia]. Ekaterinburg, Ural State Univ. Publ., 2002, p. 7–25. (in Russ.)

Ivas'ko L. V. O kayukovskoi arkheologicheskoi kul'ture [About Kayukovo archaeological culture]. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya* [Barsova Gora: antiquities of the taiga Ob region]. Ekaterinburg, Sugrut, Ural'skoe izd-vo Publ., 2008, p. 112–122. (in Russ.)

Jordan P., Gibbs K., Hommel P., Piezonka H., Silva F., Steele J. Modeling the diffusion of pottery technologies across Afro-Eurasia: emerging insights and future research. *Antiquity*, 2016, no. 90351, p. 590–603.

Kiryushin Yu. F., Kiryushin K. Yu. Keramika boborykinskogo oblika s poselenii yugo-zapadnykh raionov Altaiskogo kraya [Pottery of the Boborykin Appearance from the Settlements of the Southwestern Regions of the Altai Territory]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. Barnaul, Altay State Univ. Publ., 2016, no. 2 (14), p. 7–23. (in Russ.)

Kovaleva V. T. Poselenie Sump'an'ya III i problema kul'turno-khronologicheskoi atributsii pamyatnikov koshkinskogo tipa v taezhnoi zone Zapadnoi Sibiri [Settlement of Sumpania III and Cultural and Chronological Attribution of Koshkin-type Monuments in the Taiga Zone of Western Siberia]. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya* [Barsova Gora: antiquities of the taiga Ob region]. Ekaterinburg, Sugrut, Ural'skoe izd-vo Publ., 2008, p. 123–134. (in Russ.)

Kovaleva V. T., Zyryanova S. Yu. K voprosu o satyginskom tipe keramiki [On the Satygin Type of Ceramics]. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya* [Barsova Gora: antiquities of the taiga Priobye]. Ekaterinburg, Sugrut, Ural'skoe izd-vo Publ., 2008, p. 135–145. (in Russ.)

Kosinskaya L. L. Pozdneneoliticheskaya stoyanka Artyn na Srednem Irtyshe [Late Neolithic Site Artyn in the Middle Irtysh]. *Arkheologicheskie issledovaniya Severa Evrazii* [Archaeological Studies of the North of Eurasia]. Sverdlovsk, Ural. State Univ. Publ., 1982, p. 18–27. (in Russ.)

Kosinskaya L. L. Glava 1. Arkheologicheskie kul'tury Yamala. 1.1. Kamennyi vek severa Zapadnoi Sibiri [Chapter 1. Archaeological cultures of Yamal. 1.1. Stone Age of the North of Western Siberia]. *Istoriya Yamala. Tom 1. Yamal traditsionnyi. Kniga 1. Drevnie kul'tury i korennye narody* [History of Yamal. Volume 1. Yamal is a traditional one. Book 1. Ancient cultures and indigenous peoples]. Ekaterinburg, Basko Publ., 2010a, p. 22–47. (in Russ.)

Kosinskaya L. L. Syr'evaya strategiya i kamneobrabotka kak aspekty kul'turnoi adaptatsii (po materialam neoliticheskikh pamyatnikov severa Zapadnoi Sibiri) [Raw Material Strategy and Stone Processing as Aspects of Cultural Adaptation (based on materials of Neolithic monuments of the north of Western Siberia)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Herald]. Ekaterinburg, Izd-vo Institut istorii i arkheologii URO RAN Publ., 2010b, no. 2 (27), p. 13–25. (in Russ.)

Kosinskaya L. L. Rannyaya grebenchataya keramika v neolite Zaural'ya [Early Comb-like Ceramics in the Neolithic Ural Area]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Herald]. Ekaterinburg, Izd-vo Instituta istorii i arkheologii URO RAN Publ., 2014, no. 2 (43), p. 30–39. (in Russ.)

Kosintsev P. A., Bobkovskaya N. E., Besprozvannyi E. M. Radiouglerodnaya khronologiya arkheologicheskikh pamyatnikov taezhnoi zony Zapadnoi Sibiri [Radiocarbon Chronology of Archaeological Monuments of the Taiga Zone of Western Siberia]. *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Area in the Mirror of the Past]. Tomsk, Khanty-Mansiisk, TSU Publ., 2004, vol. 2, p. 17–32. (in Russ.)

Marchenko Zh. V. Radiouglerodnaya khronologiya arkheologicheskikh pamyatnikov epokhi neolita i rannego metalla Barabinskoi lesostepi [Radiocarbon Chronology of Archaeological Monuments of the Neolithic and Early Metal Age of the Barabinsk Forest-Steppe]. *Rol' estestvenno-nauchnykh metodov v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [The role of natural scientific methods in archaeological research]. Barnaul, ASU Publ., 2009a, p. 140–143. (In Russ.)

Marchenko Zh. V. Kul'turnaya prinadlezhnost', khronologiya i periodizatsiya arkheologicheskikh pamyatnikov srednego techeniya r. Tary (epokha neolita i bronzy) [Culture Attribution, Chronology and Periodization of Archaeological Monuments in the Middle Tara River (Neolithic and Bronze Age)]. Cand. histor. sci. syn. diss. Novosibirsk, 2009b, 26 p. (in Russ.)

Merts V. K. Boborykinskii kompleks poseleniya Borly (Severo-Vostochnyi Kazakhstan) [Boborykinsky Complex of the Borly Settlement (North-East Kazakhstan)]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan', Otechestvo Publ., 2014, vol. 1, p. 297–301. (in Russ.)

Merts V. K. O keramike boborykinskogo tipa iz neolit-eneoliticheskikh kompleksov Severnogo Kazakhstana [On Ceramics of the Boborykin Type from the Neolithic-Eneolithic Complexes of Northern Kazakhstan]. *Drevnii Turgai i Velikaya step': chast' i tseloe. Sbornik statei posvyashchennykh 70-letiyu V. N. Logvina* [Ancient Turgai and the Great Steppe: part and the whole. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of V. N. Logvin]. Kostanai, Almaty, Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana Publ., 2015, p. 267–272. (in Russ.)

Molodin V. I., Nenakhov D. A., Nesterova M. S., Durakov I. A., Vasil'ev S. K. Original'nyi proizvodstvennyi kompleks na Tartase-1 (Barabinskaya lesostep') [Original Production Complex on the Tartas-1 Site (Barabinsk Forest-Steppe)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2015, vol. 21, p. 326–331. (in Russ.)

Molodin V. I., Nesterova M. S., Myl'nikova L. N. Pogrebal'nye komplekсы epokhi neolita Vengerovo-2A (yug Zapadno-Sibirskoi ravniny): rezul'taty mul'tidistsiplinarnykh issledovaniy [Burial Complexes of the Neolithic Age of the Vengerovo-2A Site (South of West Siberian Plain): results of multidisciplinary research]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2016, vol. 44, no. 2, p. 30–46. (in Russ.)

Morozov V. M., Stefanov V. I. Amnya-1 – drevneishee gorodishche Severnoi Evrazii? [Is Amnya-1 the Most Ancient Settlement of Northern Eurasia?]. *Voprosy arkheologii Urala* [Issues of archaeology of the Urals]. Ekaterinburg, Ural State Uni., 1993, vol. 21, p. 161–163. (in Russ.)

Mosin V. S. Neolit lesostepnogo Zaural'ya i Priirtysh'ya: noveishie issledovaniya i periodizatsiya [Neolithic of the Forest-Steppe Trans-Ural Region and the Irtysh Area: latest research and periodization]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University]. Kemerovo, KSU Publ., 2015, no. 2 (62), p. 108–113. (in Russ.)

Mosin V. S. Sotsiokul'turnoe prostranstvo v pozdnem kamennom veke [Sociocultural Space in the Late Stone Age]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [The Bulletin of the Perm University. History]. Perm', PSU Publ., 2016, vol. 1 (32), p. 19–27. (in Russ.)

Okladnikov A. P., Medvedev V. E. Issledovanie mnogosloinogo poseleniya Gasya na Nizhnem Amure [Research on the Multilayered Settlement Gasya on the Lower Amur]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk* [News of the Siberian Branch of Academy of Sciences of the USSR. Series of Social sciences], 1983, vol. 1, no. 1, p. 93–97. (in Russ.)

Okladnikov A. P., Molodin V. I. Paleolit Baraby [Paleolith in Baraba]. *Paleolit Sibiri* [Paleolith of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1983, p. 101–106. (in Russ.)

Petrin V. T. Paleoliticheskie pamyatniki Zapadno-Sibirskoi ravniny [Paleolithic Monuments of West Siberian Plain]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 142 p. (in Russ.)

Pogodin A. A., Besprozvannyi E. M. Novye issledovaniya kamennogo veka taezhnoi zony Zapadnoi Sibiri [New Research on the Stone Age of Western Siberia taiga zone]. *120 let arkheologii vostochnogo sklona Urala. Pervye chteniya pamyati V. F. Geninga. 42 noveishie otkrytiya ural'skikh arkheologov* [120 years of archaeology of the east slope of the Urals. First readings in memory of V. F. Geninga. 42nd latest discoveries of Ural archaeologists]. Ekaterinburg, Ural State Uni., 1999, p. 99–103. (in Russ.)

Stefanov V. I., Borzunov V. A. Neoliticheskoe gorodishche Amnya I (po materialam raskopok 1993 i 2000 godov) [Neolithic Settlement Amnya I (on materials of excavations of 1993 and 2000)]. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya* [Barsova Gora: antiquities of the taiga Ob region]. Ekaterinburg, Sugrut, Ural'skoe izd-vo Publ., 2008, p. 105–107. (in Russ.)

Timofeev V. I., Zaitseva G. I. K probleme radiouglerodnoi khronologii neolita stepnoi i yuga lesnoi zony evropeiskoi chasti Rossii (obzor istochnikov) [On Radiocarbon Chronology of Neolithic Steppe and Southern Forest Zone of the Russia's European Area (review of sources)]. *Radiouglerod i arkheologiya* [Radiocarbon and archaeology]. St. Petersburg, [without Publ.], 1997, vol. 2, p. 98–108. (in Russ.)

Vasil'evskii R. S., Burilov V. V., Drozdov N. I. Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Priangar'ya [Archaeological Sites of the North Angara Region]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 225 p. (in Russ.)

Vasil'evskii R. S., Drozdov N. I. Paleoliticheskie skul'pturnye izobrazheniya iz Vostochnoi Sibiri [Paleolithic Sculptural Images from Eastern Siberia]. *Plastika i risunki drevnikh kul'tur* [Plastics and drawings of ancient cultures]. Novosibirsk, Nauka, 1983, p. 59–65. (in Russ.)

Vasil'evskii R. S., Drozdov N. I. Skul'pturka mamonta iz Severnogo Priangar'ya [Sculpture of a Mammoth from the North Angara Region]. *Priroda* [Nature], 1988, no. 4, p. 46–48. (in Russ.)

Vybornov A. A. *Neolit Volgo-Kam'ya* [Neolithic of the Volgo-Kama Region]. Samara, SSPU Publ., 2008, 490 p. (in Russ.)

Vybornov A. A., Mosin V. S., Epimakhov A. V. Khronologiya Ural'skogo neolita [Chronology of the Ural Neolithic]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2014, no. 1 (57), p. 33–48. (in Russ.)

Yurakova A. Yu. *Neolit Barabinskoi lesostepi i yuzhno-taezhnogo Priirtysh'ya* [Neolithic of the Barabinsk Forest-Steppe and Southern Taiga in the Irtysh Area]. *Cand. histor. sci. syn. diss.* Kemerovo, 2017, 30 p. (in Russ.)

Zakh V. A. K voprosu o boborykinskoi kul'ture [On the Boborykinskaya Culture]. *Rol' Tobol'ska v osvoenii Sibiri* [The Role of Tobolsk in exploring Siberia]. Tobol'sk, 1987, p. 11–13. (in Russ.)

Zakh V. A. Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ya [Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal Age in the forest Tobol-Ishim Area]. Novosibirsk, Nauka, 2009, 320 p. (in Russ.)

**Д. В. Черемисин¹, В. И. Молодин^{1,2}, Л. В. Зоткина^{1,2}
Д. Цэвээндорж³, К. Кретэн⁴**

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

³ *Институт истории и археологии МАН
ул. Жукова, 77, Улан-Батор, 13343, Монголия*

⁴ *Национальный музей первобытной истории
ул. Музейная, 1, Лез-Эйзи, 24620, Франция*

molodin@archaeology.nsc.ru

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕГО ПЛАСТА НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ*

Публикуются петроглифы Монгольского Алтая с местонахождений Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур, исследованные международной экспедицией в 2017 г. Известные ранее и вновь открытые изображения на сланцевых валунах и плоскостях скальных обнажений были картографированы и документированы. Проведен трасологический анализ, получены технологические характеристики петроглифов, выполненных в технике различных видов пикетажа, шлифовки и сочетания этих приемов. Присутствие изображений представителей плейстоценовой фауны – мамонтов, возможно носорога, а также лошадей, выполненных в характерной «калгутинской» стилистической манере, позволяет отнести эти петроглифы к концу плейстоцена и связать с верхнепалеолитической эпохой. Кроме того, представлены результаты целенаправленного изучения наскальных изображений архаичной стилистики на памятниках, расположенных на территории Монголии на расстоянии менее 20 км от местонахождения Калгутинский Рудник (Российский Алтай), где также имеются яркие примеры архаичных наскальных изображений. Полученные результаты усиливают концепцию академика А. П. Окладникова о Центрально-Азиатском очаге первобытного искусства эпохи верхнего палеолита.

Ключевые слова: Алтай, Монголия, наскальное искусство, петроглифы, древнейший пласт.

Изучение наскальных изображений Центральной и Центральной Азии ежегодно дарит нам новые замечательные открытия. Это и ранее неизвестные памятники, и неожиданные находки на уже давно изучаемых и, казалось бы, хорошо известных местонахож-

ждениях. Применение новых методов, включающих способы фиксации фигур, получение данных о красителях и технологии нанесения изображений на скалы, т. е. использование мультидисциплинарного подхода к специфическому археологическому ис-

* Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

точнику, позволяет уточнять его датировку и семантику, оценивать феномен наскального искусства на принципиально новом уровне.

Значительные успехи в отечественном петроглифоведении, тем не менее, не сняли острейших проблем, связанных с примерами первобытного искусства наиболее раннего хронологического пласта, относящегося к финалу плейстоцена. Концепция существования в Северной и Центральной Азии пещерного (Хойт-Цэнкер-Агуй) и наскального (Аршан-Хад) палеолитического искусства, сформулированная и в значительной степени обоснованная академиком А. П. Окладниковым [1972], и сегодня находит своих сторонников, хотя, пожалуй, не уменьшается и число ее оппонентов. Новым шагом в изучении древнейших наскальных изображений Сибири стало выделение петроглифов минусинского стиля, не исключено, что верхнепалеолитического возраста [Шер, 1980. С. 190].

Наконец, несомненно значимым в решении поставленной проблемы является открытие в 90-е гг. XX в. древнейшего пласта петроглифов на плато Укок на юге российского Алтая. Здесь не только выявлены объекты, стилистически особенные в масштабах Южной Сибири и прилегающих районов Центральной Азии, но и предпринята попытка сравнить этот специфический пласт с европейским палеолитическим искусством «на пленэре» (т. е. на открытых плоскостях) во Франко-Кантабрийской области [Молодин, Черемисин, 1999]. Совместные российско-французские исследования памятника Калгутинский Рудник, проведенные, в том числе, и авторами данной статьи в начале XXI в., не только открыли ранее не вполне распознанные изображения, но и позволили выявить новые фигуры, также весьма напоминающие палеолитические петроглифы на открытых плоскостях европейских комплексов.

В начале 90-х гг. прошлого века работала совместная Российско-Монгольско-Американская археологическая экспедиция, в рамках которой в течение двенадцати полевых сезонов исследовались памятники наскального искусства Монгольского Алтая [Кубарев и др., 1995; 1996]. Были открыты и скопированы более 1 000 композиций в нескольких местонахождениях, распространенных на протяжении 15–20 км по берегам высокогорных

рек Бага-Ойгур и Цагаан-Салаа. Полученные материалы опубликованы в нескольких монографиях, изданных во Франции и России [Jacobson et al., 2001a; 2001b; Кубарев и др., 2005].

Этой же экспедицией под руководством В. Д. Кубарева, Д. Цэвээндоржа и Э. Якобсон на памятниках наскального искусства Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур были выявлены изображения мамонтов, а также других животных, по стилистическим особенностям близкие калгутинским [Jacobson et al., 2001a]. Вскоре к ним добавились петроглифы, обнаруженные на горной гряде Арал-Толгой, где выявлены не только стилистически сходные фигуры животных, но и изображения птиц, весьма напоминающие страусов из пещеры Хойт-Цэнкер-Агуй [Кубарев и др., 1998. С. 262. Рис. 2].

В отношении интерпретации полученных материалов, касающихся редких изображений быков, лошадей, «мамонтов», «страусов», т. е. персонажей наиболее архаичного пласта петроглифов Монгольского Алтая, исследователи предлагали различные версии датировки. Д. Цэвээндорж, полностью принимая концепцию А. П. Окладникова о Центрально-Азиатском очаге наскального искусства, не сомневался в палеолитической принадлежности фигур мамонтов Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура; следует отметить, что к верхнему палеолиту Д. Цэвээндорж также относил и изображения страусов из Арал-Толгой [1999. С. 95–100. Табл. 132].

Э. Якобсон, основываясь на присутствии представителей палеофауны плейстоцена в репертуаре петроглифов Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура, также полагала, что мамонты и, возможно, связанные с ними фигуры быков, оленей, лошадей и козлов «были выбиты к концу плейстоцена» [Кубарев и др., 2005. С. 20, 28–29]. Она предложила интересную палеоэкологическую модель распространения изображений на скалах в долинах монгольского Алтая, зафиксировав концентрацию петроглифов архаического пласта (палеолитических) на самых нижних террасах археологического комплекса Цагаан-Салаа – Бага-Ойгур [Там же. С. 23–29]. Впоследствии Э. Якобсон писала о палеолитическом возрасте перечисленных изображений из Монголии еще более определенно [Jacobson-Tepfer, 2015. P. 151–181].

В. Д. Кубарев, полемизируя с В. И. Молодиным и Д. В. Черемисиным относительно

но палеолитического возраста калгутинских петроглифов, категорически не принял точку зрения своих коллег и соавторов, многократно повторив в ряде публикаций мысль о том, что «рисунков, относящихся к эпохе камня, в Центральной Азии пока не известно» [Кубарев, 2001. С. 439; 2003]. Наиболее подробно его позиция изложена в статье, посвященной проблемам хронологии древнейших изобразительных памятников Монголии и Алтая [Кубарев, 2004]. Справедливо отмечая важность проблемы и дискуссионность вопросов, связанных с древнейшими памятниками наскального искусства Центральной Азии, В. Д. Кубарев не считал возможным определять персонажей петроглифов Бага-Ойгура и Цагаан-Салаа как мамонтов, считая, что здесь воспроизведены слоны, чьи изображения известны в более позднем наскальном искусстве Китая.

Таким образом, после реализации ряда масштабных исследований петроглифов Российского и Монгольского Алтая, публикации рисунков и обсуждения предложенных интерпретаций проблема древнейших наскальных изображений региона стала более актуальной. Новейшие открытия, органично дополняющие ряд памятников, выявленных ранее и объединенных А. П. Окладниковым [1972] в рамках Центрально-Азиатского очага первобытного искусства в Монголии, убеждали нас в том, что целенаправленный поиск древнейших изображений в данном регионе следует продолжить. К этой идее весьма благосклонно отнеслись соавторы замечательных открытий на северо-западе Монголии профессор Э. Якобсон и академик Д. Цэвээндорж, однако отсутствие необходимых средств не позволило нам осуществить задуманное в 2016 г.

Тем не менее, мы не оставляли этой идеи, и в 2017 г. экспедицию удалось осуществить, хотя и далеко не в полном объеме. С учетом наших возможностей и после обсуждения плана работ с монгольской стороной было решено провести поиск новых древнейших изображений на памятниках, открытых и обследованных ранее Д. Цэвээндоржем, Э. Якобсоном и В. Д. Кубаревым в долинах Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур, горные массивы которых вплотную примыкают с юга к плато Укок (рис. 1). Кроме того, было решено осмотреть и дополнительно исследовать, применяя новые технические возможности, открытые ранее изображения

мамонтов и других, с нашей точки зрения, древнейших персонажей. Представлялось также важным получить точные координаты для редких изображений раннего пласта наскального искусства Монгольского Алтая, чтобы впоследствии никому уже не пришлось «открывать» ранее открытое.

Для достижения поставленной цели – выявления новых, еще не известных изображений раннего пласта монгольских памятников наскального искусства, мы, естественно, ориентировались на опыт наших предшественников, к тому же в работе экспедиции непосредственное участие принимал академик Д. Цэвээндорж. В результате наших работ на северо-западе Монголии на памятниках наскального искусства в долинах Бага-Ойгур и Цагаан-Салаа (рис. 2), которые продолжались около месяца, были вновь проведены исследования петроглифов, открытых нашими предшественниками, что позволило уточнить ряд деталей и выявить незамеченные ранее сопутствующие изображения. Кроме того, тщательный осмотр прилегающей территории позволил выделить ряд фигур, которые по своим стилистическим особенностям и технике исполнения оказались весьма схожи с петроглифами Калгутинского Рудника, ранее отнесенными к древнейшему, вероятно, верхнепалеолитическому пласту. Следует указать, что большинство выявленных петроглифов тяготели к самой низкой террасе, расположенной над поймой р. Бага-Ойгур, в долине которой, на ее левом берегу, и сконцентрированы наиболее древние изображения, что подтвердило правильность идеи, сформулированной Э. Якобсоном.

Таким образом, в настоящей статье мы приводим 8 изображений раннего хронологического пласта, открытых Д. Цэвээндоржем, Э. Якобсоном и В. Д. Кубаревым, и 11 петроглифов этого же пласта, обнаруженных нашей экспедицией (рис. 1–22; табл. 1)¹.

Кроме того, экспедиция провела исследования на трех плоскостях, содержащих архаические изображения, перекрытые более поздними фигурами. Научная значимость этих палимпсестов особенно велика, поэтому речь о них пойдет в специальной работе.

¹ Авторы выражают благодарность участникам экспедиции 2017 г. Б. Натсагу, А. Л. Нестеркиной, О. Ф. Сентябову и С. В. Данилову.

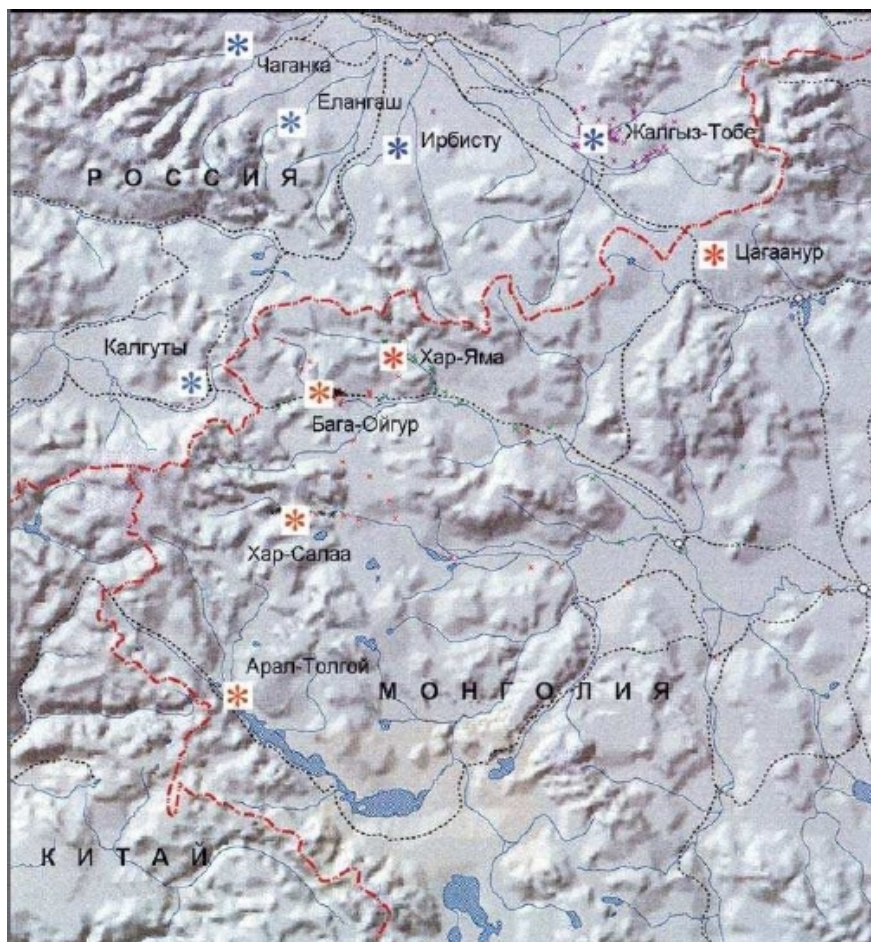

Рис. 1. Схема расположения наскальных изображений в пределах Российского и Монгольского Алтая (без масштаба; по: [Кубарев и др., 2005])

Рис. 2 (фото). Характерный ландшафт монгольской части Горного Алтая в верховьях рек Бага-Ойгур и Цагаан-Салаа (без масштаба)

В ходе обследования памятников Бага-Ойгур и Цагаан-Салаа в 2017 г. была изучена серия петроглифов, предположительно атрибутированных древнейшим хронологическим пластом, который, как мы считаем, может быть отнесен к палеолиту или финальному плейстоцену. Изображения животных из полученной выборки имеют ярко выраженные архаичные черты и могут относиться к раннему периоду, по сюжету воспроизводя мамонтов – представителей плейстоценовой фауны. Некоторые изученные нами петроглифы составляют отдельную группу и могут быть отнесены к архаичным с определенной долей сомнения, поскольку стилистические характеристики относительно нейтральны и не являются ярко выраженными «архаичными» или «поздними». Сюжетная составляющая также не позволяет отнести их исключительно к эпохе палеолита – речь идет о серии фигур быков. Эта категория наскальных изображений является предметом для отдельного исследования. В настоящей статье дана характеристика только тех образцов наскального искусства, о принадлежности которых к раннему хронологическому пласту можно говорить с наибольшей уверенностью. На памятнике Бага-Ойгур II выявлено одиннадцать таких фигур.

Зооморфное неполное контурное изображение (рис. 3) представляет собой петроглиф, выполненный в технике пикетажа, с неглубоким и относительно слабо выраженным рельефом. Выбитая поверхность на большинстве участков сильно выветрена, кроме того, в области головы отслоилась скальная корка. В данной ситуации сложно говорить о сюжете, но, судя по массивности туловища и намеченному горбу, это изображение быка или кабана. Кроме массивного туловища, на архаичность петроглифа указывает его парциальность (ноги едва намечены). К сожалению, его трасологическое изучение было затруднено в связи с плохой сохранностью.

Мамонты, обращенные друг к другу (рис. 4), являются уникальными с точки зрения сюжета. Они были ранее опубликованы и широко известны [Jacobson et al., 2001a. P. 366. Fig. 907]. Выбитое изображение малого мамонта очень сильно повреждено в результате отслоений скальной корки. Сохранились лишь небольшие отрезки выбитой поверхности контуров его фигуры.

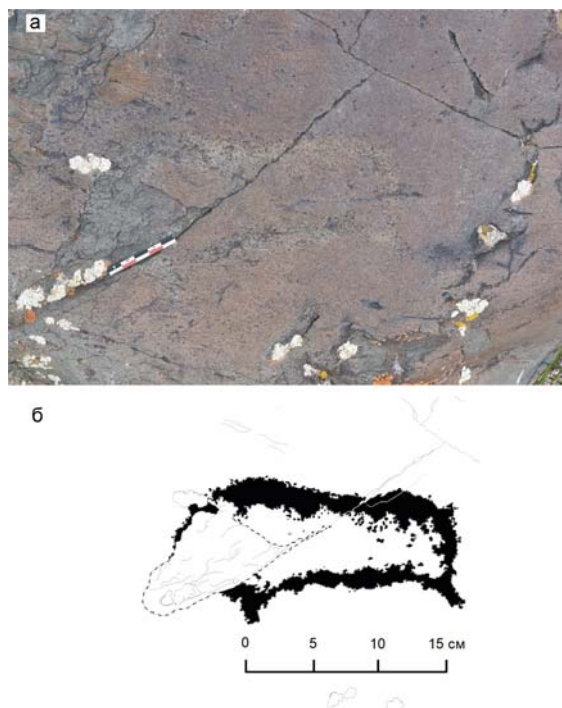

Рис. 3. Фото (а) и прорисовка (б) зооморфного изображения

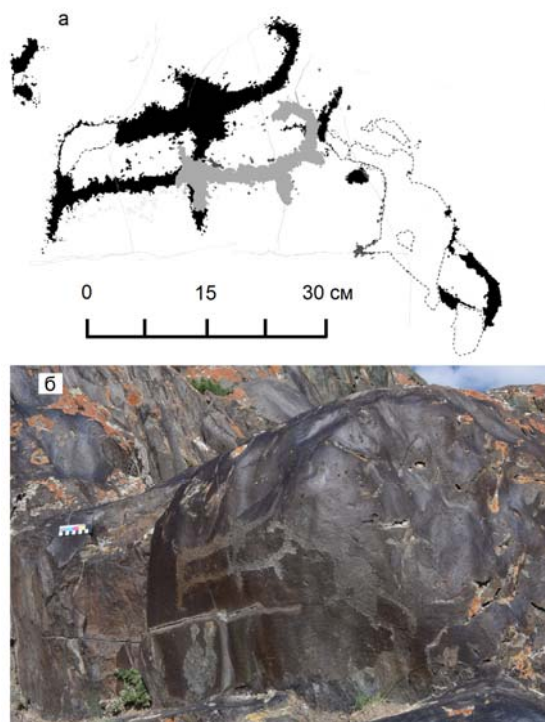

Рис. 4. Прорисовка (а) композиции из двух мамонтов и фото этой композиции (б)

Второй мамонт сохранился лучше, хотя и он перекрыт более поздним петроглифом –

Рис. 5 (фото). Голова быка (а) и нефигуративный элемент (б)

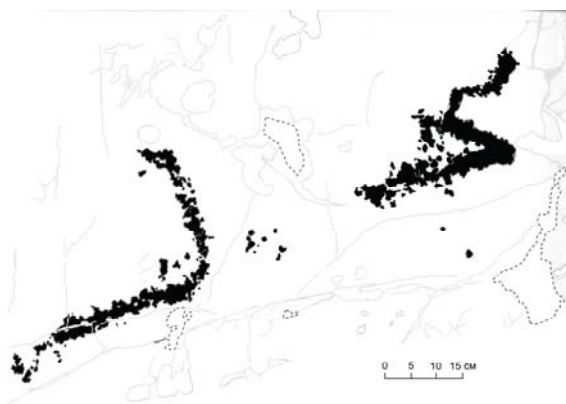

Рис. 6. Голова быка и нефигуративный элемент (прорисовка)

козла, также выполненного в технике пикетажа. Оба изображения контурные, хотя у большого мамонта полностью проработана голова (см. рис. 4). Ноги обоих животных переданы короткими линиями, не детализированы. Туловище выглядит поджарым, не массивным, как это чаще встречается на других изображениях мамонтов рассматриваемых памятников. Они изображены с поднятыми вверх хоботами, как бы трубящими. У большого животного отмечается

ярко выраженный «горб». Вместе с тем голова левого (большого) мамонта выглядит иначе, чем у других известных фигур этих животных Бага-Ойгура и Цагаан-Салаа – она имеет приостренное, а не округлое окончание. Довольно характерной является манера передачи крупа и задней ноги, которая соединяется с линией живота под определенным углом. Подобный довольно специфический прием встречается среди архаичных петроглифов Калгутинского Рудника.

Изображения головы быка и нефигуративный элемент в виде линии (рис. 5; 6) расположены непосредственно под плоскостью с описанными мамонтами, на горизонтальной поверхности, очень сглаженной, но практически не подвергшейся выветриванию. Интересно, что выбитые здесь петроглифы как бы вписаны в это небольшое пространство, ограниченное рельефом скалы. Сохранность композиции очень хорошая, видимо, в силу защищенности плоскости от природных воздействий.

Манера исполнения головы быка весьма характерна, архаична: две прилегающие друг к другу линии плотного пикетажа, которые затем расходятся, образуя подтреугольную морду. Рог длинный с прямоугольным изломом. Изображение парциально. Линия, по-видимому, не является его частью, а может рассматриваться, скорее, как заготовка для другой фигуры. Однако при этом следы, образующие их контуры, абсолютно идентичны, они были выполнены в одной технике, определенно, одним орудием, и, возможно, даже одним автором.

Сохранность контурного изображения оленя (рис. 7) почти такая же, как в случае с фигурой животного на рис. 3. Присутствуют небольшие отслоения, в целом следы поверхностного пикетажа подверглись выветриванию. В задней части туловища животного имеются повреждения из-за морозобойных трещин, которые интенсивно заполнены лишайником. Несмотря на то что задняя нога зооморфного персонажа практически не читается, передняя представлена парциально (едва намечена). Туловище имеет довольно специфическую подпрямоугольную форму, а голова представлена двумя соединенными линиями в виде треугольника. Эти признаки характеризуют довольно специфическую архаичную локальную манеру, которая встречается также на древнейших петроглифах Калгутинского Рудника.

Рис. 7 (фото). Изображение оленя

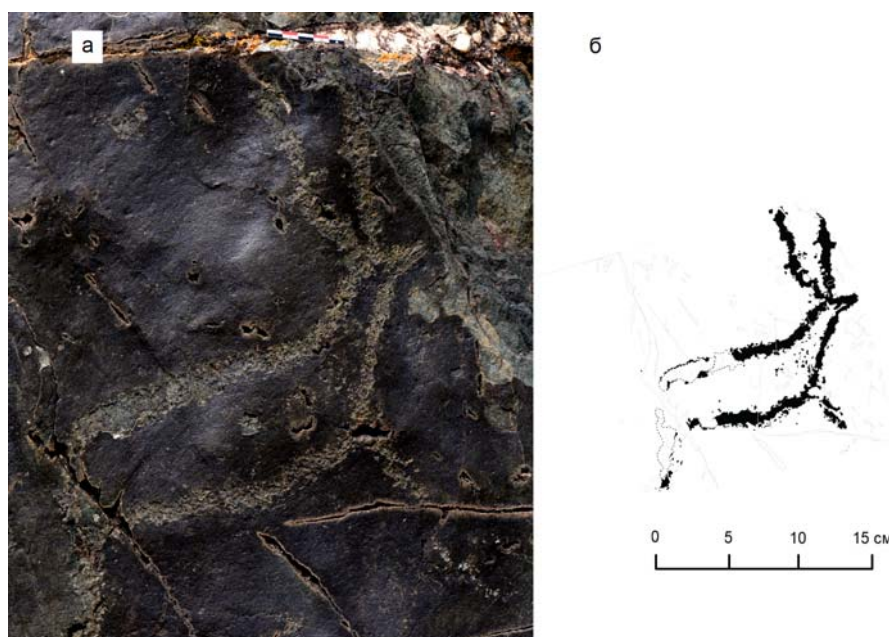

Рис. 8. Фото (а) и прорисовка (б) изображения оленя

Изображение оленя (рис. 8) выполнено в технике пикетажа, контурное. Здесь также присутствуют повреждения в виде трещин разного размера и глубины, особенно в области задней ноги и крупа, однако сохранность следов выбивки в целом значительно лучше, чем в большинстве предыдущих случаев. Форма туловища имеет более округлые очертания, живот более объемный. Но в целом, как и в предыдущем случае, наблюдаются близкие особенности построения

фигуры: подтреугольная морда, парциальная передняя нога, при этом задняя нога оленя представлена полностью. Рога более длинные, но менее ветвистые.

Сохранность парциального контурного изображения лошади (рис. 9) довольно плохая: по линиям пикетажа встречаются отслоения, особенно в области головы и шеи. Оно выполнено в технике пикетажа, имеет весьма характерную линию спины с ярко выраженным прогибом, непрерывную от го-

Рис. 9 (фото). Парциальное изображение лошади

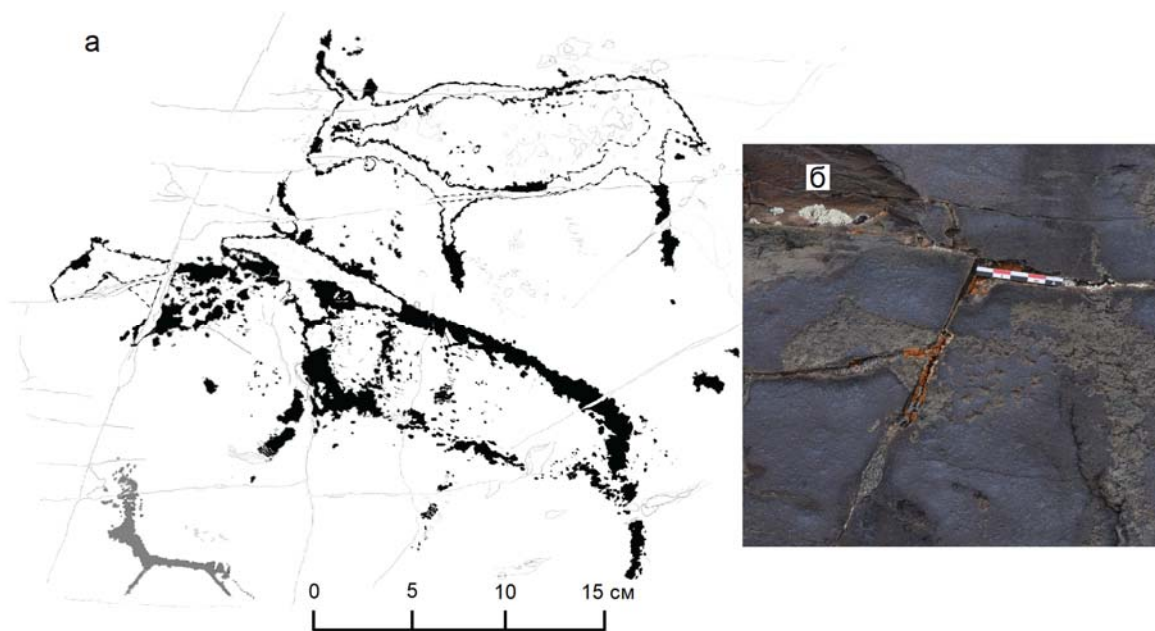

Рис. 10. Прорисовка (а) композиции с изображениями двух быков и головы лошади, фото (б) парциальной головы и шеи лошади

ловы до хвоста. Ноги отсутствуют, а живот выглядит довольно грузным. Морда массивная, с характерными ушками. Этот персонаж весьма напоминает калгутинских лошадей.

Парциальное силуэтное изображение головы другой лошади (рис. 10), напротив, обладает очень хорошей степенью сохранности, если не считать крупной заполненной

лишайником трещины, проходящей поперек шеи животного. Фигура реалистична, с характерно переданными ушками. Интересно, что контуры данного петроглифа, выполненного в технике пикетажа, абсолютно ровные – это не часто встречается на других изображениях, отнесенных к древнейшему пласту. По манере исполнения головы оно напоминает самую известную лошадь с Кал-

гутинского Рудника [Молодин, Черемисин, 1999, С. 48. Рис. 26]. Тщательно проработана также шея животного с отчетливо намеченной линией спины. В области предполагаемого туловища нанесены хорошо читаемые разрозненные следы выбивки.

Изображение оленя (рис. 11) выполнено на горизонтальной плоскости, оно контурное. Сохранность выбивки очень плохая. В области шеи отслоилась скальная корка. Туловище трапецевидное, показано массивным. Ноги слегка намечены, голова подтреугольной формы полностью проработана пикетажем силуэтно. Оба рога короткие с несколькими ответвлениями. По всем характеристикам этот петроглиф обнаруживает сходство с фигурой оленя (см. рис. 7).

Парциальное изображение лошади (рис. 12) является частью палимпсеста, выполненного в технике пикетажа; оно контурное. Удалось установить, что верхняя фигура лошади является более поздним дополнением, так как приемы построения образа (последовательность выстраивания линий, создания «конструкции» фигуры) совершенно иные по сравнению с архаичными. Если изображение нижней лошади выстроено вокруг основной линии спины, которая идет от морды, не прерываясь, переходит в шею, затем в спину и хвост, а затем уже эта основа дополняется нижней линией морды, шеи и передней ноги, живота, задней ноги, то верхняя лошадь воспроизведена по принципиально иной логике. Основной является линия шеи-живота, образующая своеобразную диагональную ось для всего изображения, к которой добавляются линия спины и крупа, а также короткая линия, образующая морду. Это принципиально разные подходы, второй из них совершенно не характерен для древнейшего пласта. Кроме того, нижнее изображение обладает типичными архаичными стилистическими особенностями: голова, образованная двумя параллельными, затем расходящимися линиями, грузный живот и парциальные, едва намеченные ноги.

Фигура козла (рис. 13) обладает большим сходством с изображением этого животного с нижнего яруса Калгутинского Рудника. Она контурная, выполнена в технике пикетажа на наклонной плоскости. Голова передана двумя расходящимися линиями, образующими треугольник. Линия шеи, переходящая в спину и заканчивающаяся хвостом, непре-

б

Рис. 11. Фото (а) и прорисовка (б) изображения оленя

Рис. 12 (фото). Изображение лошади с позднейшим дополнением второй фигурой

рывна. Ноги едва намечены, а живот показан весьма грузным посредством редкого пикетажа. Голова увенчана серповидным рогом. Сохранность этого петроглифа хорошая. Ширина и плотность линии выбивки на разных ее участках неодинаковы.

В ходе обследования памятника был обнаружен еще один персонаж, ранее не опубликованный, который можно отнести к группе петроглифов, представляющих плейстоценовую фауну – изображение носорога (рис. 14). Он выполнен на вертикальной

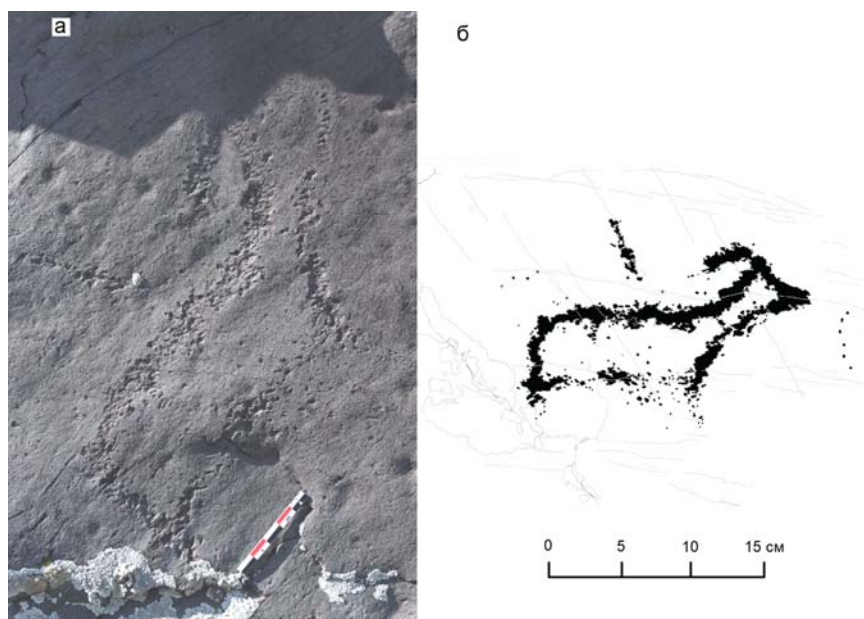

Рис. 13. Фото (а) и прорисовка (б) изображения козла

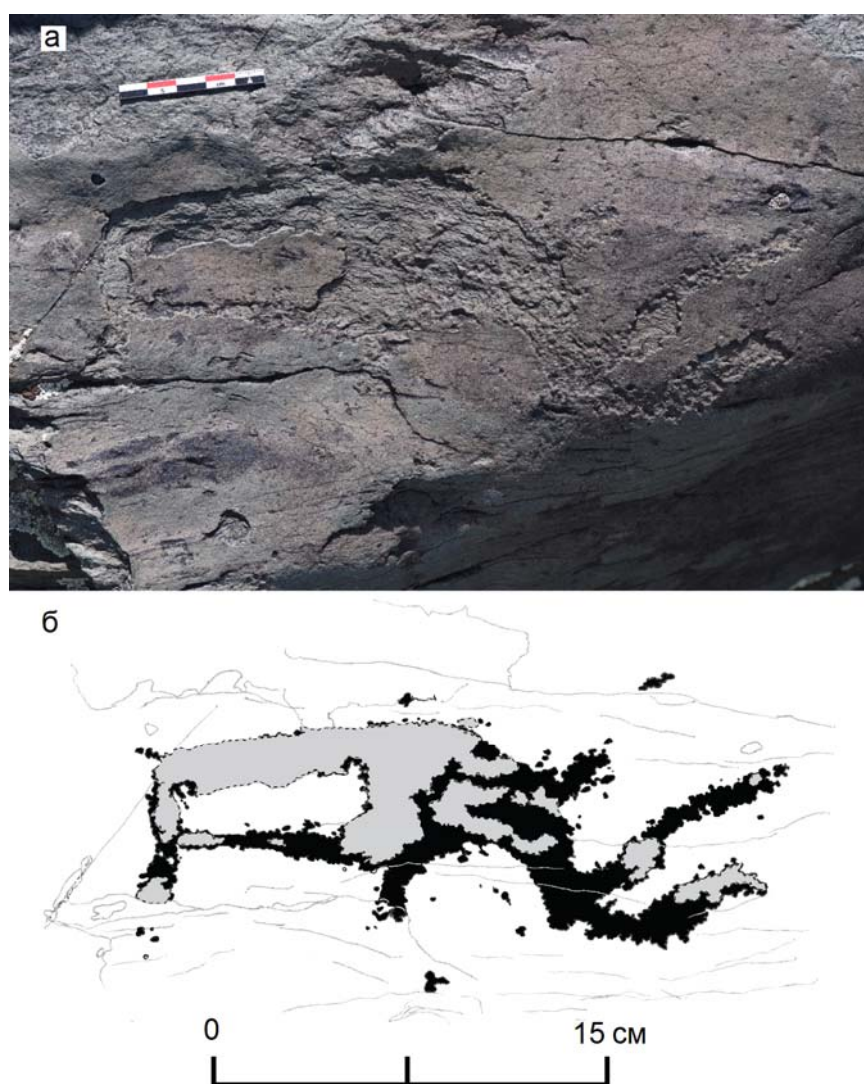

Рис. 14. Фото (а) и прорисовка (б) изображения носорога

плоскости, отличается крайне плохой сохранностью, большая часть его выбитой поверхности утрачена из-за поздних отслоений корки. Но, судя по тому, как в большинстве случаев происходит деградация поверхности на изученных памятниках, очевидно, что этот процесс связан с глубоким пикетажем, который делал скальную поверхность более хрупкой именно на выбитых участках, из-за чего в дальнейшем отслоение происходило по тем самым линиям пикетажа. Это хорошо прослеживается, например, на изображениях мамонтов из Бага-Ойгур II (см. рис. 4), Цагаан-Салаа (см. далее, рис. 22) и др. Можно полагать, что контуры изображения остались близкими к изначальным, хотя следы пикетажа на большей части фигуры практически не фиксируются. Реалистично показано удлиненное, слегка приземистое туловище с короткими мощными ногами, характерным хвостом, удлиненной мордой с утрированно увеличенными двумя рогами. Хотя изображению присуща известная доля стилизации, образ животного вполне узнаваем.

На памятнике Бага-Ойгур III зафиксировано семь фигур, относящихся к древнейшему пласту.

Изображение мамонта (рис. 15) было хорошо известно научному сообществу благодаря открытию наших коллег [Jacobson et al., 2001a. P. 368. Fig. 912]. Петроглиф выполнен в технике пикетажа на наклонной плоскости, он контурный, но с силуэтными головой и шеей. К сожалению, имеется повреждение поздними надписями. Важной особенностью с точки зрения стилистики является способ передачи задней ноги и крупа. Линия живота соединена с линией задней ноги схожим образом, как это часто отмечается среди примеров наскального искусства древнейшего пласта Калгутинского Рудника; такой же прием отмечается на изображении мамонта на рис. 4. Нижняя часть передней ноги имеет массивное основание, что указывает на изображение именно мамонта, а не другого животного. Реалистично передана голова подчеркнута округлой формы. Образ завершает также реалистично выполненный хобот, не позволяющий сомневаться в идентификации персонажа.

Изображение мамонтенка (рис. 16) было обнаружено при обследовании памятника в 2017 г. Оно выполнено на вертикальной плоскости, контурное, по стилистике заметно

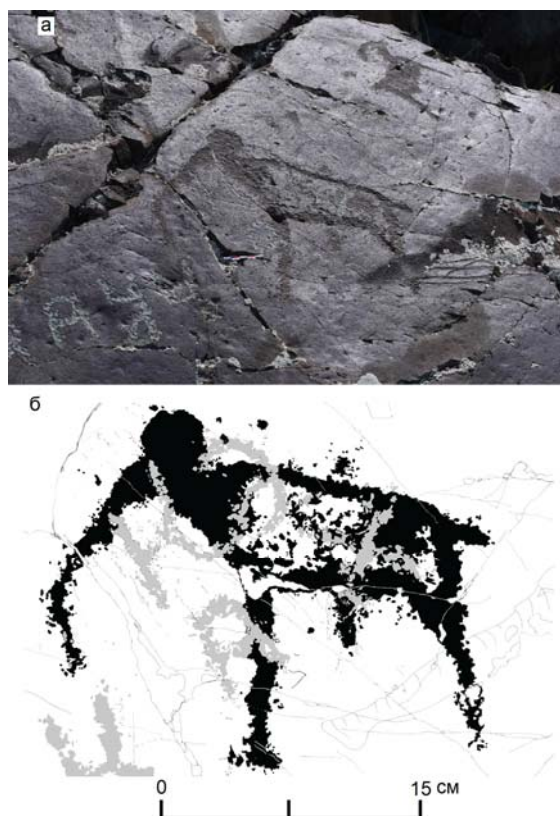

Рис. 15. Фото (а) и прорисовка (б) изображения мамонта

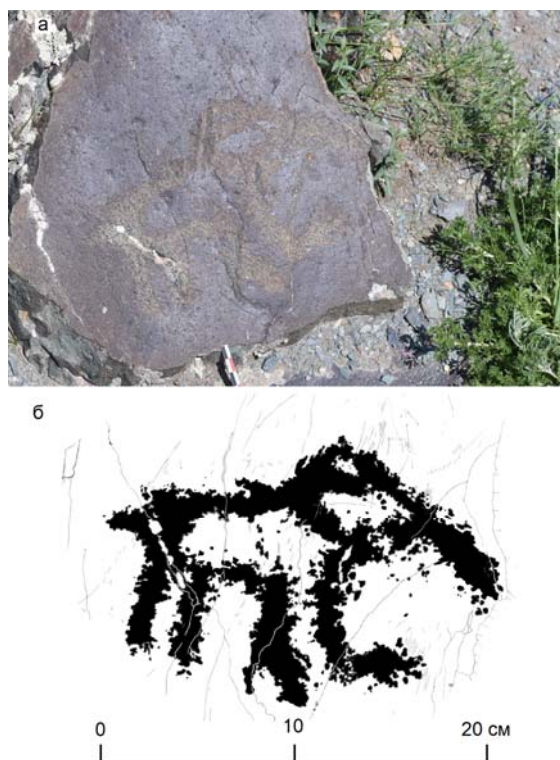

Рис. 16. Фото (а) и прорисовка (б) изображения мамонтенка

б

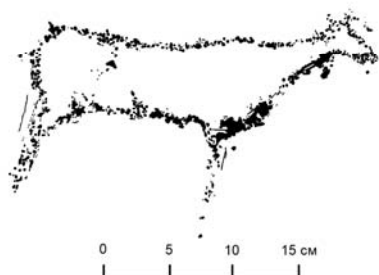

Рис. 17. Фото (а) и прорисовка (б) изображения самки марала

б

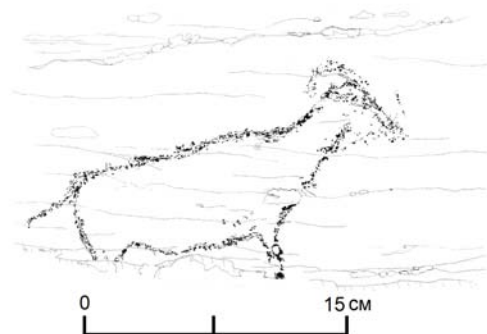

Рис. 18. Фото (а) и прорисовка (б) изображения горного козла

отличается от других изображений мамонтов. У животного показаны все четыре конечности. Передние ноги имеют утолщения внизу. Голова округлая. Отчетливо выражены хобот и короткий хвостик. Выбивка довольно грубая. Контуры ее неровные.

Изображение самки марала (рис. 17) – пример очень изящного, архаичного по стилистике, изображения марала. Оно контурное, выполнено на наклонной плоскости и заметно лишь под определенным углом солнечных лучей. Передняя нога слегка намечена. Отличается высокой степенью реализма. Вместе с представленными ниже идентичными по техническому приему изображениями других животных оно позволяет связывать их с ранним пластом наскального искусства памятника Калгутинский Рудник, где была обнаружена целая серия петроглифов, выполненных в технике шлифовки и поверхностного пикетажа. Все они открыты российско-французской экспедицией.

Изображение горного козла (рис. 18) является очень ярким с точки зрения не только архаичной стилистики, но и детализации. Выполнено в технике шлифовки и поверхностного пикетажа. Особое внимание уделено животу, который передан очень объемным. Линия спины продолжается до хвоста, короткие ноги не окончены. Голова увенчана рогом. Образ предельно реалистичен, однако просматривается только при косом освещении.

Изображение животного с утраченной головой (рис. 19) выполнено также в своеобразной технике поверхностной шлифовки. Это контурная фигура, зафиксированная на горизонтальной плоскости. Реалистично передан массивный корпус с парциальной задней ногой и непропорционально крупной передней. Наиболее вероятно, что перед нами образ быка. Заметен только при особом освещении.

Изображение лошади (рис. 20) по способу передачи морды, спины и уха, а также по технике исполнения (шлифовка) обнаруживает большое сходство с найденным в 2016 г. крупным петроглифом, так называемым фантомом с Калгутинского Рудника. К сожалению, окончание морды животного повреждено из-за утраты корки. Этот персонаж передан в реалистичной контурной манере с грузным животом. Задняя нога показана тем же способом, что и на других

архаичных петроглифах Бага-Ойгура и Калгутинского Рудника.

Другое изображение лошади (рис. 21) контурное, хорошо заметное только при косом освещении. Выполнено на вертикальной плоскости в технике шлифовки. Линия спины продолжается до хвоста, ярко выражена линия щеки, показан грузный живот и парциальные ноги. Отметим еще одну особенность: передняя нога намечена прямой, но присутствует и другая «версия» ее исполнения – подогнутая. Во втором случае следы шлифовки более интенсивны. Изображение является, пожалуй, самым удивительным, поскольку по манере исполнения может рассматриваться как практически полная аналогия калгутинской лошади [Молодин, Черемисин, 1999. С. 48. Рис. 26]. Это обстоятельство позволяет сопоставлять рассматриваемый петроглиф с изображением лошади с подогнутой ногой с памятника Калгутинский Рудник, выполненной в идентичной технике (шлифовка).

К сожалению, и описываемое изображение пострадало из-за утраты корки в области морды. Хотя в целом сохранность следов данной категории петроглифов («фантомов») на памятнике Бага-Ойгур III очень хорошая: прослеживаются даже тонкие следы, показывающие направление движения орудий.

На памятнике Цагаан-Салаа было изучено изображение мамонта (рис. 22). К сожалению, оно не лишено повреждений, как мелких, так и более крупных отслоений и утрат корки, хотя все они в пределах контура выбивки. Выполнено на наклонной плоскости. Всё, кроме головы и хобота – контурное. Эта фигура мамонта, как и описанные выше, характеризуется отсутствием бивней и малой массивностью туловища. Голова животного округлая. Задняя нога и круп, к сожалению, не показаны, так как на этом участке заканчивается скальная поверхность. Интересной деталью является кисточка на окончании хобота. Данное изображение близко к изображению мамонта, охарактеризованному выше (см. рис. 15).

Важной задачей исследований нашего отряда было трасологическое изучение петроглифов, предположительно относящихся к древнейшему пласту. К сожалению, крайне слабая сохранность большинства этих изображений не позволяет судить о характеристиках использовавшихся инструментов

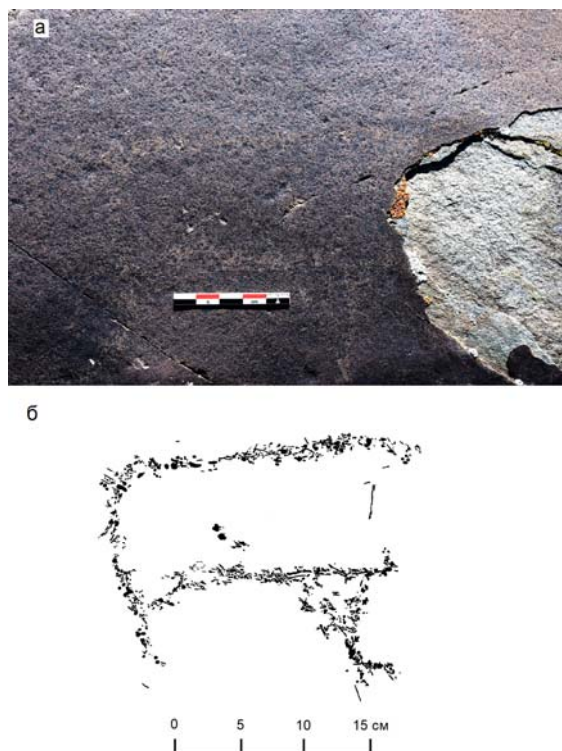

Рис. 19. Фото (а) и прорисовка (б) зооморфного изображения (бык?)

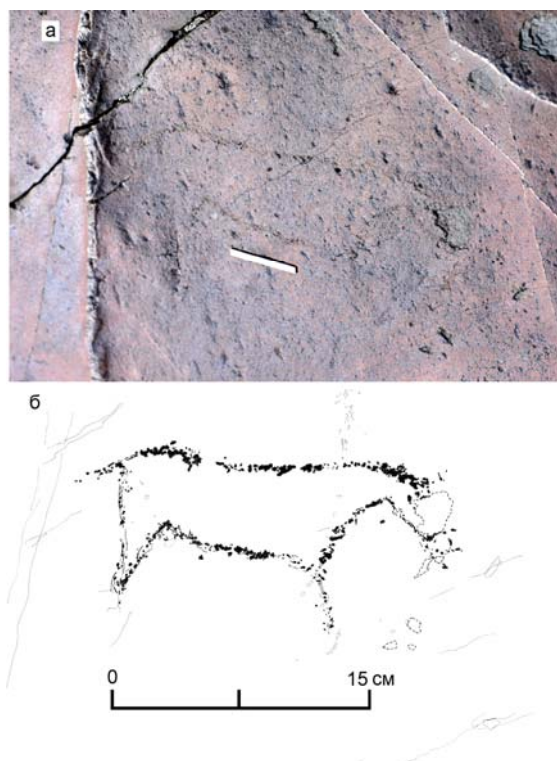

Рис. 20. Фото (а) и прорисовка (б) изображения лошади с поврежденной мордой

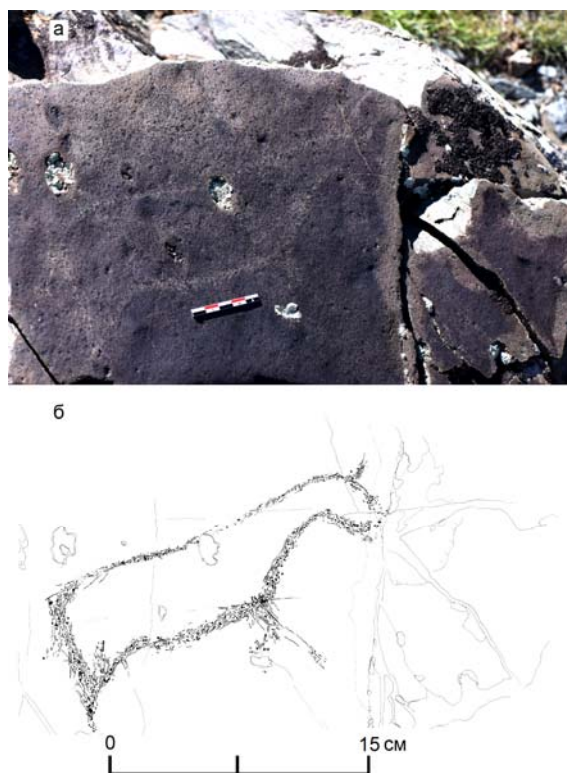

Рис. 21. Фото (а) и прорисовка (б) изображения лошади с подогнутой ногой

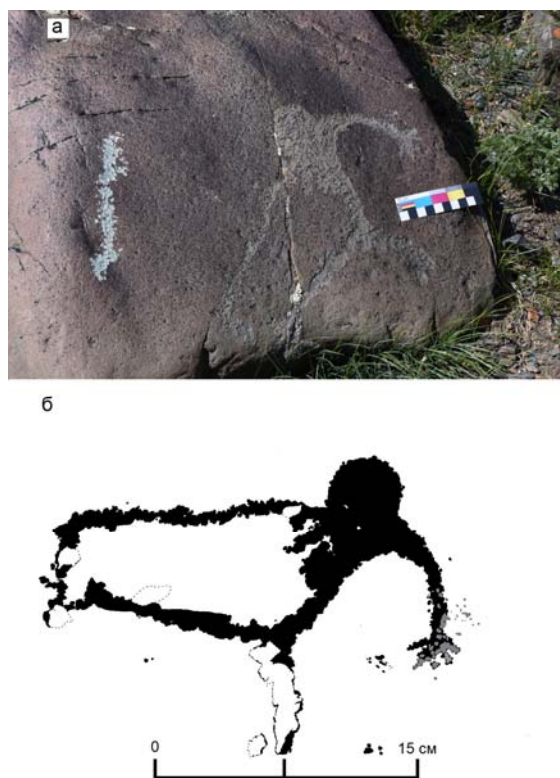

Рис. 22. Фото (а) и прорисовка (б) изображения мамонта

и не всегда о технических приемах. Это связано не только с отсутствием фрагментов утраченной корки, но и с отшелушиванием выбитой поверхности. Последнее может объясняться интенсивным выветриванием и тем, что порода (сланец) сама по себе довольно хрупкая. Как показали эксперименты, нарушение ее целостности в ходе пикетажа вызывает иногда выкрашивание не по форме рабочей части орудия, но по тем внутренним микротрещинам, которые уже были в корке.

Тем не менее, удалось провести трасологический анализ нескольких петроглифов местонахождений Бага-Ойгур II и III, обладавших хорошей сохранностью. К ним относятся композиция из головы быка и нефигуративного элемента (изогнутой линии) (см. рис. 5; 6), олень (см. рис. 8), голова лошади (см. рис. 10) и козла (см. рис. 17). На всех этих изображениях встречаются следы, характерные для каменных орудий, причем скальная поверхность, на которую они нанесены, во всех случаях разная. При этом следы с характерными рваными очертаниями, нестабильной формы и глубины указывают на применение каменных орудий.

Особую категорию петроглифов составляют так называемые «фантомы» – фигуры, выполненные в технике легкой неглубокой выбивки или шлифовки, а также их сочетания, состоящие из поверхностных слабо различимых следов, ранее выделенные среди архаичных наскальных изображений Калгутинского Рудника. Интересно, что на них следы абразивной обработки или пикетажа имеют весьма удовлетворительную сохранность, хорошо читается направление движения орудий, так как линейные следы от шлифовки располагаются, как правило, сериями одной направленности. Такие изображения, вне всяких сомнений, были выполнены каменными орудиями, на что указывает этот специфический технический прием.

Итак, все петроглифы, сохранность которых позволяет провести трасологический анализ, имеют характеристики, указывающие на использование каменных орудий.

Проблема возможности существования древнейшего наскального искусства на открытых плоскостях по-прежнему не решается однозначно. В Европе в настоящее время дискуссия потеряла остроту, и наряду

Общие сведения о наскальных изображениях древнейшего пласта памятников Бага-Ойгур и Цагаан-Салаа Северно-Западной Монголии, открытых Российско-Монгольско-Американской (выделено красным) и Российско-Монгольско-Французской экспедициями *

№ иллюстрации по: [Jacobson et al., 2001a]	№ фотографии по: [Jacobson et al., 2001b]	Наименование изображения	Плоскость	Сохранность	GPS-координаты	№ иллюстрации
Бага-Ойгур II						
–	–	Зооморфное изображение (бык?)	Горизонтальная	Отсутствует голова (отслоение корки)	49°19'31,7"N 088°25'26,4"NE	Рис. 3
907	295	Большой мамонт (слева)	Вертикальная	Небольшое отслоение корки в области крупа. Перекрывание поздним изображением	49°19'32,2"N 088°25'25,9"NE	Рис. 4
907	295	Малый мамонт (справа)	Вертикальная	Отслоение большого фрагмента корки в верхней части изображения	49°19'32,2"N 088°25'25,9"NE	Рис. 4
–	293	Голова быка (в композиции с линией)	Горизонтальная	–	49°19'32,2"N 088°25'25,9"NE	Рис. 5
–	293	Линия (в композиции с головой быка)	Горизонтальная	–	49°19'32,2"N 088°25'25,9"NE	Рис. 5, 6
–	–	Олень	Вертикальная	Отслоение корки по линии спины	49°19'32,2"N 088°25'25,9"NE	Рис. 7
–	–	Олень	Вертикальная	–	49°19'32,2"N 088°25'25,9"NE	Рис. 8
821	378	Парциальное изображение лошади (без ног)	Вертикальная	Отслоение в области головы	49°19'32,1"N 088°25'24,1"NE	Рис. 9

№ иллюстрации по: [Jacobson et al., 2001a]	№ фотографии по: [Jacobson et al., 2001b]	Наименование изображения	Плоскость	Сохранность	GPS-координаты	№ иллюстрации
–	–	Парциальное изображение (голова и шея лошади)	Вертикальная	–	49°19'31,1"N 088°25'24,0"NE	Рис. 10
–	–	Олень	Горизонтальная	Отслоения на нескольких участках	49°19'31,3"N 088°25'24,1"NE	Рис. 11
901	288	Лошадь	Наклонная	–	49°19'31,3"N 088°25'23,34"NE	Рис. 12
–	–	Козел	Наклонная	–	49°19'31,4"N 088°25'23,7"NE	Рис. 13
–	–	Носорог	Вертикальная	Отслоение корки почти по всему изображению	N49°19'31,4" E088°25'23,7"	Рис. 14
Бага-Ойгур III						
912	296	Мамонт	Наклонная	Граффити	49°19'32,1"N 088°25'31,1"NE	Рис. 15
–	–	Мамонтенок	Вертикальная	–	49°19'32,4"N 088°25'32,1"NE	Рис. 16
–	–	Самка марала	Наклонная	Сглаженное	N49°19'32,1" E088°25'41,2"	Рис. 17
–	–	Горный козел	Горизонтальная	–		Рис. 18
–	–	Зооморфное изображение (без головы)	Горизонтальная	Отслоение корки в области головы		Рис. 19
–	–	Лошадь	Горизонтальная	Небольшое отслоение корки в области морды	N49°19'31,2" E088°25'49,6"	Рис. 20
–	–	Лошадь	Вертикальная	Небольшое отслоение корки в области морды		Рис. 21
Цагаан-Салаа						
	120	Мамонт	Наклонная			Рис. 22

Примечание: отсутствие номера в двух первых колонках означает, что изображения открыты в 2017 г.

с многочисленными исследованиями Франко-Кантабрийской области, которые мы в свое время приводили в монографии по памятнику Калгутинский Рудник в конце 90-х гг. XX в. [Молодин, Черемисин, 1999], в литературе появились обобщающие исследования по данной проблеме, которые благодаря привлечению десятков примеров свидетельствуют о том, что проблему следует считать закрытой (см. [Bahn, 2015; Бан, 2016]). Факт наличия наскального искусства на открытых плоскостях, датированного финалом эпохи палеолита, в Западной Европе сегодня является признанным [Aubry, Sampaio, 2008].

Другое дело в Азии. Здесь по-прежнему появляются работы, не менее категорично и беспартийно заявляющие обратное (см., например: [Мельникова и др., 2012. С. 83]). Очевидно, что многое, если не всё, упирается в недостаточное наполнение корпуса источников и слабое применение новейших методов в изучении наскальных изображений. Именно по этой причине нами была предпринята экспедиция в 2017 г. на казалось бы хорошо изученные памятники Северо-Западной Монголии. Именно здесь мы имеем редкую ситуацию, когда речь идет не о единичном, а о группе изображений плейстоценовой фауны. Целенаправленный поиск добавил к уже известным четырем изображениям мамонтов еще одно. К тому же был открыт петроглиф, весьма напоминающий фигуру носорога. В состав отряда входили два специалиста по технологии и трасологии наскального искусства, имеющие опыт изучения приемов и инструментов для выполнения наскальных изображений, в том числе и во Франко-Кантабрийской области.

Напомним, что главные аргументы наших оппонентов против отнесения описанных изображений Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура к древнейшему хронологическому пласту были связаны с попытками доказательства наличия на плоскостях изображений не мамонтов, а своеобразных «фантастических существ с хоботами», отнесенных В. Д. Кубаревым к неолиту [2004. С. 232–233]. Им приводились, в частности, следующие аргументы: отсутствие бивней, горбов и характерной для мамонтов массивности туловища – грацильность [Там же]. Сложно сказать, почему в обсуждаемом случае не показаны бивни, однако горб у двух персонажей передан довольно выразительно (см.

рис. 15; 22). Что касается «грацильности» корпуса, то эта особенность может быть связана со стилистической спецификой. Например, некоторые хорошо известные, не вызывающие сомнений по поводу их датировки изображения мамонтов из Каповой пещеры отличаются похожей характеристикой – поджарым туловищем [Ščelinsky, Širokov, 1999. Abb. 31, 60]. То же самое можно сказать о некоторых изображениях мамонта из Игнатьевской пещеры, которые к тому же и без бивней [Ibid. Abb. 124]. Кроме того, у некоторых мамонтов Бага-Ойгура (петроглиф с Цагаан-Салаа не имеет этой особенности в силу своей фрагментарности) задняя нога передана в весьма характерной манере, которая встречается не только среди примеров архаичного наскального искусства Северо-Западной Монголии, но и на Калгутинском Руднике (см. [Молодин, Черемисин, 1999]). Эта особенность стилистики является довольно специфической. Именно она позволяет связывать мамонтов Бага-Ойгура с архаичными петроглифами соседней Республики Алтай в России.

Уместно также напомнить, что наскальные изображения, напоминающие носорога, были отмечены А. П. Окладниковым [1983] в более восточных районах Монголии, а А. И. Мазиным [1985] на местонахождении Бырка в Забайкалье.

Дополнительным косвенным аргументом в пользу отнесения изученных нами изображений Бага-Ойгура и Цагаан-Салаа к древнейшей эпохе является также то, что трасологический анализ (в тех случаях, когда позволяла их сохранность) показал: для выполнения этой группы петроглифов использовались каменные орудия.

По данным естественных наук, вымирание мегафауны в Монголии произошло 15 тыс. л. н. [Цейтлин, 1973], а шерстистые носороги в Забайкалье вымерли 12 тыс. л. н. [Базаров и др., 1982]. Таким образом, можно полагать, что изображения древнейшего пласта памятников наскального искусства Монголии следует определять возрастом никак не моложе 12 тыс. лет, т. е. финалом плейстоцена.

Список литературы

Базаров Д. Д., Константинов М. В., Иметхенов А. Б., Савинова В. В. Геология и куль-

тура древних поселений Западного Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1982. 162 с.

Бан П. Г. Палеолитическое наскальное искусство: история открытия и признания феномена // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 6–14.

Кубарев В. Д. Мамонты из Бага-Ойгура (К вопросу о хронологии древнейших рисунков Монгольского Алтая) // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 435–440.

Кубарев В. Д. Алтай – Монголия: итоги и перспективы изучения наскального искусства // Древности Алтая: Межвуз. сб. науч. тр. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. № 10. С. 46–61.

Кубарев В. Д. Древнейшие изобразительные памятники Монголии и Алтая: проблемы хронологии и интерпретации // Проблемы первобытной археологии Евразии: Сб. ст. к 75-летию А. А. Формозова. М.: Изд-во ИА РАН, 2004. С. 228–242.

Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Исследования в Монголии // Археологические открытия – 1994. М.: Наука, 1995. С. 324–325.

Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Новые петроглифы Монгольского Алтая // Наскальные изображения Азии. Кемерово: Изд-во КГУ, 1996. Вып. 1. С. 21–22.

Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Предварительные результаты полевых работ в Монголии // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 4. С. 258–265.

Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск; Улан-Батор; Юджин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 640 с.

Мазин А. И. Палеолитические наскальные рисунки в Восточном Забайкалье (предварительная публикация) // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 17–24.

Мельникова Л. В., Николаев В. С., Демьянович Н. И. Шишкинская писаница. Иркутск: Изд-во Ин-та земной коры СО РАН, 2012. Т. 2. 288 с.

Молодин В. И., Черемисин Д. В. Древнейшие наскальные изображения плоского-рья Укок. Новосибирск: Наука, 1999. 160 с.

Окладников А. П. Централь-но-Азиатский очаг первобытного искусства: пещерные росписи Хойт-Цэнкер-Агуй (Сэнгри-Агуй), Западная Монголия. Новосибирск: Наука, 1972. 76 с.

Окладников А. П. Древнейшие петроглифы Аршан-Хада (Монголия, Хентей) // Пластика и рисунки древних культур: Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1983. С. 27–33.

Цейтлин С. М. Человек и среда палеолита Сибири // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене: Тез. докл. Всесоюз. симп. М.: Наука, 1973. С. 64–66.

Цэвээндорж Д. Монголын Эртний Урлагийн Туух (История древнего искусства Монголии). Улан-Батор: Изд-во Gamma, 1999. 317 р. (на монг. яз.)

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Aubry T., Sampaio J. D. Chronologie et contexte archéologique des gravures paléolithiques de pleine air de la Vallée du Côa (Portugale) // Atre prehistórico al aire libre en el sur de Europa. Castilla: Junta de Castilla y León, Consejería de Cultura y Turismo, 2008. P. 211–224.

Bahn P. G. Open-air Ice Age art: the history and relation reluctant acceptance of an unexpected phenomenon Prehistoric Art as Prehistoric Culture // Studies in Honour of Professor Rodrigo de Balbín-Behrmann. Oxford, Oxuniprint Publ., 2015. P. 79–91.

Ščelinsky V. E., Širokov V. N. Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural. Sigmaringen: Thorbecke Verlag, 1999. 172 S.

Jacobson E., Kubarev D. V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagan-Salaa / Baga-Oigor. Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale // JAS. 2001a. Vol. 6: Textes et Figures. 481 p.

Jacobson E., Kubarev D. V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagan-Salaa / Baga-Oigor. Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale // JAS. 2001b. Vol. 6: Planches. 256 p.

Jacobson-Tepfer E. The Hunter, the Stac and the Mother of Animals. Image, Monument, and Landscape in Ancient North Asia. Oxford: Oxford Uni. Press, 2015. 413 p.

**D. V. Cheremisin¹, V. I. Molodin¹, L. V. Zotkina^{1,2},
D. Tseveendorj³, C. Cretin⁴**

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

³ *Institute of History and Archaeology
77 Jukovyn Str., Ulanbator, 13343, Mongolia*

⁴ *National Museum of Prehistory
1 Museum Street, Les Eyzies-de-Tayac-Sireuil, 24620, France*

molodin@archaeology.nsc.ru

NEW RESEARCH OF EARLIEST ROCK ART IN MONGOLIAN ALTAI

It has been considered for a long time that rock art discovered at open-air sites cannot be attributed to the Upper Paleolithic because such ancient petroglyphs could not resist the processes of erosion and eolation. After some significant open-air sites in Western Europe were reliably dated and attributed to the Upper Paleolithic, there is no doubt that open-air rock art of prehistoric period could persist, and what is discovered nowadays may well belong to that period. New research of the most ancient petroglyphs of the Tsagaan-Salaa and Baga-Oigur, located on the border with the Ukok plateau (Russia), helps to compare the petroglyphs discovered on the site with the previously known and new petroglyphs of archaic appearance, such as figures of mammoths, horses, bulls, rams, etc. The petroglyphs were examined using the methods of mapping, copying and traceological study where possible. The images of animals analyzed demonstrate similar traits with the petroglyphs of the Kalgutinsky Rudnik (on the Ukok plateau). According to our concept, this layer of petroglyphs is the most ancient for Altai and refers to the end of the Upper Paleolithic.

Purpose. The field research on the border with the Ukok plateau (Russia) was held with the aim of obtaining comparative data on the most ancient petroglyphs of the Tsagaan-Salaa and Baga-Oigur, which are very similar to the figures of animals from the site of the Kalgutinsky Rudnik (on the Ukok plateau) in their style and the method of carving. We introduce materials of rock art of the earliest period on this territory and analyze similar traits in style and technology of carving petroglyphs on the border of Mongolian and Russian Altai.

Results. We observe a great similarity between stylistic and technological characteristics of the earliest petroglyphs in Russian and Mongolian Altai discovered at the sites located as far as 20 km away. We discovered a series of figures made in the same specific technique of grinding and superficial pecking as some petroglyphs discovered recently at the site of Kalgutinsky Rudnik (on the Ukok plateau). The previously known data on the earliest rock art have been enriched with new engravings which obviously represent Pleistocene fauna, such as mammoths and rhinoceros, and some images of horses which have archaic appearance as well.

Conclusion. Our results support the concept of academician A.P. Okladnikov on the Central-Asian province being the birthplace of prehistoric rock art of Upper Paleolithic and add new valuable arguments to the discussion on the issue.

Keywords: Altai, Mongolia, rock art, petroglyphs, earliest tradition.

References

Aubry T., Sampaio J. D. Chronologie et contexte archéologique des gravures paléolithiques de pleine air de la Vallée du Côa (Portugale). *Atre prehistórico al aire libre en el sur de Europa. Junta de Castilla y León, Consejería de Cultura y Turismo*, 2009, p. 211–224.

Bahn P. G. Open-air Ice Age art: the history and relation reluctant acceptance of an unexpected phenomenon Prehistoric Art as Prehistoric Culture. *Studies in Honour of Professor Rodrigo de Balbín-Behrmann*. Oxford, 2015, p. 79–91.

Bahn P. G. Open-air Paleolithique Rock Art: The History of its Discovery and Recognition. *Ural'skii istoricheskii vestnik [The Urals Historical Bulletin]*, 2016, no. 4 (53), p. 6–14. (in Russ.)

Bazarov D. D., Konstantinov M. V., Imethenov A. B., Savinova V. V. Geologiya i kul'tura drevnikh poselenii Zapadnogo Zabaikal'ya [Geology and culture of ancient settlements in Western Transbaikalia]. Novosibirsk, Nauka, 1982, 162 p. (in Russ.)

Jacobson E., Kubarev D. V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagan-Salaa / Baga-Oigor. Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. *JAS*, 2001a, no. 6 : Textes et Figures 481 p.

Jacobson E., Kubarev D. V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagan-Salaa / Baga-Oigor. Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. *JAS*, 2001b, no. 6: Planches, 256 p.

Jacobson-Tepfer E. The Hunter, the Stac and the Mother of Animals. Image, Monument, and Landscape in Ancient North Asia. Oxford, Oxford Uni. Press, 2015, 413 p.

Kubarev D. V., Tseveendorj D., Jacobson E. Issledovaniya v Mongolii [Research in Mongolia]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1994 goda [Archaeological discoveries of 1994]*. Moscow, Nauka, 1995. p. 324–325. (in Russ.)

Kubarev D. V., Tseveendorj D., Jacobson E. Novye petroglify Mongol'skogo Altaya [New petroglyphs of Mongolian Altai]. *Naskal'nye izobrazheniya Azii [Rock art of Asia]*. Kemerovo, KSU Publ., 1996, iss. 1, p. 21–22. (in Russ.)

Kubarev D. V., Tseveendorj D., Jacobson E. Petroglify Cagaan-Salaa i Baga-Ojgura (Mongol'skij Altai) [Petroglyphs of Tsagaan-Salaa and Baga-Oigor (Mongolian Altai)]. Novosibirsk, Ulan-Bator, Eugene, IAE SB RAS Publ., 2005, 640 p. (in Russ.)

Kubarev D. V., Tseveendorj D., Jacobson E. Predvaritel'nye rezul'taty polevykh rabot v Mongolii [Preliminary results of field works in Mongolia]. *Problemy arkheologii, ehtnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Issues in Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring territories]*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1998, vol. 4, p. 258–265. (in Russ.)

Kubarev V. D. Altai-Mongoliya: itogi i perspektivy izucheniya naskal'nogo iskusstva [Altai and Mongolia: results and perspectives of rock art research]. *Drevnosti Altaya. Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov [Antiquities of Altai]*, Gorno-Altaysk, GASU Publ., 2003, no 10, p. 46–61. (in Russ.)

Kubarev V. D. Drevneishie izobrazitel'nye pamyatniki Mongolii i Altaya: problemy khronologii i interpretatsii [The earliest sites of rock art in Mongolia and Altai: on chronology and interpretation]. *Problemy pervobytnoi arkheologii Evrazii. Sbornik statei k 75-letiyu A. A. Formozova [Issues of prehistoric art in Eurasia. Occasional publications for the 75th Anniversary of A. A. Formosov]*. Moscow, IA RAS Publ., 2004, p. 228–242. (in Russ.)

Kubarev V. D. Mamonty iz Baga-Oigura (K voprosu o khronologii drevneishikh risunkov Mongol'skogo Altaya) [Mammoths from Baga-Oigor (on chronology of earliest paintings in Mongolian Altai)]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Azii: itogi i perspektivy izucheniya na rubezhe tysyacheletii [Historical and Cultural Heritage of Eastern Asia: results and perspectives of research at the turn of the millennium]*, Barnaul, ASU Publ., 2001, p. 435–440. (in Russ.)

Mazin A. I. Paleoliticheskie naskal'nye risunki v Vostochnom Zabaikal'e (predvaritel'naya publikatsiya) [Paleolithic rock art in Eastern Transbaikalia (preliminary publication)]. *Arkheologicheskie issledovaniya v raionakh novostroek Sibiri [Archaeological researches in the regions of new buildings in Siberia]*. Novosibirsk, Nauka, 1988, p. 17–24. (in Russ.)

Mel'nikova L. V., Nikolaev V. S., Dem'yanovich N. I. Shishkinskaya pisanitsa [Shishkinskaya pisanitsa]. Irkutsk, Institute of the Earth's Crust Publ., 2012, vol. 2, 288 p. (in Russ.)

Molodin V. I., Cheremisin D. V. Drevneishie naskal'nye izobrazheniya ploskogor'ya Ukok [Most ancient rock-depictions of the Ukok plateau]. Novosibirsk, Nauka, 1999, 160 p. (in Russ.)

Okladnikov A. P. Drevneishie petroglify Arshan-Khada (Mongoliya, Khentei) [The earliest petroglyphs of Arshan-Khad (Mongolia, Khentey)]. *Plastika i naskal'nye risunki drevnikh kul'tur: Pervobytnoe iskusstvo [Mobile and rock art of ancient cultures: Prehistoric art]*. Novosibirsk, Nauka, 1983. p. 27–33. (in Russ.)

Okladnikov A. P. Issledovanie petroglifov na ploskogor'e Ukok v ramkakh rossiisko-frantsuzskoi ekspeditsii v 2016 godu [Research on petroglyphs at the Ukok plateau discovered during the Russian-French expedition of 2016]. Novosibirsk, Nauka, 1972, 76 p. (in Russ.)

Ščelinsky V. E., Širokov V. N. Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural. Sigmaringen, Thorbecke Verlag, 1999, 172 S.

Sher Ya. A. Petroglify Srednei i Tsentral'noi Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow, Nauka, 1980, 328 p. (in Russ.)

Tsetlin S. M. Chelovek i sreda paleolita Sibiri [Man and environment in Paleolithic of Siberia]. *Pervobytnyi chelovek, ego material'naya kul'tura i prirodnaya sreda v pleistotsene i golotsene. Tezisy докладов Vsesoyuznogo simpoziuma* [Prehistoric human, his material culture and environment in Pleistocene and Holocene. Abstracts of All-Union Symposium]. Novosibirsk, Nauka, 1973, p. 64–66. (in Russ.)

Tseveendorj D. Mongolyn Ehrtnij Uurlagijn Tuukh [History of ancient art of Mongolia]. Ulan-Bator, Gamma Publ., 1999, 317 p. (in Mong.)

Tseveendorj D., Molodin V. I., Cheremisin D. V., Cretin C., Zotkina L. V., Natsag B., Nesterkina A. L. Izuchenie drevneishego plasta naskal'nykh izobrazhenii Mongolii v 2017 godu: pamyatniki Cagaan-Salaa i Baga-Oigur [Study of the oldest layer of rock paintings of Mongolia in 2017 (locations Tsagaan-Salaa and Baga-Oigur)]. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Issues in Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2017, vol. 23, p. 231–234. (in Russ.)

П. В. Мандрыка, Д. А. Гурулёв, Е. В. Голубева, М. В. Вдовенкова

*Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия*

pmandryka@yandex.ru

КЛАДЫ ЭПОХИ НЕОЛИТА НА КОМПЛЕКСЕ ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРЫ IV В НИЖНЕМ ПРИАНГАРЬЕ *

Клады представляют собой относительно немногочисленный вид археологических источников для изучения культур охотников, рыболовов, собирателей. На территории Нижнего Приангарья, клады, относящиеся к интервалу от мезолита до бронзового века, стали известны преимущественно в ходе исследований последних лет. Так, на комплексе Проспихинская Шивера IV зафиксированы два компактных скопления археологического материала. Стратиграфическая позиция и состав этих объектов позволяют датировать их неолитом. Один клад представлен так называемым «ранцевым набором», включающим в свой состав различные каменные заготовки и орудия преимущественно для обработки древесины, а также крупный фрагмент сосуда аплинского типа. Другой состоит из заготовки и готового тесла с ушками (наконечник пешни?), демонстрирующих последовательные производственные стадии в рамках одной технологической модели. Рассмотренные памятники находят свое место в широком круге вопросов, связанных с изучением стратегий поведения и жизнеобеспечения населения региона эпохи неолита.

Ключевые слова: южная тайга, Нижнее Приангарье, неолит, клад, каменные орудия, керамика, аплинский тип, трасологический анализ.

Клады как археологические объекты являются особым видом источников, поскольку, помимо специфичности наличия в них намеренно отобранных и в последующем целенаправленно сокрытых вещей, они характеризуются информационной многокомпонентностью. Представляя собой закрытый комплекс синхронных предметов, они выступают также структурными элементами культурного слоя или маркерами осваиваемого пространства, свидетельствами различного рода хозяйственно-производственной деятельности и (или) духовной практики.

Клады уникальны как объекты для функционально-технологических исследований, а также изучения социальной организации палеосообществ.

На территории Нижнего Приангарья клады, относящиеся к интервалу от мезолита до бронзового века, стали известны преимущественно в ходе исследований последних лет [Привалихин и др., 2003; Гревцов и др., 2010; Марченко и др., 2010; Адамов и др., 2011; Привалихин, 2011; Людников, 2012; Роговской, Кузнецов, 2014; Харевич и др., 2014; Абдулов Т. А., Абдулов А. Т., 2015;

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности (проект № 16-11-24005).

Толстова, 2016]. Они представлены разнотипными наборами, классификация и детальный анализ которых к настоящему времени еще не проведены. Спецификация и широкие временные рамки существования феномена кладов предполагают различное их назначение, что определяет актуальность изучения для реконструкции моделей поведения древнего населения региона в их исторической динамике.

Целью данной статьи является функциональная интерпретации двух кладов, обнаруженных на комплексе Проспихинская Шивера IV в Нижнем Приангарье, в соответствии с чем определены основные задачи исследования: характеристика предметного комплекса, структуры их совместного залегания внутри клада и культурно-хронологическая атрибуция. Новизна исследования определяется, помимо введения в научный оборот новых материалов, привлечением данных трасологических определений каменных изделий, позволяющих более аргументированно судить о семантике находок.

Исследователи не раз указывали на условность термина «клад» в контексте культур каменного века [Цветкова, 1975; Ветров, 1997; Людников, 2012; Колесник, 2012; Роговской, Кузнецов, 2014]. Это связано со сложностью реконструкции функций и роли кладов в древних культурах, их полисемантичностью и специфичностью конкретных объектов. Критика основана на несоответствии общепринятого и сугубо археологического значения термина его содержанию как археологического объекта. В широком значении клад – это группа предметов, в силу тех или иных обстоятельств спрятанных, чаще всего зарытых в землю (см., например: [СИЭ, 1965. С. 394–395; Мартынов, Шер, 1989. С. 10; Брей, Трамп, 1990. С. 111; Ожегов, Шведова, 1999. С. 275] и др.). В отечественной археологии каменного века закрепилось понимание «клада» как вида археологического объекта, состоящего из компактного скопления (укладки) преднамеренно отобранных артефактов, найденных как в границах, так и вне культурного слоя поселения. В таком понимании термин «клад» выступает в качестве общей категории для различных по семантическому содержанию и форме объектов. Это, впрочем, не отменяет того, что для такой широкой категории со временем должна быть разработана «развитая» понятийно-терминологическая система

с вариациями смысловых акцентов» [Колесник, 2012. С. 31].

Многослойный комплекс Проспихинская Шивера IV входил¹ в ансамбль археологических памятников Шивера Проспихино (Кежемский район Красноярского края) на правом берегу Ангары в 1,1–1,2 км выше устья р. Коды и был приурочен к покровному комплексу отложений 10–16-метрового прибрежного участка II надпойменной террасы Ангары. С 2009 по 2011 г. силами Проспихинского отряда Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН на территории ансамбля проводились охранно-спасательные исследования. На пункте Проспихинская Шивера IV раскопками изучено более 6 тыс. кв. м площади [Деревянко и др., 2015. С. 93–95], выделено три культурных слоя. Рассматриваемые в статье клады приурочены к третьему, нижнему культурному слою, зафиксированному на контакте слоя светло-серой супеси и нижележащего слоя бурой (коричневой) суглинистой супеси, на глубине 20–40 см от дневной поверхности. Компрессионное наполнение культурного слоя представлено стратиграфически не разделяемыми материалами разновременных стоянок, находящихся широкие аналогии в материалах неолита и бронзового века Средней Сибири.

Клад № 1 зафиксирован в юго-восточном секторе изученной площади памятника, на периферии распространения культурного слоя в зоне с рассеянными малочисленными находками без выраженных участков концентрации. Скопление предметов (рис. 1) отмечено на глубине 31–38 см от дневной поверхности (рис. 1, 1). Контур укладки имеет вытянутую по линии восток-юго-восток – запад-северо-запад форму в плане, размерами 27 × 20 см (рис. 1, 2); отмечается небольшой уклон на запад-северо-запад поверхности залегания артефактов. Общая мощность скопления 8 см. Искусственное углубление, в котором предположительно могли залегать предметы, не выявлено. Они лежали компактно, в разноориентированных плоскостях, частично перекрывая друг друга (рис. 1, 3). В составе клада 35 единиц, в том числе заготовки и орудия из камня, а также часть керамического сосуда (рис. 2).

¹ В настоящее время территория затоплена, находится в зоне водохранилища Богучанской ГЭС.

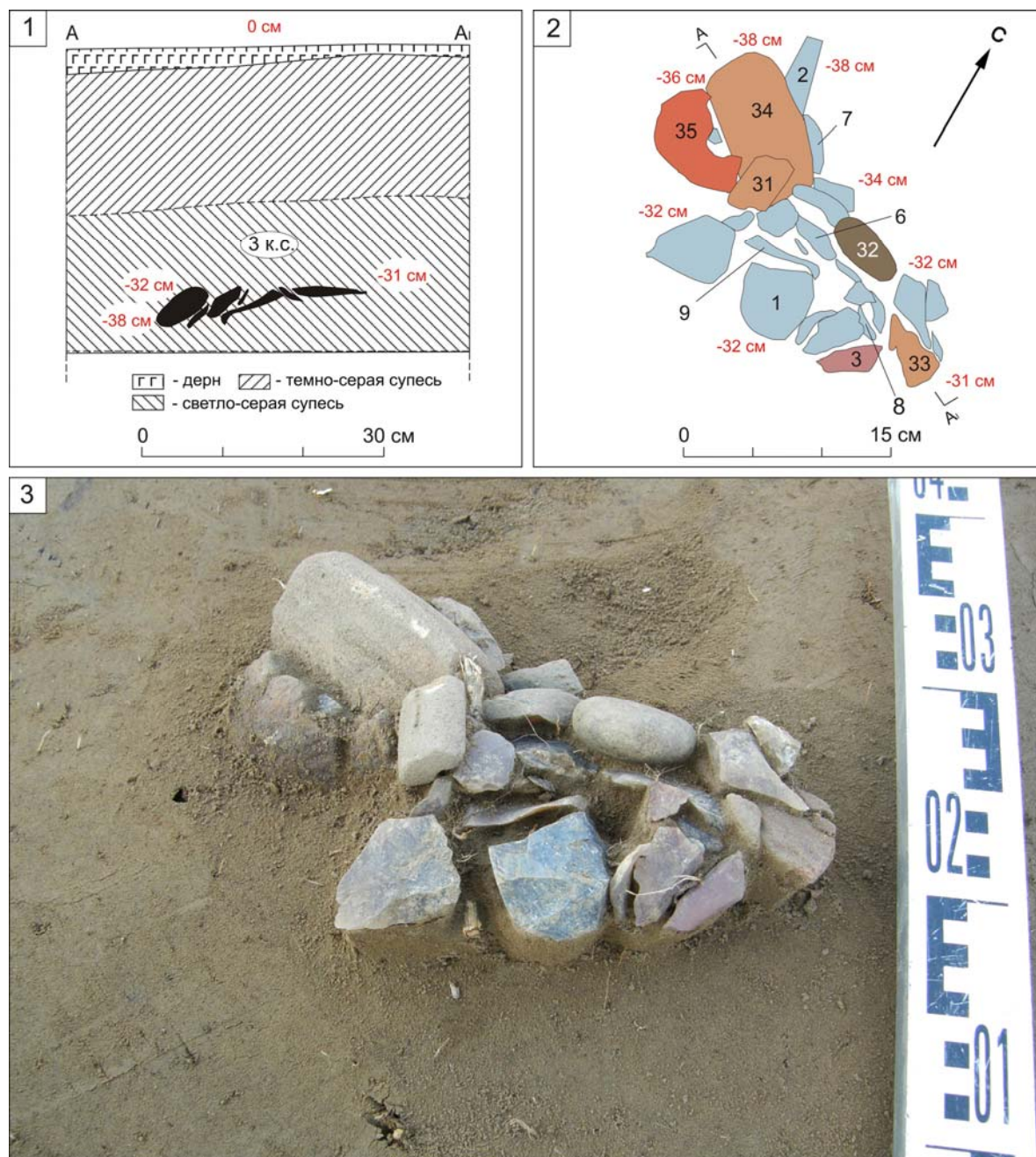

Рис. 1. Клад № 1 комплекса Проспихинская Шивера IV:

1 – стратиграфический разрез по линии А–А₁; 2 – схема укладки предметов (нумерация предметов согласно тексту); 3 – общий вид расчищенного скопления (часть предметов снята)

Изделия, не несущие следов использования², представлены пятью экземплярами.

Предмет № 1 – заготовка торцово-клиновидного микронуклеуса (рис. 2, 1). Выполнен из неравномерно окрашенной в серые тона кремнистой породы с преобладанием халце-

дона³. Килегребневая часть подготовлена попеременной ситуативной ретушью разного размера. Инициальное ребро выполнено более тщательной бифасиальной ретушью.

² Заключение о нефункциональной роли изделий № 2 и 5 ввиду невозможности фиксации следов износа сделано на основании морфологических признаков.

³ Макроскопические петрографические определения выполнены Т. А. Юрьевой (ФБУ «Территориальный фонд геологической информации по СФО», Красноярск), за что авторы выражают ей огромную благодарность.

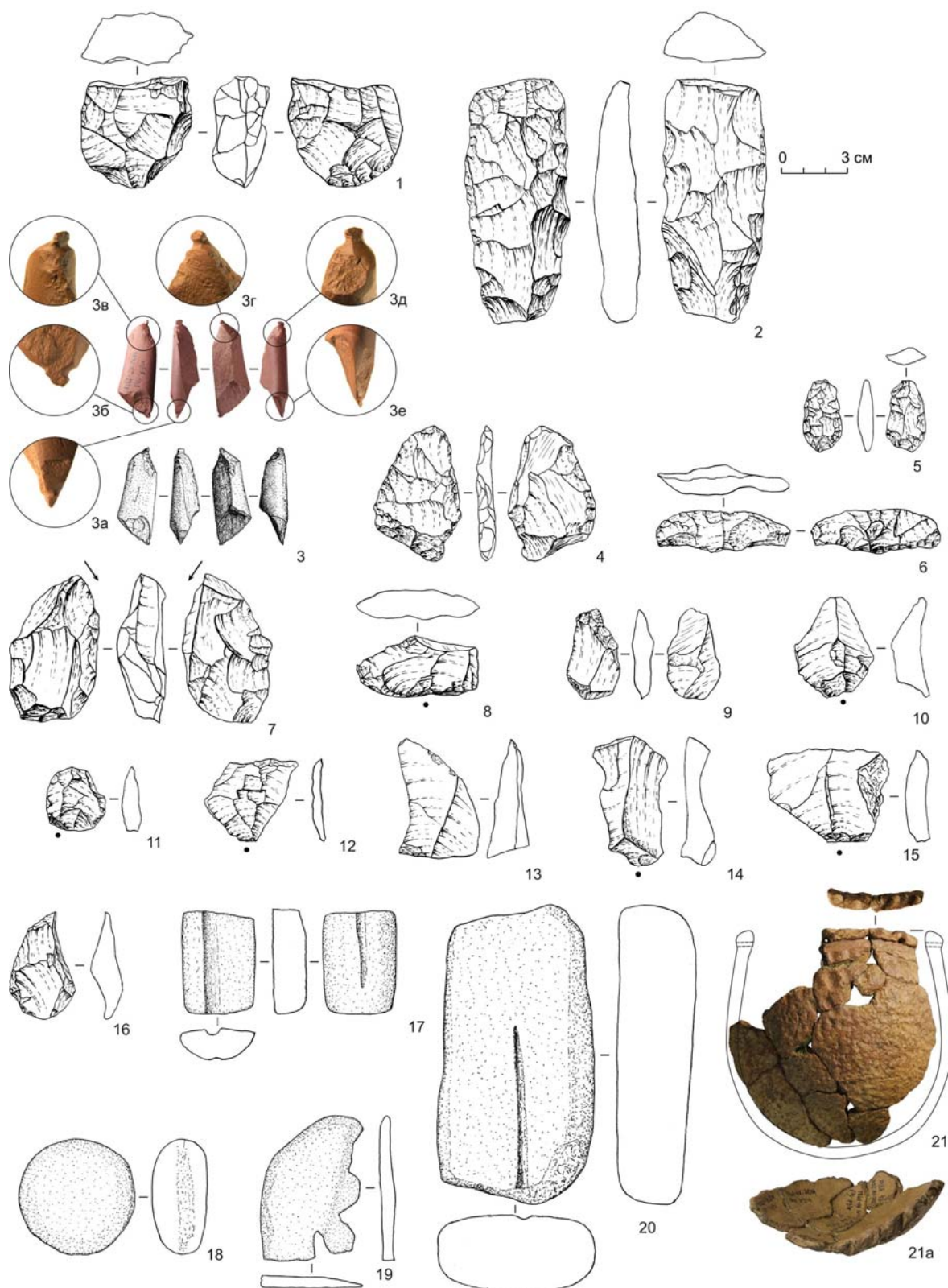

Рис. 2. Предметы клада № 1 комплекса Проспихинская Шивера IV:

1 – заготовка торцово-клиновидного микронуклеуса (№ 1); 2 – заготовка тесла (№ 2); 3 – изделие неустановленного назначения (№ 3); 4 – скобель на изделии с оббивкой утончения (№ 6); 5, 6 – скобели на бифасиально обработанных изделиях (№ 7, 8); 7 – скобель на изделии с резцовым сколом (№ 9); 8 – скобель на сколе (№ 10); 9–12 – струги на сколах (№ 11, 13, 14, 17); 13 – пила на сколе (№ 20); 14 – струг-скобель-резец на сколе (№ 27); 15 – пила-резец на сколе (№ 29); 16 – скобель-провертка на сколе; 17 – абразив («выпрямитель древков стрел») (№ 31); 18 – отбойник (№ 32); 19, 20 – абразивы (№ 33, 34); 21 – фрагмент керамического сосуда (№ 35) (1–20 – камень, 21 – керамика)

Латерали выровнены серией снятий с плоскости площадки и килегребневого ребра. Прямая площадка образована негативом крупного снятия со стороны инициального ребра. Зона расщепления не подготовлена.

Экземпляр № 2 – заготовка тесла (рис. 2, 2), выполненная на кремне серого цвета с органическими примесями, покрытая коркой алевролитового материала палевого цвета. Изделие трапецевидной (сужается к обуху) формы. Поперечное сечение подтреугольное. Оформлено сплошной бифасиальной оббивкой. Зона лезвия дополнительно подготовлена по спинке серией продольных снятий. Лезвие и обух не выведены. Вес 135 г.

Изделие № 3 неустановленного назначения (рис. 2, 3) изготовлено на продолговатой гальке мягкого глинистого сланца коричневого цвета. Сечение – треугольное. На предварительно оббитой заготовке многогранной шлифовкой сформированы односторонне направленные выступы разной формы и размера (рис. 2, 3б–3г). На одной из граней в зоне «нижнего» выступа – два сопряженных тонких желобка проточки (рис. 2, 3а). Торцовые грани с тыльной стороны пришлифованы (рис. 2, 3д, 3е), в результате чего изделию придана трапецевидная в плане форма.

Небольшие обломки аморфной формы № 4, 5 ($21 \times 15 \times 5$ и $22 \times 13 \times 13$ мм соответственно) отнесены к молочно-серому халцедону и неустановленной осадочной (?) породе серого цвета.

Орудия, связанные с деревообработкой, составляют основную часть комплекса и представлены 25-ю экземплярами.

Скобели по дереву на различных изделиях представлены предметами № 6–10.

Изделие № 6 с оббивкой утончения подтреугольной формы (рис. 2, 4) выполнено на плитчатой отдельности коричневатого-вишневого яшмоида. Изделие двусторонне обработано плоской встречной мелкоотщеповой оббивкой и крупной ретушью. Оббивка производилась как со специально подготовленных, близких к прямым, площадок, так и с естественных торцовых граней. На одном из торцов ретушью оформлено бифасиальное ребро. Износ слабый.

Два орудия № 7 и 8 выполнены на бифасиальных изделиях с нерегулярной разноразмерной обработкой из серовато-фиолето-

вого и серого с коричнево-бурыми прожилками и примазками халцедона. Первое изделие (неудавшаяся заготовка наконечника стрелы?) неправильной овальной формы, поперечное сечение асимметрично линзовидное (рис. 2, 5). Второе – удлинённой нерегулярной формы, сечение подтреугольное (рис. 2, 6). Износ слабый и средневывраженный.

Изделие № 9 с резцовым сколом (рис. 2, 7) выполнено на массивном сколе неравномерно окрашенного в серых тонах, со слабым фиолетовым оттенком, халцедона. Единичный угловой продольный резцовый скол снят со скошенной, подготовленной одним снятием, площадки. Вентральная поверхность заготовки уплощена серией встречных разноразмерных снятий. Износ слабый.

Скол № 10 из халцедон-кремнистой породы без вторичной обработки (рис. 2, 8). Износ средний.

Струги по дереву на немодифицированных сколах № 11–19 состоят из халцедона и халцедон-кремнистой породы. В одном случае орудие выполнено на уплощенном обломке естественного происхождения (?), неравномерно окрашенного в желто-коричневые тона кремня посредством локальной, преимущественно односторонней, нерегулярной ретушной обработки (рис. 2, 9–12). Износ слабый и средневывраженный.

Пила по дереву или кости (рогу) № 20 изготовлена на дистальном (?) фрагменте скола из кремнистой породы с преобладанием халцедона (рис. 2, 13). Износ слабый.

Струги-скобели по дереву № 21, 22, сняты на немодифицированных сколах из халцедона и кремнистой породы с преобладанием халцедона. Износ слабый и средневывраженный.

Струги-пилы по дереву № 25, 26 выполнены на немодифицированных сколах из халцедона и серовато-розовой халцедон-кремнистой породы. Износ средний.

Струг-скобель-резец по дереву № 27 сформирован на пластинчатом отщепе из халцедона (рис. 2, 14). Износ средний.

Скобель-нож-резец по дереву № 28 изготовлен на продольном фрагменте отщепы из халцедона. Износ слабый.

Пила-резец по дереву № 29 смоделирована на сколе из халцедон-кремнистой породы (рис. 2, 15). Износ интенсивный.

Скобель-провертка по дереву № 30 сделан на медиально-дистальном фрагменте скола (рис. 2, 16). Износ интенсивный.

Группу орудий на немодифицированных сколах (№ 10, 12–30) из разноокрашенных (преимущественно в серые тона) кремнистых пород составляют изделия из целых снятий (13 экз.) и их фрагментов (7 экз.). Среди них представлены отщепы (7 экз.) и сколы (13 экз.), часть из которых (3 экз.) пластинчатые. Форма и огранка снятий не стандартизированы. Предметов, сохранивших естественную поверхность, 7 экз. Остаточные площадки на сколах, сохранивших проксимальные части (10 экз.), имеют различную форму. Они преимущественно глубокие и крупные, образованы одним снятием, прямые или скошенные. Зоны расщепления в большинстве случаев специально не готовились, у трех сколов отмечено использование прямого редуцирования, у одного – сочетание прямого и обратного на различных участках ребра сопряжения площадки и дорсальной поверхности. Размеры сколов варьируют от 27 до 58 мм в длину и от 25 до 62 мм в ширину, толщина от 7 до 18 мм.

В группе выделяются два отщепа оформления бифасов (№ 14, 25) (рис. 2, 12). Снятия имеют дивергентно расширяющуюся форму, их огранка продольная. Остаточные площадки небольшие (8×2 и 8×3 мм), линейные, образованы одним снятием, сильно скошены. Зоны расщепления подготовлены прямым редуцированием. Размеры отщепов $37 \times 38 \times 4$ и $41 \times 30 \times 4$ мм.

Абразив («выпрямитель древков стрел») № 31 (рис. 2, 17) выполнен из ожелезненного кварцевого мелкозернистого песчаника светло-коричневого цвета. Обломан по одному из торцов (?). Изделие прямоугольной в плане формы, сечение сегментовидное. На противоположных широких гранях видны продольные желобки проточки с овально-симметричным сечением, на плоском фасе – глубокий, на выпуклом – слабовыраженный. Они несут следы износа, характерные для обработки дерева (деревянных стержней).

Орудия для обработки камня представлены 3 экз.

Отбойник на гальке № 32 (рис. 2, 18) грубообломочного псефита неопределенного состава имеет округлую в плане, уплощенную форму. Износ в виде забитости боковых граней распространен на $1/2$ длины периметра. Вес 110 г.

Фрагмент абразива № 33 (рис. 2, 19), сформированного на тонкой плитчатой отдельности сильно ожелезненного кварц-полевошпатного мелкозернистого песчаника. Предположительно использовался для шлифования камня.

Абразив № 34 (рис. 2, 20) выполнен на брусковидной отдельности ожелезненного кварцевого мелкозернистого песчаника светло-коричневого цвета. Все плоскости предмета утилизированы, микрорельеф плоскостей изделия нивелирован. На двух широких противоположных гранях выработаны желобки проточки: с одной стороны глубокий с V-образным сечением, с выраженной асимметрией на отдельных участках, с другой – слабовыраженный с овальным дном. Следы износа как на плоскостях предмета, так и на желобках, указывают на использование для шлифования камня; износ интенсивный. Вес 510 г.

Фрагмент керамического сосуда № 35 (рис. 2, 21) представляет собой $1/3$ от целой формы: венчик, тулово и придонную часть. Сосуд обладал небольшими размерами и простой круглодонной закрытой формой, высотой был ~ 10 см и диаметром по тулову ~ 11 см. Край изделия украшен с внутренней и внешней сторон наколами овальной формы, направленными в разные стороны. Наружная поверхность покрыта оттисками сетки-плетенки и орнаментирована под венчиком поясом отверстий, прочерченной полосой и тремя горизонтальными рядами оттисков овального штампа. В нижнем ряду они разреженно нанесены по группам из трех отпечатков. Сосуд относится к аплинскому типу неолитической керамики Северного Приангарья [Бердников, Лохов, 2013]. Характерной особенностью рассматриваемого экземпляра является его небольшой размер по сравнению с известными аналогами в регионе (см.: [Бердников, Лохов, 2013; Леонтьев, Герман, 2016] и др.).

Общий вес предметов клада составляет 1350 г.

Клад № 2 состоял из заготовки и законченного экземпляра тесла с ушками⁴. Предметы зафиксированы на северо-западной периферии распространения культурного слоя в глубине террасы. В зоне нахождения

⁴ Здесь используется термин морфологического определения подобных изделий.

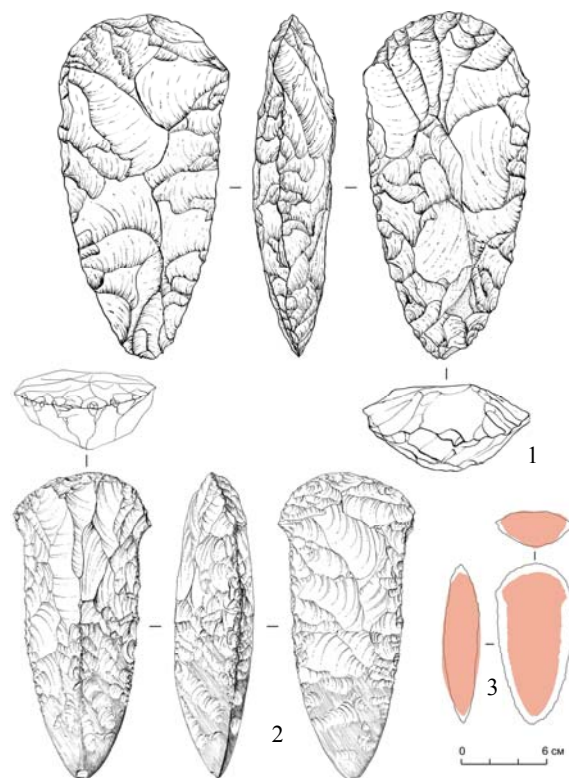

Рис. 3. Предметы клада № 2 комплекса Проспехинская Шивера IV: 1 – заготовка тесла; 2 – тесло с ушками; 3 – сопоставление размеров изделий (уменьшенное), цветом выделен контур законченного орудия (1–3 – камень)

этого клада, как и клада № 1, отмечена небольшая концентрация находок, залегающих на различных высотных отметках. Изделия располагались рядом, на одном уровне, на глубине ~ 20–25 см от дневной поверхности. Предметы отмечены в подошве культурного слоя, в месте фиксации искусственная яма не прослеживалась.

Артефакты выполнены из серого роговика, покрыты тонкой коркой (видоизменение внешней поверхности?) бледно-сиреневого цвета, препятствующей фиксации микроследов износа. На лезвии законченного тесла сохранились негативы мелких, коротких сколов, предположительно, утилитарного характера. Обушковое ребро сглажено в центральной части. Массивность изделий позволяет предполагать их использование в качестве наконечника пещи для колки льда [Волков, 1999. С. 42–46].

Бифасиально обработанная заготовка тесла (рис. 3, 1) без макроскопически читаемых следов использования имеет каплевидную (сужается к лезвию) форму. Сечение и про-

филь асимметрично линзовидные – спинка более выпуклая. Лезвие не оформлено. Прилезвийная часть конвергентно сужается, угол схождения фасов здесь составляет примерно 50–70°. Обух округлый. Вес изделия 1 750 г.

Массивное тесло с ушками (рис. 3, 2) имеет в плане вытянуто-подтреугольную (сужается к лезвию) форму. Сечение изменяется от треугольного в прилезвийной и медиальной частях до трапецевидного в обушковой. Профиль асимметрично линзовидный – спинка более выпуклая. Лезвие конвергентно остроконечное, имеет угол заточки ~ 70–80°. Обух округлый, переходит в треугольные в плане ушки, одно из которых немного сломано. Тесло выполнено посредством бифасиальной разноразмерной оббивки и глубокой шлифовки в прилезвийной части. Вес изделия 1 380 г.

Следует отметить важное обстоятельство для изложенных материалов: связь кладов и культурного слоя не выражена, что обусловлено компрессионным характером последнего, включающего неразделимые находки широкого культурно-хронологического диапазона, в частности изделия, аналогичные предметам из кладов. Какие-либо контекстуальные связи кладов с хозяйственно-бытовыми участками древнего поселения пока не прослеживаются.

Компактное залегание предметов клада № 1 позволяет предполагать, что первоначально они были размещены в ограниченной полости. При этом вытянутость укладки, ее наклонное положение в разрезе и разноориентированное залегание изделий могут быть объяснены смещением изначальной, более компактной и более высокой укладки вещей в эластичной органической емкости. Предположительно, смещение происходило в направлении восток-юго-восток от наиболее крупных и тяжелых предметов, лежавших на ее дне (?).

Состав клада многокомпонентный, он представлен орудиями деревообработки, заготовками и неидентифицируемыми изделиями из камня, не несущими следов использования, а также инструментами для камнеобработки. Оригинальной компонентой набора является фрагмент керамического сосуда.

Орудия и заготовки представлены элементами различных технологических контекстов. В двух случаях в качестве орудий

(№ 6 и № 8) использовались неудачные (испорченные) заготовки (?). Наиболее многочисленную группу предметов составляют сколы и отщепы из однотипного кремнистого сырья. Морфометрическое разнообразие сколов, которые использовались в качестве орудий, отсутствие аппликационных связей между ними и разнообразие окраски дают основание предположить их получение как минимум из двух различных изделий (блоков) либо в процессе изготовления какого-то одного изделия, но в ходе различных технологических стадий. Так или иначе, в данном случае наблюдается целенаправленная выборка сколов. Судя по всему, ключевую роль при ее составлении, как и при отборе модифицированных форм (№ 6–9), играли высокая твердость⁵ и прочность сырья.

Наибольшее число орудий, входящих в состав клада, использовались для обработки древесины. Обращает на себя внимание широкий функциональный перечень этого инструментария: для скобления, строгания, пиления, резания, сверления, шлифовки. Можно допустить, что такой набор орудий применялся для серийного изготовления какого-то одного типа изделий, например древков стрел. На эту мысль наводит наличие в кладах желобчатого абразива, который в отечественной историографии традиционно называют «выпрямителем древков стрел». Насколько можно судить по форме желобка на плоском фасе абразива, эта часть орудия использовалась для шлифовки прямых, имеющих равномерную толщину деревянных стрелецких. Форма желобка на выпуклом фасе абразива указывает на его формирование при обработке шилообразных предметов, вероятно, на финальной стадии обработки [Семенов, 1957. С. 172].

Остается неясной функция предмета с оформленными противоположащими выступами (№ 3). Пазы-пропилы, формирующие выступы на выделенных его уголках, исходя из их формы, вероятно, предназначались для обработки (перемещения, протягивания) тонкого эластичного шнура или сухожилия на ограниченном участке, для чего был необходим точечный рабочий элемент.

Инструментарий для изготовления-обработки изделий из камня представлен не-

большим отбойником и двумя абразивами. Область применения крупного брусковидного абразива связана как с площадной шлифовкой уплощенных поверхностей, для чего использовались широкие и боковые плоскости изделия, так и с пришлифовкой отжимных площадок [Харевич и др., 2013]. На это указывает форма как минимум одного из желобков с асимметричным V-образным сечением, изменяющимся на разных участках.

Обозначить функцию крупного фрагмента сосуда в составе набора затруднительно. Допустимо предположение, что предмет использовался в качестве низкой открытой емкости (см. рис. 2, 21a). Если учесть, что на обширной изученной площади поселения другие части этого сосуда найдены не были, то можно сделать вывод о преднамеренном включении фрагмента в состав клада. Это также свидетельствует о том, что предметы для клада № 1 собирались не с территории самого поселения, а на стороне.

По отношению к предметам, составляющим клад № 1, применимо понятие «ранцевый набор», под которым подразумевается небольшое количество специально отобранных каменных инструментов и заготовок, переносимых в компактной емкости, традиционно интерпретируемых как личная собственность [Колесник, 2016]. А. В. Колесником отмечалось, что одной из характерных черт «ранцевого набора» является содержание в нем инструментов каждодневного использования без общей хозяйственной специализации [Там же]. Комплект клада № 1 не противоречит понятию индивидуального портативного набора, состав которого мог быть обусловлен различными текущими условиями хозяйственно-производственной необходимости и включать как серийные экземпляры орудий одной функциональной группы, так и «запасные» заготовки орудий.

В клад входят предметы, находящие широкие аналогии в материалах памятников голоцена юга Средней Сибири, что затрудняет узкую датировку объекта. Наиболее информативным для определения возраста клада является керамический сосуд аплинского типа. Хронологические рамки бытования данной керамики в Северном Приангарье в настоящее время предложены предварительно, на основании геологического возраста культуровмещающих отложений с ряда местонахождений. Данная по-

⁵ Твердость по шкале Мооса ~ 6,5–8, за исключением скобеля на изделии с оббивкой утончения (№ 6) ~ 5,5–6.

суда соотносится с финальным этапом неолита (~ 5500 (5000) – 4000 л. н.⁶) [Бердников, Лохов, 2013], что выступает основным аргументом в пользу предварительной датировки клада.

Предметы из клада № 2, заготовка и законченное тесло (пешня?) со следами утилитарного износа, идентичны по сырью, технологии изготовления и морфометрической норме, что позволяет предположить их изготовление одним мастером. Близость изделий отмечается в метрических параметрах, форме лезвия и обуха, асимметричности профиля с «поднятием» продольной плоскости изделия в обушковой части, использовании приема продольной длинной оббивки по спинке с обушкового ребра. Заготовка тесла представляет собой изделие на стадии подготовки бифасиальной преформы с регулярным рельефом и сплошным бифасиальным ребром. «Интервал», отделяющий заготовку от законченного орудия, заключается в бифасиальной доводке общего абриса, оформлении лезвия и ушек. Из линзовидной в сечении заготовки крутой оббивкой по спинке изделия в дальнейшем было бы сформировано треугольное сечение будущего орудия, практически без изменения его толщины. Сопоставляя размеры изделий (см. рис. 3, 3), можно заключить, что необходимая толщина тесла задавалась на стадии заготовки, метрические характеристики которой изменялись в последующем незначительно за счет небольшого уменьшения ширины и длины формы. В ходе последней стадии производства, судя по имеющемуся готовому орудию, происходила шлифовка прилезвийной части – окончательное формирование лезвия. Таким образом, изделия клада представляют собой последовательные стадии одной технологической цепочки и позволяют говорить об отдельно взятой модели изготовления крупных тесел с ушками.

Клад № 2 из культурного слоя поселения Проспихинская Шивера IV сопоставляется с аналогичными наборами, включающими каменные рубящие орудия, из Нижнего Приангарья [Гревцов и др., 2010; Адамов и др., 2011; Привалихин, 2011] и других территорий (см., например: [Bradley, 1990. P. 43–73; Колесник, 2012. С. 40–41; Сериков, 2016. С. 25–26] и др.). Вместе их можно рассмат-

ривать как специфический поликультурный тип кладов, связанных с депонированием рубящих орудий.

Рубящие орудия с ушками имеют широкие хронологические рамки и морфотехнологическую вариативность. На территории Средней Сибири они достоверно зафиксированы в мезолитических (раннеголоценовых) и неолитических контекстах поселенческих и погребальных комплексов [Липнина и др., 2013; Макаров, 2015]. Полученные по материалам местонахождения Усть-Ёдарма II (Нижнее Приангарье) данные абсолютного датирования⁷ указывают на бытование в регионе рубящих орудий с ушками как минимум до позднего неолита [Липнина и др., 2013. С. 85]. Учитывая состав культурного слоя комплекса Проспихинская Шивера IV, не содержащего маркирующих мезолитических изделий, следует принять неолитическую датировку клада № 2.

Специальное изучение феномена кладов каменных орудий в археологии неолитических охотников, рыболовов, собирателей Нижнего Приангарья находится в настоящее время в начальной стадии. Многокомпонентность данного вида источника предполагает перспективность дальнейших исследований как в плане их специального археологического изучения, так и в рамках сопряженных тематик.

Рассмотренные клады из комплекса Проспихинская Шивера IV как отдельные объекты различной хозяйственно-производственной деятельности находят свое место в широком круге вопросов, связанных с изучением стратегий поведения и жизнеобеспечения населения Нижнего Приангарья неолитической эпохи. При большом спектре возможных интерпретаций данной категории объектов становится очевидной необходимость их детального и комплексного изучения. В каждом отдельном случае кроме морфологического описания изделий, входящих в набор кладов, следует проводить функциональные и другие исследования, что в сумме с изучением других категорий объектов позволит накопить источниковую и аналитическую базу для создания моделей жизнеобеспечения древних людей, «функционационирования» каменных индустрий голо-

⁶ Некалиброванный радиоуглеродный возраст.

⁷ Для «уровня» V получена C¹⁴ дата 5380 ± 80 (СОАН-8097). Для вышележащего «уровня» III, где также зафиксированы рубящие орудия с ушками, данные абсолютного датирования отсутствуют.

цена, их места на культурно-хронологических шкалах.

Список литературы

- Абдулов Т. А., Абдулов А. Т. Результаты спасательных археологических работ на многослойном геоархеологическом объекте Ручей Дубинский I // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. Вып. 4. С. 5–18.
- Адамов А. А., Данилов П. Г., Турова Н. П. Результаты полевых работ на стоянке Окуневка (Северное Приангарье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 17. С. 350–353.
- Бердников И. М., Лохов Д. Н. Сетчатая керамика аплинского типа // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2 (3). С. 72–83.
- Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
- Ветров В. М. «Клад» каменных изделий в устье Юмурчена // Дуловские чтения 1997 года (Секция археологии и этнографии). Иркутск: Листок, 1997. С. 51–55.
- Волков П. В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 192 с.
- Гревцов Ю. А., Лысенко Д. Н., Галухин Л. Л. Спасательные работы Берябинского отряда Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. 16. С. 509–514.
- Деревянко А. П., Цыбанков А. А., Постнов А. В., Славинский В. С., Выборнов А. В., Зольников И. Д., Деев Е. В., Присекайло А. А., Марковский Г. И., Дудко А. А. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) // Тр. Богучанской археологической экспедиции. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 1. 564 с.
- Колесник А. В. Портативные кремневые «клады-приношения» каменного века и энеолита. Аспект Юго-Восточной Украины // Донецкий археологічний збірник. Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2012. № 16. С. 29–46.
- Колесник А. В. Ранцевые наборы кремневых инструментов каменного века как отражение феномена индивидуальности (к постановке вопроса) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 23: Антропология. 2016. № 2. С. 121–127.
- Леонтьев С. Н., Герман П. В. Керамика аплинского типа в археологических материалах острова Сергушкин (Северное Приангарье) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск: Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2016. Т. 1. С. 66–73.
- Липнина Е. А., Лохов Д. Н., Медведев Г. И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 71–101.
- Людников В. О. «Клад» каменных изделий со стоянки Ручей Акимов (Северная Ангара) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. Вып. 3. С. 61–67.
- Макаров Н. П. Каменные топоры с ушками севера Средней Сибири // IV Северный археологический конгресс: Материалы. Екатеринбург: Альфа Принт, 2015. С. 85–87.
- Мартинов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования. М.: Высш. шк., 1989. 223 с.
- Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Гаркуша Ю. Н. Работы 1-го и 2-го Пашинских отрядов в 2010 году (Кежемский район Красноярского края) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. 16. С. 559–564.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 1999. 944 с.
- Привалихин В. И. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» // Второй век подвизничества. Красноярск, 2011. С. 152–162.
- Привалихин В. И., Оводов Н. Д., Мартынович Н. В. Нижнереченский клад орудий и изделий из рога и кости раннего бронзового века Северного Приангарья // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: РИО КГПУ, 2003. Вып. 2. С. 75–77.
- Роговской Е. О., Кузнецов А. М. Депозиты многослойного местонахождения Остров Лиственничный (Северное Приангарье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеоло-

гия. Этнология. Антропология. 2014. Т. 9. С. 77–102.

Семенов С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с. (МИА, № 54).

Серигов Ю. Б. Сакральный аспект кладов каменных изделий на территории Урала // Народы и религии Евразии. 2016. № 9. С. 7–29.

СИЭ – Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1965. Т. 7. 394 с.

Толстова М. В. Депозит каменных наконечников стрел с местонахождения Акимов Ручей // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей: Материалы LVI Рос. археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. Чита, 2016. С. 100–101.

Харевич В. М., Князева Е. В., Стасюк И. В. Новый тип абразивных инструментов (по

материалам голоценовых комплексов Северного Приангарья) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. С. 77–86.

Харевич В. М., Стасюк И. В., Акимова Е. В., Кукса Е. Н., Махлаева Ю. М., Горельченкова О. А., Томилова Е. А. Итоги изучения стоянки Усть-Кова I (пункт 2) в Северном Приангарье // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 9. С. 126–140.

Цветкова И. К. Ритуальные «клады» стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии М.: Наука, 1975. С. 102–111.

Bradley R. The passage of arms. An archaeological analysis of prehistoric hoards and votive deposits. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 234 p.

Материал поступил в редколлегию 07.12.2017

P. V. Mandryka, D. A. Gurulev, M. V. Vdovenkova, E. V. Golubeva

*Siberian Federal University
79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation*

pmandryka@yandex.ru

NEOLITHIC CACHES FROM PROSPIKHINSKAYA SHIVERA-IV SITE (LOWER ANGARA REGION)

Purpose. Archaeological caches are a special and relatively scarce type of primary sources for studying cultures of hunters, fishermen and gatherers. They usually include deliberately selected and concealed items, whose purpose can be studied separately, and present multiple layers of information to reveal. It provides a rich paradigm for further research, both in terms of detailed study and in the context of the topics related. Here we consider caches as a type of archaeological objects in the form of a deliberately selected set of artifacts found both within a site cultural layer and outside it. The term «cache» is used as a broad category for objects that are different in their semantic content and form. On the territory of the Lower Angara region, caches dated to the Mesolithic–Bronze Age became known quite recently, mainly in the course of modern research. In total, according to the published materials, there are 14 such objects known, which are represented by different sets of items made of stone, bone and antler. During the excavations of Prospikhinskaya Shivera-IV complex in 2009–2011, two compact sets of items interpreted as caches were found. The purpose of this work is to analyze the caches in the context of their functional and technological specificity.

Results. The sets found were located on the periphery of the cultural layer in a zone with not numerous finds scattered without much concentration. According to stratigraphic data and the composition of the caches, their chronology is estimated as the Neolithic Age. The first cache is represented by a so-called «tool kit» which includes various items made of stone and ceramics (total of 35 items). The tools from the cache were analyzed according to the work done on them. The tools without traces of use are represented by a preform of a wedge-shaped core, an unfinished adze, an artifact of an unknown function with two opposite protrusions-spikes (treatment of an elastic cord?)

and two small rocks fragments. The main part of the cache set is woodworking tools (25 pieces), which are mainly flakes of non-secondary treatment. The tools of broad functionality were used for scraping, planning, sawing, cutting, drilling, and grinding. There are also some stone tools, a small hammerstone and two groundstones. The individual component of the cache is a fragment of one third of a small vessel of the Aplin type net-impressed pottery typical for the Northern Angara region. The items were presumably placed in some kind of a compact organic receptacle. The second cache consists of unfinished and ready-made adzes with lugs (the tip of an ice pick?), which demonstrate successive production stages of making chopping tools of one type. Caches of chopping tools are serially represented at Holocene sites of the Lower Angara region, in particular, and Northern Eurasia as a whole. It allows us to consider these objects as a specific multicultural type of caches.

Conclusion. Caches as an evidence of economic activity should be studied in the broad context of the behavior and subsistence patterns of the Neolithic people of the Lower Angara region. A special study of stone tools found as caches of the Holocene hunters and gatherers of the Lower Angara region is just beginning and requires further development.

Keywords: southern taiga, Lower Angara region, Neolithic, cache, stone tools, pottery, Aplin type, microwear analysis.

References

Abdulov T. A., Abdulov A. T. Rezul'taty spasatel'nykh arkheologicheskikh rabot na mnogosloinnoy geoarkheologicheskoy ob'ekte Ruchei Dubinskii I [Results of the rescue archaeological works on the multilayer geoarchaeological site Ruchei Dubinskii I]. *Evrasiya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tura*. [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures]. Irkutsk, ISU Publ., 2015, vol. 4, p. 5–18. (in Russ.)

Adamov A. A., Danilov P. G., Turova N. P. Rezul'taty polevykh rabot na stoyanke Okunevka (Severnoe Priangar'e) [Results of field work at the site Okunevka (North Angara region)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and contiguous territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2011, vol. 17, p. 350–353. (in Russ.)

Berdnikov I. M., Lokhov D. N. Setchataya keramika aplinskogo tipa [The Aplin type of net-impressed pottery]. *Izv. Irkut. gos. un-ta. Ser. Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [The bulletin of Irkutsk State University. Series Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology], 2013, no. 2 (3), p. 72–83. (in Russ.)

Brey U., Tramp D. Arkheologicheskii slovar' [A dictionary of archaeology]. Moscow, Progress Publ., 1990, 368 p. (in Russ.)

Vetrov V. M. «Klad» kamennykh izdelii v ust'e Yumurchena [«Trove» of stone items in the Yumurchen mouth]. *Dulovskie chteniya 1997 goda (Sektziya arkheologii i etnografii)* [Dulov's readings of 1997 (Section of archaeology and ethnography)]. Irkutsk, Listok Publ., 1997, p. 51–55. (in Russ.)

Volkov P. V. Trasologicheskie issledovaniya v arkheologii Severnoi Azii. [Traceological studies in archaeology or Northern Asia]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1999, 192 p. (in Russ.)

Grevtsov Yu. A., Lysenko D. N., Galukhin L. L. Spasatel'nye raboty beryambinskogo otryada Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii IAET SO RAN v 2010 godu [Rescuing archaeological works of Beryamba team from the IAE SB RAS Boguchansk archaeological expedition]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and contiguous territories]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2010, vol. 16, p. 509–514. (in Russ.)

Derevyanko A. P., Tsybankov A. A., Postnov A. V., Slavinskii V. S., Vybornov A. V., Zol'nikov I. D., Deev E. V., Prisekailo A. A., Markovskii G. I., Dudko A. A. Boguchanskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya: ocherk polevykh issledovaniy (2007–2012 gody) [Boguchansk archaeological expedition: an essay of field research (2007–2012)]. *Trudy Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [Works of Boguchansk archaeological expedition]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2015, vol. 1, 564 p. (in Russ.)

Kolesnik A. V. Portativnye kremnevye «klady-prinosheniya» kamennogo veka i eneolita. Aspekt Yugo-Vostochnoi Ukrainy [Portable flint «hoard-offerings» of the Stone Age and the Eneolithic.

Aspect of South-Eastern Ukraine]. *Donets'kii arkeologichnii zbirnik [Donetsk archaeological collection]*. Donetsk, Donetsk University Publ., 2012, no. 16, p. 29–46. (in Russ.)

Kolesnik A. V. Rantsevye nabory kremnevykh instrumentov kamennogo veka kak otrazhenie fenomena individual'nosti (k postanovke voprosa) [Tool kits of Stone Age flint implements as a phenomenon of individuality (on presentation of the issue)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya [Vestnik of Moscow university. Series 23: Anthropology]*, 2016, no. 2, p. 121–127. (in Russ.)

Leont'ev S. N., German P. V. Keramika aplinskogo tipa v arkeologicheskikh materialakh ostrova Sergushkin (Severnoe Priangar'e) [Aplin pottery type at the archaeological materials of Sergushkin island (the North Angara Region)]. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]*. Krasnoyarsk, SFU Publ., 2016, vol. 1, p. 66–73. (in Russ.)

Lipnina E. A., Lokhov D. N., Medvedev G. I. O kamennykh toporakh «s ushkami» – tsapfen-nykh toporakh Severnoi Azii [Stone axes with tabs of the type Trunnion Axes in Northern Asia]. *Izvestiya Irkut. gos. un-ta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [The bulletin of Irkutsk State University. Series Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]*, 2013, no. 1 (2), p. 71–101. (in Russ.)

Lyudnikov V. O. «Klad» kamennykh izdelii so stoyanki Ruchei Akimov (Severnaya Angara) [«Hoard» of stone tools at archeological site Akimov Brook (Downstream of Angara river)]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]*. Ulan-Bator, NUM Publ., 2012, vol. 3, p. 61–67. (in Russ.)

Makarov N. P. Kamennye topory s ushkami severa Srednei Sibiri [Stone axes with tabs from the north of Middle Siberia]. *IV Severnyi arkeologicheskii kongress. Materialy [IV North archaeological congress. Materials]*. Ekaterinburg, Alfa Print, 2015, p. 85–87. (in Russ.)

Martynov A. I., Sher Ya. A. *Metody arkeologicheskogo issledovaniya [The methods of archaeological study]*. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989, 223 p. (in Russ.)

Marchenko Zh. V., Grishin A. E., Garkusha Yu. N. Raboty 1-go i 2-go Pashinskikh otryadov v 2010 godu (Kezhemskii raion Krasnoyarskogo kraya) [Archaeological works of 1st and 2nd Pashino teams in 2010]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and contiguous territories]*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2010, vol. 16, p. 559–564. (in Russ.)

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [The explanatory dictionary of the Russian language]*. Moscow, A TEMP Publ., 2006, 944 p. (in Russ.)

Privalikhin V. I., Ovodov N. D., Martynovich N. V. Nizhnerechenskii klad orudii i izdelii iz roga i kosti rannego bronzovogo veka Severnogo Priangar'ya [Nizhnerechenskii trove of tools and items made of stone, bone and antler during the Early Bronze Age in Northern Angara region]]. *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri [Antiquities of the Yenisei Siberia]*. Krasnoyarsk, KSPU Publ., 2003, iss. 2, p. 75–77. (in Russ.)

Privalikhin V. I. Klad kamennykh artefaktov epokhi neolita stoyanki i mogil'nika Sergushkin-1, punkta «A» [Trove with stone artifacts of Neolithic Age from site – burial ground Sergushkin-1, point «A»]. *Vtoroi vek podvizhnichestva [The second century of devotion]*. Krasnoyarsk, KRMLKH Publ., 2011, p. 152–162. (in Russ.)

Rogovskoi E. O., Kuznetsov A. M. Depozity mnogosloinogo mestonakhozhdeniya Ostrov Listvenichnyi (Severnoe Priangar'e) [Deposits of the multilayer site Ostrov Listvenichnyi (Northern Angara region)]. *Izvestiya Irkut. gos. un-ta. Ser. «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya» [The Bulletin of Irkutsk State University: Series «Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology»]*, 2014, vol. 9, p. 77–102. (in Russ.)

Semenov S. A. *Pervobytnaya tekhnika (opyt izucheniya drevneishikh orudii i izdelii po sledam raboty) [Prehistoric technology (experience of studying ancient tools and items with trasology methods)]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1957, 240 p. (in Russ.)

Serikov Yu. B. Sakral'nyi aspekt kladov kamennykh izdelii na territorii Urala [Sakral aspect of the buried treasures of stone artefacts on the territory of Ural]. *Narody i religii Evrazii [People and religions of Eurasia]*, 2016, vol. 9, p. 7–29. (in Russ.)

Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [The Soviet historical encyclopedia]. Moscow, Soviet Entsyclopedia Publ., 1965, iss. 7, 394 p. (in Russ.)

Tolstova M. V. Depozit kamennykh nakonechnikov strel s mestonakhozhdeniya Akimov Ruchei [Deposit of stone arrowheads from the site Akimov Ruchei]. *Materialy LVI Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh (Sibirskaya arkheologiya i etnografiya: vklad molodykh issledovatelei)* [Materials of LVI Russian archaeological-ethnographical conference for students and young scientists]. Chita, ZabGU Publ., 2016, p. 100–101. (in Russ.)

Kharevich V. M., Knyazeva E. V., Stasyuk I. V. Novyi tip abrazivnykh instrumentov (po materialam golotsenovykh kompleksov Severnogo Priangar'ya) [The new type of abrasive tools (on materials from the Holocene complexe of the Nothern Angara Region)]. *Vestnik of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2013, vol. 12, iss. 7: Archaeology and Ethnography, p. 77–86. (in Russ.)

Kharevich V. M., Stasyuk I. V., Akimova E. V., Kuksa E. N., Makhlaeva Yu. M., Gorel'chenkova O. A., Tomilova E. A. Itogi izucheniya stoyanki Ust'-Kova I (punkt 2) v Severnom Priangar'e [The results of studying archaeological site Ust'-Kova I (point 2) of Nothern Angara Region]. *Izvestiya Irkut. gos. un-ta. Ser. «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya»* [The Bulletin of Irkutsk State University: Series «Geoarcheology. Ethnology. Anthropology»], 2014, vol. 9, p. 126–140. (in Russ.)

Tsvetkova I. K. Ritual'nye «klady» stoyanki Volodary [Ritual «troves» from the site Volodary]. *Pamyatniki drevneishei istorii Evrazii* [Sites of ancient history of Eurasia]. Moscow, Nauka, 1975, p. 102–111. (in Russ.)

Bradley R. The passage of arms. An archaeological analysis of prehistoric hoards and votive deposits. Cambridge, Cambridge University Press, 1990, 234 p.

Д. А. Бычков¹, П. В. Волков^{1,2}

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

bda.nsk@yandex.ru

ПРИЗНАКИ КОНТРОЛИРУЕМОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОГНЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ НЕОЛИТА И ПАЛЕОМЕТАЛЛА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ) *

Современные полевые археологические исследования позволяют фиксировать значительное количество разнообразных пирогенных объектов: кострищ, прокалов, очагов и т. п. В связи с этим существует проблема определения генезиса данных объектов. Наблюдения и экспериментальные исследования показали, что следы горения, возникшие в результате целенаправленного использования огня, имеют мощность заполнения от 5 до 15 см. Для проверки этого предположения был проведен статистический анализ 220 пирогенных объектов с поселений неолита и палеометалла в Северном Приангарье. Применение методов описательной статистики позволило установить ряд взаимозависимостей между отдельными морфометрическими признаками. Было определено, что пирогенные объекты могут быть дифференцированы как следы контролируемого и неконтролируемого использования огня в зависимости от значений таких параметров, как мощность и слоистость заполнения, угловой коэффициент соответствия. Полученный результат может быть использован для дальнейшего изучения пирогенных объектов методами статистического анализа, верификации предположений о характере следов горения на определенном памятнике археологии и реконструкции отдельных пиротехнических устройств.

Ключевые слова: Северное Приангарье, неолит, палеометалл, использование огня, кострища, следы горения, поселения.

Использование огня древним человеком является одним из значимых эволюционных достижений. В ходе археологических исследований фиксируется значительное количество разнообразных свидетельств того, как человек использовал огонь в древности [James, 1989. Р. 2]. Одной из ключевых проблем изучения данных свидетельств является определение признаков антропогенного

происхождения. Поскольку древние следы горения пиротехнических устройств, расположенных вне каких-либо сооружений, имеют определенные внешние сходства со следами пожаров, неконтролируемых возгораний, то существуют трудности в их дифференциации в рамках изучения объектов археологического наследия. В данной работе предлагается методологический подход, согласно

* Исследование проведено в рамках госзадания в сфере научной деятельности (проект № 1.5041.2017/ВУ).

которому определяются дифференцирующие признаки изучаемых пирогенных объектов. Используя измеряемые значения данных признаков, будет возможно с определенной долей вероятности определить степень контролируемости процессов, которые детерминировали изучаемые объекты.

В 1993 г. Р. Белломо из университета Южной Флориды опубликовал результаты своего исследования, которые позволили перейти на качественно новый уровень в диагностике свидетельств контролируемого использования человеком огня в древности [Bellomo, 1993]. Работа носила междисциплинарный характер – применялись как общенаучные методы (эксперимент, наблюдение), так и методы естественнонаучного профиля (магнитометрическая съемка, определение остаточной намагниченности, анализ палеомагнетизма и т. д.). Одним из результатов данного исследования явилось определение «порогового значения» мощности заполнения, характерного для многократно прожигаемых кострищ (*multiple-burn campfires*), которое составляет диапазон от 5 до 15 см. Данный вывод был сделан на основании сравнительного анализа экспериментальных кострищ, зафиксированных при полевых исследованиях, и следов лесных пожаров.

Изучение Р. Белломо следов пожара в Йеллоустонском лесу (округ Вайоминг, США) показало, что горелые пни и другие подобные свидетельства естественных возгораний генерируют следы горения, прокол которых достигает в мощности не более 2–5 см. Ученый объясняет разницу в мощности заполнения у антропогенных и естественных возгораний величиной температурного воздействия. Так, костер как устройство для целенаправленного и контролируемого использования огня, генерирует максимум 600 °С, а в среднем порядка 400 °С. В то же время пни и другие подверженные возгораниям элементы ландшафта создавали тепловое воздействие максимум 250 °С, в среднем порядка 200 °С [Ibid. P. 533]. Основываясь на собственных наблюдениях, исследователь указывал на локализацию заполнения как на дифференцирующий признак. У объектов естественного происхождения заполнение однородное в профиле и аморфное в плане. Антропогенные объекты отличаются выраженной слоистостью заполнения, а в плане фиксируется определенная форма.

Результаты Р. Белломо говорят о том, что мощность заполнения порядка 5–15 см характерна для следов горения, расположенных во внежилищном пространстве археологических памятников и возникших в результате многократного и контролируемого использования огня. Аналогичными были выводы, сделанные А. М. Хаценович с соавторами на основании исследований кострищ стоянки Толбор-15 в Монголии – «пороговое значение» мощности прокала выявленных следов контролируемого использования огня определяется в диапазоне 10–15 см [Хаценович и др., 2015. С. 42–43].

Настоящее исследование проведено с целью верификации выводов о том, что мощность заполнения от 5 до 15 см характерна для следов контролируемого использования огня. Корреляция проводилась посредством наблюдения за встречаемостью данного признака у значительного количества пирогенных объектов, выявленных при полевых археологических исследованиях. Помимо этого ставилась задача определения дополнительных признаков, позволяющих проводить по ним дифференциацию. Ввиду дискуссионного характера ряда вопросов, затрагиваемых в настоящей работе, отдельно освещались проблемные ситуации, выявленные при проведении нашего исследования.

Для проверки предположения, основанного на результатах Р. Белломо, был необходим широкий банк статистических данных. Источником для его создания послужили материалы полевых исследований в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС на Ангаре, которые проводились в 2007–2012 гг. в Северном Приангарье [Деревянко и др., 2015]. Выбор источника был обусловлен спецификой проводимых работ, в ходе которых памятники исследовались широкими площадями, в отличие от «классических» исследований, когда изучаются «жилищные комплексы с небольшим прилегающим пространством, тогда как большая часть площади поселения остается за пределами раскопа» [Нестерова, Ткачев, 2011. С. 67]. Изучение памятников широкими площадями позволило зафиксировать большое разнообразие пространственных структур, которые до этого изучались фрагментарно. На основе данных материалов была составлена выборка из 220 следов горения на грунте, расположенных в культуросодержащих отложениях неолита и палеометалла на 19 различ-

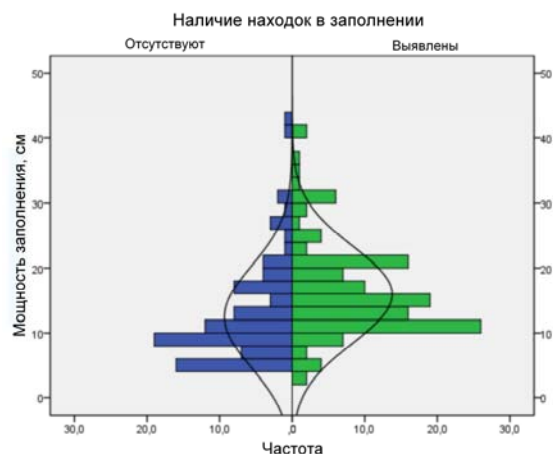

Рис. 1. Соотношение мощности заполнения следов горения с наличием в них предметов материальной культуры

ных археологических памятниках¹. Выборка сформирована исключительно из объектов, расположенных за пределами каких-либо сооружений, поскольку только для них актуально определение характера их генезиса. Статистический анализ выборки проводился методом сопряженностей и «ближайшего соседа» с использованием программ PASW Statistics 18 и STATISTICA 8.0.

Мощность заполнения следа горения на грунте – наиболее устойчивый, сохраняющийся у разновременных памятников признак. В проводимой верификации он будет использован при сопоставлении мощности прокала пироженного объекта с наличием находок в его заполнении. Обнаруженные предметы материальной культуры – надежный аргумент в его интерпретации как возникшего в результате контролируемого использования огня древним человеком. Наибольшее количество (59 %) следов горения, не вмещающих в своем заполнении предметов материальной культуры, имеют мощность заполнения до 10 см (рис. 1). Напротив, большая часть (84 %) следов горения, вмещающих в себя различные артефакты, имеют мощность заполнения более 10 см. Данное наблюдение показывает, что материальные свидетельства жизнедеятельности древнего человека концентрируются пре-

имущественно на пироженных объектах со значительной мощностью заполнения. Это может быть объяснено наблюдениями, сделанными при проведении многократных экспериментов – когда мы чем-либо заняты у костра, то всегда следим за ним, подкладывая поленья, упорядочивая догорание головешек, т. е. осуществляем контроль над процессом горения. Следовательно, это является аргументом в пользу фиксации «порогового значения» мощности заполнения в 10 см для следов контролируемого использования огня.

При проведении экспериментальных исследований сигнальных кострищ на городище Усть-Черная в Юго-Восточном Забайкалье нами было замечено, что пиротехнические устройства, чей процесс горения никак не контролируется человеком и на него воздействует только фактор ветра, господствующего на данном участке ландшафта, генерируют определенный след на грунте. В таких условиях форма следа горения вытянута по направлению господствующего ветра. Как правило, потоки воздуха близ земной поверхности поднимаются по склонам. Места обитания человека располагаются преимущественно в верхней части положительных форм рельефа. Поэтому предполагается, что трассы воздушных потоков *de facto* проходят по склону от нижней точки к верхней. Как показала серия проводившихся в Забайкалье экспериментов, при участии человека в процессе горения форма и направление вытянутости следа горения будет иной.

Для того чтобы выразить разницу в числовом эквиваленте между различными следами горения – вытянутом по склону и вытянутом в отличном от него направлении, предлагается расчетный параметр, названный угловым коэффициентом соответствия (далее УКС). Это коэффициент, отражающий отношение между двумя пересекающимися прямыми, которое является тангенсом угла между ними. В данном случае прямыми являются вектор вытянутости следа горения и вектор вытянутости участка рельефа, на котором расположен след горения (рис. 2, 4, 5). Любой след горения имеет продольную ось, по которой проводится вектор вытянутости. Форма рельефа на разных участках также имеет множество векторов – направление склонов, протяженность и т. д. Для расчета берется вектор,

¹ НА ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 387–394; 397–398; 400; 409–412; 413–414; 434–435; 436–437; 450–457; 466–475; 522–530; 539–544; 609–611; 612–613; 622–625; 651–660.

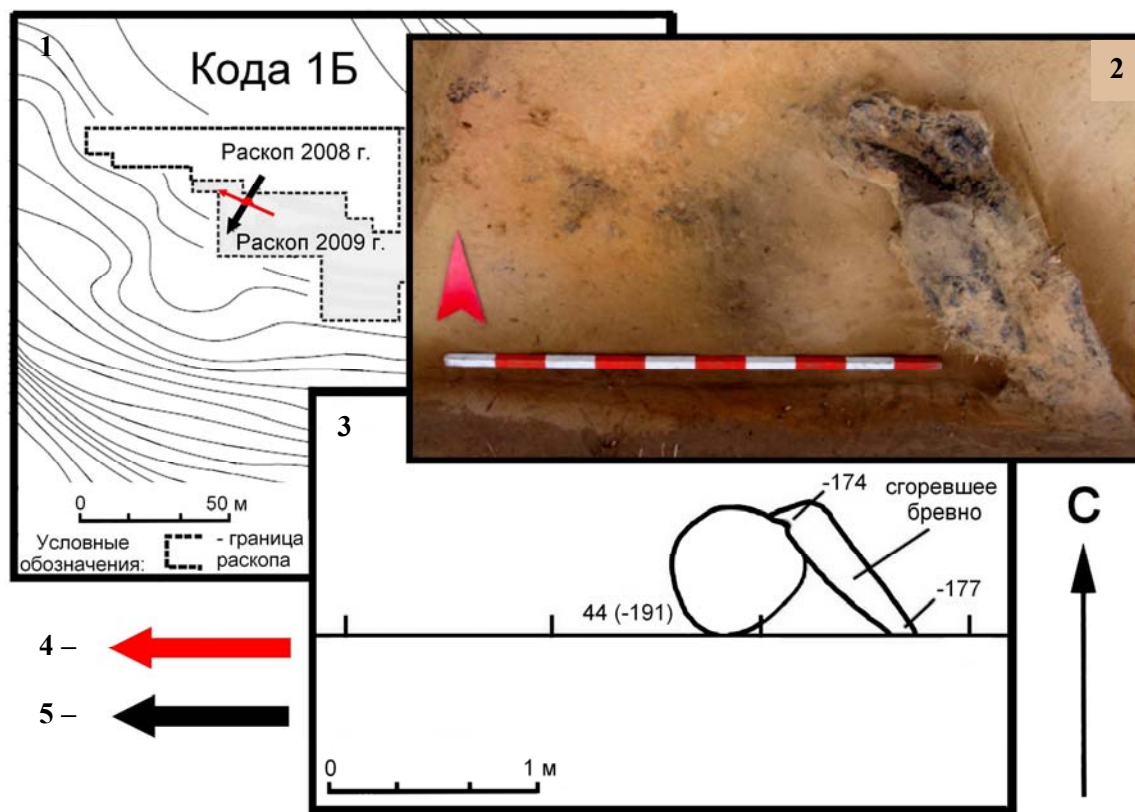

Рис. 2. След горения на разных уровнях фиксации: фотография объекта, план сектора раскопа, план памятника: 1 – фрагмент топографического плана памятника Кода 1Б с отметкой вектора вытянутости следа горения; 2 – фотография прокала с остатками сгоревшего бревна, вытянутого в северо-западном направлении; 3 – фрагмент плана участка 6 с обозначением выявленного следа горения; 4 – обозначение вектора вытянутости следа горения; 5 – обозначение вектора вытянутости участка рельефа (использованы материалы: НА ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 400. Л. 6, 56, 57)

определяющий форму интересующего участка рельефа.

С целью верификации дифференцирующей возможности данного параметра и его корреляции с другими признаками объектов, включенными в выборку, было проанализировано его соотношение с наличием предметов материальной культуры в заполнении объектов. В результате наблюдалась следующая зависимость: преимущественная часть (64 %) объектов, в заполнении которых не выявлено предметов материальной культуры, имели УКС менее 0,6. Превосходящая часть (73 %) объектов, в заполнении которых выявлены предметы материальной культуры, имели значение УКС более 0,6 (рис. 3). На основании этого можно заключить, что для следов горения, возникших в результате контролируемого использования огня, «пороговым значением» УКС является 0,6.

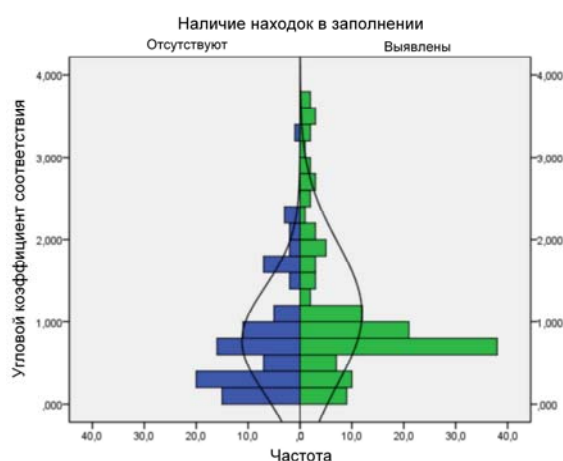

Рис. 3. Соотношение углового коэффициента соответствия следов горения с наличием предметов материальной культуры в заполнении

Приведенные выше результаты статистического анализа показывают, что такие

параметры изучаемых объектов, как мощность заполнения и УКС, имеют общую зависимость относительно наличия в заполнении предметов материальной культуры. При анализе методом «ближайшего соседа» данных признаков в совокупности с маркировкой объектов по признаку слоистости их заполнения, был установлен ряд определенных закономерностей (рис. 4). Во-первых, большинство однослойных и многослойных объектов локализуется отдельными группами. Следовательно, различные по слоистости объекты различаются по диапазону значений мощности заполнения и УКС. Во-вторых, на приведенном графике видно, что следами горения со значениями мощности заполнения более 9 см и значениями УКС более 0,6 являются многослойные объекты. Следовательно, третьим признаком контролируемого использования огня является слоистость сохранившегося следа горения. Как показывает исследование Р. Белломо, контролируемое использование огня в форме открытых пиротехнических устройств формирует заполнение следа горения с несколькими прослоями [Bellomo, 1993. Р. 550]. В-третьих, из данных графика видно, что в зонах соответствующих значений УКС менее 0,6, мощности заполнения более 9 см и УКС более 0,6, мощности заполнения менее 9 см концентрируется наименьшее количество объектов. Это наблюдение свидетельствует о биполярном характере выявленной закономерности распределения объектов по значениям мощности заполнения и УКС.

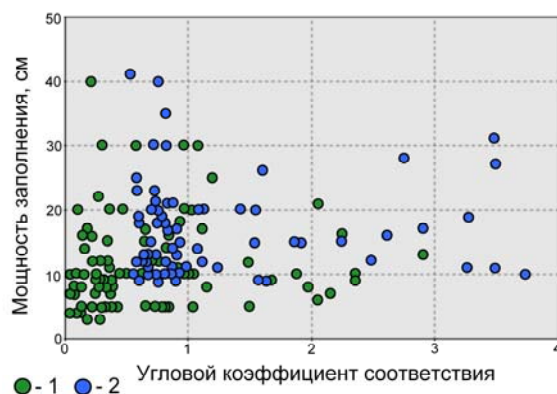

Рис. 4. Распределение следов горения по значениям мощности заполнения и УКС, маркированных по слоистости заполнения: 1 – однослойное заполнение; 2 – многослойное заполнение

Проблема идентификации следов горения как свидетельств контролируемого использования огня в современной археологической науке является достаточно дискуссионной, и поэтому необходимо обозначить основные проблемные зоны, которые затрагивает настоящая работа. В первую очередь нужно прояснить ряд вопросов, связанных с таким признаком, как мощность заполнения. Главным здесь является вопрос о том, за какой промежуток времени и при каком термическом воздействии образуется заполнение определенной мощности. В настоящее время в отечественной науке нет ответов на данный вопрос. Комплексных исследований с целью изучения генезиса пирогенных объектов в археологическом контексте не проводилось, а в научной литературе упоминания об аналогичных или подобных исследованиях, проводимых за рубежом, крайне редки. Поэтому признак «мощность заполнения» может не оцениваться как определяющий, поскольку не до конца понятна природа его формирования у изучаемого объекта.

Закономерность образования прокала и залегания продуктов горения симметрично направлению господствующего ветра была выявлена нами и подтверждена в результате серии экспериментов, проводимых в разных условиях и на разных территориях [Мингалев, Чирков, 2008. С. 56]. При этом каждая из серий экспериментов проводилась в определенной геоморфологической обстановке – в каждом случае экспериментальные площадки располагались либо только на слоне, либо только на опушке леса и т. д., т. е. в узко определенных условиях. Не учитывались также возможные сезонные изменения в направлении господствующего ветра. Например, на поселенческом памятнике при полевых исследованиях выявлено значительное количество следов горения с разной мощностью заполнения и слоистостью. При статистическом анализе их параметров было установлено, что наблюдаются объекты с многослойным заполнением более 10–15 см и значением УКС менее 0,6. Следовательно, выявляется несовершенство математической модели УКС, которое не позволяет только по одному этому критерию интерпретировать зафиксированные следы горения.

Критерий слоистости заполнения определяется довольно широко. Поскольку физико-химические особенности формирова-

ния следов горения окончательно не выяснены, то разные исследователи могут по-разному определять слоистость заполнения изучаемого объекта. Прежде всего, это связано с тем, как понимается слоистость пирогенного объекта. Дело в том, что в разных физико-химических условиях формирование следа горения после одного эпизода использования пиротехнического устройства протекает по-разному. Например, в условиях подзолистых почв таежной полосы Западной Сибири образуется только одна прослойка, состоящая из углисто-золистых отложений. А в условиях Пермского Предуралья сформируется линза прокала, перекрываемая продуктами сгорания древесины [Мингалев, Чирков, 2008. С. 57]. Для археолога определение слоистости заполнения имеет единственное значение: установление количества эпизодов использования пиротехнической конструкции, необходимого для формирования изучаемого следа горения. Следовательно, знание локальной специфики и физико-химических свойств культуросодержащих отложений, понимание природы прокаливания почвы и последующей археологизации являются абсолютно необходимыми для адекватного определения критерия слоистости заполнения у изучаемых объектов.

Таким образом, в результате проведения статистического анализа следов горения, расположенных во внежилищном пространстве археологических памятников Северного Приангарья, нами проведена верификация выдвигаемого предположения и установлены закономерности взаимоотношений таких морфометрических признаков следов горения, как мощность заполнения, угловой коэффициент соответствия и слоистость заполнения. Определены «пороговые значения» – 9 см для мощности заполнения и 0,6 для УКС. Таким образом, для следов контролируемого использования огня характерна мощность заполнения от 9 см, УКС более 0,6 и преимущественно многослойное заполнение. Следы неконтролируемого использования огня, наоборот, имеют мощность заполнения до 9 см, УКС менее 0,6 и однослойное заполнение. В результате выявления этих закономерностей установлено, что мощность заполнения, УКС и слоистость заполнения при указанных зна-

чениях и в своей совокупности являются признаками контролируемого использования огня на открытом пространстве.

Данные закономерности и «пороговые значения» морфометрических признаков следов горения на грунте позволяет проводить их дифференциальную диагностику в масштабах от отдельно взятого археологического памятника до территориальной единицы. Выделение следов контролируемого использования огня в определенном культурно-хронологическом и региональном контексте позволит провести верифицируемое исследование техники, технологии и стратегии использования огня древним населением на изучаемой территории.

Список литературы

Деревянко А. П., Цыбанков А. А., Постнов А. В., Славинский В. С., Выборнов А. В., Зольников И. Д., Деев Е. В., Присекайло А. А., Марковский Г. И., Дудко А. А. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 564 с.

Мингалев В. В., Чирков М. В. Эксперименты по археологизации разнотипных кострищ и очагов // Вестн. Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2008. № 2. С. 53–61.

Нестерова М. С., Ткачев А. А. Очажные устройства в структуре поселенческих комплексов пахомовской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1. С. 63–71.

Хаценович А. М., Рыбин Е. П., Гунчинсун-рэн Б., Олсен Д. В. Кострища стоянки Толбор-15: планиграфия поселения и деятельность человека в ранней стадии верхнего палеолита Монголии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. С. 38–49.

Bellomo Randy V. A Methodological Approach for Identifying Archaeological Evidence of Fire Resulting from Human Activities // Journal of Archaeological Science. 1993. Vol. 20. P. 525–553.

James Steven R. Hominid Use of Fire in the Lower and Middle Pleistocene // Current Anthropology. 1989. Vol. 30. P. 1–26.

Список источников

Научный архив Института археологии и этнографии СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 387–394; 397–398; 400; 409–412; 413–414; 434–

435; 436–437; 450–457; 466–475; 522–530; 539–544; 609–611; 612–613; 622–625; 651–660.

Материал поступил в редколлегию 21.11.2017

P. V. Volkov^{1,2}, D. A. Bychkov²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

bda.nsk@yandex.ru

**ATTRIBUTES OF CONTROLLED-USE OF FIRE:
BASED ON MATERIALS DISCOVERED IN SETTLEMENTS OF NEOLITHIC
AND PALEOMETAL AGES IN NORTHERN ANGARA REGION**

Purpose. Modern field archaeological studies allow recording a large number of different burning traces: fireplaces, combustion features, hearths, etc. There is a problem of determining the genesis of these objects during excavation and desktop processing of materials. Burning traces from the fires of ancient man and burnt stumps can seem outwardly similar when discovered at the excavation site. Analytical and experimental studies have shown that the traces of burning differ in the thickness of filling, where the thickness from 5 to 15 cm can be a «dividing line» between the controlled and permanent use of fire. Our monitoring of the buried evidences of forest fires has shown that burning traces of burnt stumps and other object have the filling depth of about 2–5 cm. The purpose of this study is to verify the thickness of filling as a differential feature. The subject matter of the study is to identify the signs associated with the thickness of filling, provide the analysis of their interrelations, and give the definition of «threshold requirement». This was done by means of statistical analysis on a wide range of objects. Substantial archival sources were involved in this study.

Results. We conducted statistical analysis of 220 burning traces in order to verify our assumption. The objects were identified in 19 settlements of Neolithic, Bronze and Early Iron Age in the Northern Angara region. We established interrelationships between individual morphometric features of the samples and determined that the filling depth correlates with the angle compliance coefficient and lamination of filling. The use of statistical methods has made it possible to determine the «threshold requirement» for differentiating the objects under study. The traces of controlled use of fire have a multilayered filling capacity of more than 9 cm and an angular compliance coefficient of more than 0.6. The traces of burning with a fill depth of less than 9 cm and an angular matching coefficient of less than 0.6 are interpreted as traces of uncontrolled use of fire, which indicates that no external influence was exerted on the process of combustion.

Conclusion. Presently, archaeology faces issues of interpreting the use of fire by man in antiquity. As our research shows, they can be solved by a comprehensive study of the burning traces that can be differentiated into traces of controlled and uncontrolled use of fire identified with instrumental methods. We can study combustion features by methods of statistical analysis, verify the hypotheses on the nature of burning traces at a certain archaeological site and reconstruct individual pyrotechnic devices. The results of statistical analysis are applied to the interpretation of combustion features. An unambiguous assessment study of combustion features is impossible if we have not obtained all the necessary measurements.

Keywords: Northern Angara Region, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, use of fire, fireplaces, combustion features, settlements.

References

Bellomo Randy V. A Methodological Approach for Identifying Archaeological Evidence of Fire Resulting from Human Activities. *Journal of Archaeological Science*, 1993, vol. 20, p. 525–553.

Derevyanko A. P., Tsybankov A. A., Postnov A. V., Slavinskii V. S., Vybornov A. B., Zol'nikov I. D., Deev E. V., Prisekailo A. A., Markovskii G. D., Dudko A. A. Boguchanskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya: ocherk polevykh issledovaniy (2007–2012 gody) [Boguchan archaeological expedition: overview of field research (2007–2012)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2015, 564 p. (in Russ.)

James Steven R. Hominid Use of Fire in the Lower and Middle Pleistocene. *Current Anthropology*, 1989, vol. 30, p. 1–26.

Khatsenovich A. M., Rybin E. P., Gunchitsuren B., Olsen D. V. Kostrishcha stoyanki Tolbor-15: planigrafiya poseleniya i deyatel'nost' cheloveka v rannei stadii verkhnego paleolita Mongolii [Hearths of Tolbor-15 site: the planigraphy of settlement and human activity in Early Upper Paleolithic of Mongolia]. *Vestnik of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2015, vol. 14, iss. 7: Archaeology and Ethnography, p. 38–49. (in Russ.)

Mingalev V. V., Chirkov M. V. Eksperimenty po arkheologizatsii raznotipnykh kostrishch i ochagov [Experiments on archaeological interpretation of polytypical fireplaces and hearths]. *Vestnik Muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya* [Bulletin of Museum of archaeology and ethnography of Perm' Cis-Ural Region], 2008, no. 2, p. 52–61. (in Russ.)

Nesterova M. S., Tkachev Al. Al. Ochazhnye ustroystva v strukture poselencheskikh kompleksov pakhomovskoi kul'tury [Hearths devices in structure of Pakhomovo culture settlement complexes]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. Tyumen', IPDN SD RAS Publ., 2011, no. 1, p. 63–71. (in Russ.)

И. А. Дураков

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия*

Idurakov@yandex.ru

СЕРИЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ЛИТЕЙНОМ ДЕЛЕ БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ *

Представлены результаты исследования цветной металлообработки раннего железного века населением лесостепной зоны Западной Сибири. Для культур этого времени характерны развитые приемы работы с цветными металлами, а также значительная степень стандартизации продукции. Комплексный анализ материалов большереченской культуры позволил выявить признаки существования в ее экономике крупносерийного бронзолитейного производства. Все изученные изделия датированы в пределах V–IV вв. до н. э. По всей видимости, в этот период на территории распространения большереченской культуры появились мастерские, ориентированные на изготовление крупных серий высокохудожественных отливок, обслуживавшие многочисленную группу потребителей. Одним из вероятных районов их локализации является зона ленточных боров, расположенных вдоль Оби – основной транспортной артерии региона. Перемещение изделий происходило на многие сотни километров, т. е. такая продукция, видимо, была рассчитана на значительный круг потребителей, проживающих на обширной территории.

Ключевые слова: Западная Сибирь, ранний железный век, бронзолитейное дело, серийное производство, металлургические литейные модели.

Для культур раннего железного века Западной Сибири характерна довольно развитая цветная металлообработка, предполагающая концентрацию производства и серийный выпуск литейной продукции. Исследователи отмечали присутствие специализированных бронзолитейных участков на целом ряде памятников этого времени [Троицкая, Бородавский, 1994. С. 53–54; Могильников, 1997. С. 100; Полосьмак, 1987. С. 49–50, 101. Рис. 45; Троицкая, 2005. С. 65; Симонов, Ширин, 2006]. Однако одновременно подчеркивалась очень высокая вариабельность изделий при большей, чем в

эпоху бронзы, стандартизации продукции металлообработки [Гришин, 1960. С. 172]. Часто литые предметы, составляющие целостные наборы, имеют различный химический состав и, видимо, происходят из разных мест производства [Троицкая, Галибин, 1983. С. 38]. Находки отливок, выполненных в одной форме или по одной модели, встречаются крайне редко, хотя уровень производства, устойчивость производственных традиций и изобразительных приемов, распространенных в скифо-сибирской металлопластике, предполагают наличие налаженного серийного производства. На это

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

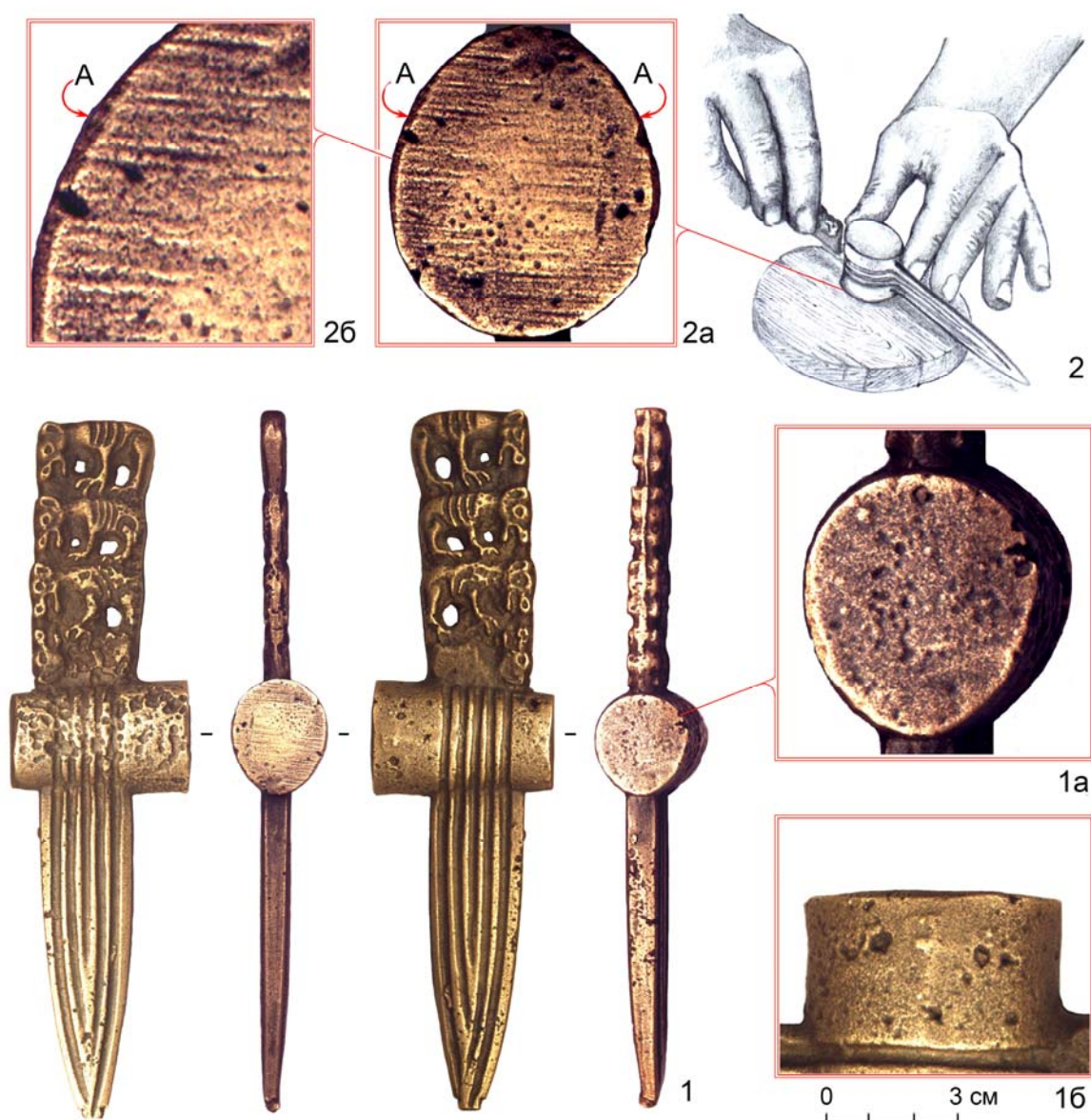

Рис. 1. Металлическая модель чекана из Новосибирской области:

1 – литейная модель (1a–1б – следы лепки пластичного материала); 2 – реконструкция процесса изготовления комбинированной модели на поворотной площадке (2a–2б – отпечаток структуры древесины, перешедший на отливку с модели; А – следы деформации пластичного материала)

же указывают и прослеживаемые на отливках следы применения моделей многоразового использования, сделанных из твердых материалов: металла, дерева, рога или кости [Дураков, 2001. С. 76–78]. Однако сами модели единичны – нам известен всего один случай нахождения в Новосибирском Приобье подобного предмета литейного оборудования [Троицкая, 1979. С. 27–28. Табл. XXIX, 2]. Результаты детального изучения таких и любых иных свидетельств

металлолитейного производства в регионе представляют значительный научный интерес в указанном выше контексте и обладают высокой степенью исследовательской актуальности, в том числе в качестве цели настоящей статьи

Важным свидетельством в этой связи является металлическая формовочная модель для отливки чекана, декорированного в скифо-сибирском зверином стиле (рис. 1, 1). По первому сообщению, изделие найдено

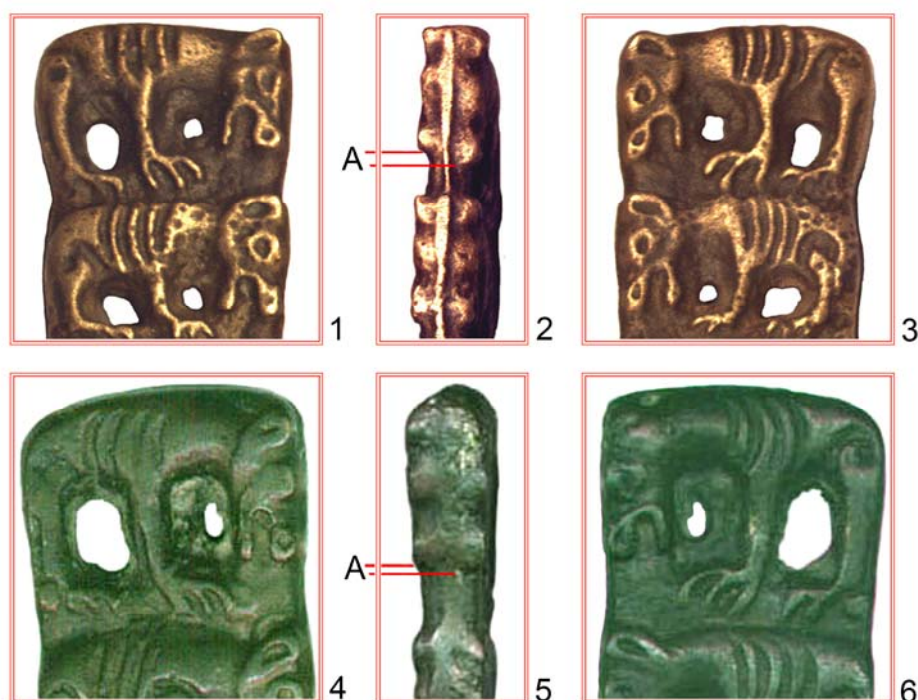

Рис. 2. Детали рельефа обуха чеканов из Новосибирского Приобья (без масштаба): 1, 3 – модель чекана (случайная находка из Новосибирского Приобья); 2 – модель чекана (случайная находка из Новосибирского Приобья) (А – дефект отливки, полученный вследствие перекоса створок формы); 4, 6 – чекан из могильника Новый Шарап-2; 5 – чекан из могильника Новый Шарап-2 (А – дефект отливки, полученный вследствие перекоса створок формы)

на территории Новосибирской области [Троицкая и др., 1980. С. 149]. Впоследствии В. И. Молодин уточнил, что оно происходит из Ордынского района этой области [1992. С. 104–105]. Более точно место находки установить не удалось.

Общая длина модели 17,3 см, из них на боек приходится 7,2 см, на обух – 6,4 см. Отверстие во втулке отсутствует. Боек плоский, орнаментирован глубокими рельефными желобками. Обух украшен стоящими друг над другом рельефными фигурами трех хищников; внизу у самого его основания изображена голова четвертого.

Изделие имеет серьезные литейные дефекты. Рельеф на одной из сторон отливки сильно поврежден газовыми раковинами (см. рис. 1, 1). Данный тип литейного брака вызывается, как правило, низкой газопроницаемостью, повышенным газовыделением, недостаточной просушкой формы [Атлас..., 1957. С. 18, 82; Головин, 1960. С. 350; Магницкий, Пирайнен, 1996. С. 128].

Вызывают интерес прослеженные на отливке следы изготовления первичной моде-

ли, представляющей собой комбинированную конструкцию, состоящую из трех полученных разными способами деталей: втулки, бойка и обуха.

Втулка сформована из пластичного материала в технике лепки. На это указывают следы, характерные для вылепливания объемной фигуры руками, а также признаки заглаживания поверхности, хорошо заметные на ее верхней стороне (рис. 1, 1а). Параллельные линии рельефа, переходящие на втулку с плоскостей бойка, выполнены в технике прочерчивания-продавливания, также характерной для мягкого материала (рис. 1, 1б).

На нижней поверхности втулки фиксируется отпечаток мелкослойной структуры дерева – годовичных колец (рис. 1, 2, 2а, 2б). Видимо, восковая модель формировалась на деревянной подставке (рис. 1, 2). На основании сохранились следы деформации края втулки, произошедшие при поворачивании модели на подставке в процессе лепки (рис. 1, 2аА, 2бА). Структура дерева, отпечатавшаяся на поверхности деформирован-

ного участка, свидетельствует о том, что был смят край именно модели, а не отливки. Отпечаток стенок формы и литейные дефекты перекрывают следы изготовления модели.

При моделировании обуха была использована отлитая ранее (по пластичной модели) ажурная металлическая планка (рис. 2). На это указывает то, что грубый и очень широкий литейный шов, а также смещение относительно друг друга двух половинок отливки, образовавшееся вследствие продольного перекоса створок формы, прослеживаются только на обухе (рис. 2, 2А). На всей остальной части изделия шов практически не заметен, отсутствуют и следы перекоса. Очевидно, вышеописанные дефекты перешли на отливку в виде отпечатка с первичной модели.

Модель обуха была воткнута во втулку и закреплена наклепом пластичного материала, хорошо заметным на отливке у основания обуха (рис. 3).

Боек модели оружия изготовлен в технике резьбы по дереву. На это указывают следы работы тонкой стамески с узким полукруглым лезвием, прослеживаемые на плоскости бойка с обеих сторон (см. рис. 1, 1). Четко фиксируется сужение желобка от лезвия стамески на конце бойка, типичное при работе данным инструментом от себя. Следы погружения лезвия стамески в дерево скрыты в наклепленной на боек втулке, сохранились только места ее выхода при завершении проведения желобка.

Исходя из этих признаков, последовательность действий при производстве модели восстанавливается таким образом: пер-

воначально из дерева вырезались «жесткие» детали модели (возможно, они входили в модельный комплект мастера и использовались многократно в различных комбинациях); затем из пластичного материала на деревянной площадке формовалась втулка будущего чекана, причем «жесткие» детали вмуровывались в ее поверхность; после этого на втулке были прочерчены линии рельефа и модель уже была готова к употреблению.

Металлические модели в процессе плавки выдерживают производство значительного количества копий и применяются при крупносерийном производстве, так как иначе расход металла и трудозатраты на их изготовление «не окупятся». Следовало бы ожидать высокую встречаемость подобного оружия в материалах культур раннего железного века Новосибирского Приобья. Действительно, очень близкий по форме клевец найден в погребении № 5 кургана 2 могильника большереченской культуры Новый Шарап-2 (рис. 4, 1). Могильник расположен на надпойменной террасе левого берега Оби, в 5 км к югу от с. Новый Шарап Ордынского района Новосибирской области [Троицкая и др., 1980. С. 96].

Сведения об этом изделии неоднократно публиковались [Троицкая, 1972. С. 20. Рис. 4, а; Троицкая, Бородовский, 1994. С. 35. Табл. XXV, 11]. Клевец намного крупнее вышеописанной модели и не мог быть отлит с ее использованием: общая длина изделия 23,8 см, из них на боек приходится 12,3 см, а на обух – 8,4 см. Клевец явно использовался по назначению. Об этом свидетельствует заметная трещина у основания обуха,

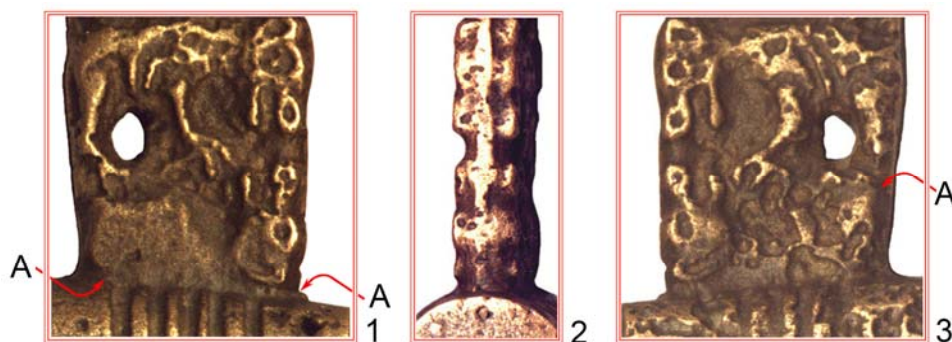

Рис. 3. Детали чеканов из Новосибирского Приобья (без масштаба): 1, 3 – основание бойка модели чекана (А – следы наклепа при прикреплении модели бойка к втулке); 2 – основание бойка модели чекана

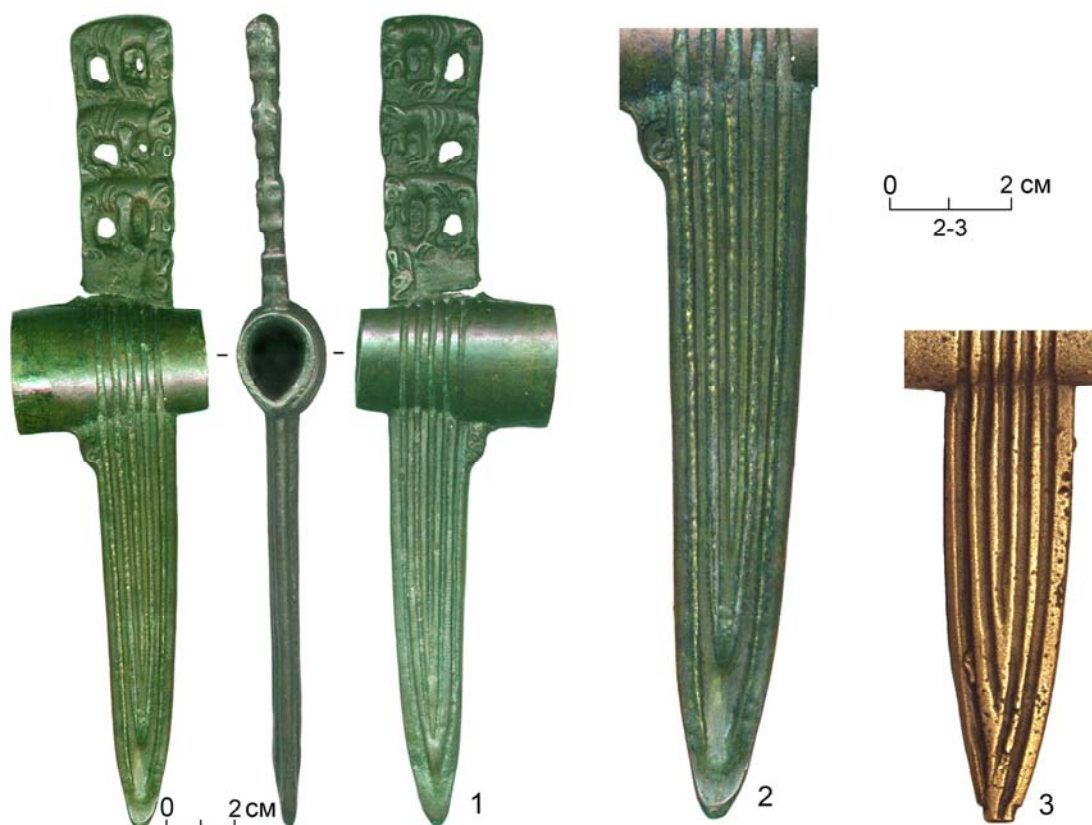

Рис. 4. Чекан (1) и боек чекана (2) из погребения № 5 кургана 2 могильника Новый Шарап-2; боек литейной модели (3) чекана из Новосибирского Приобья

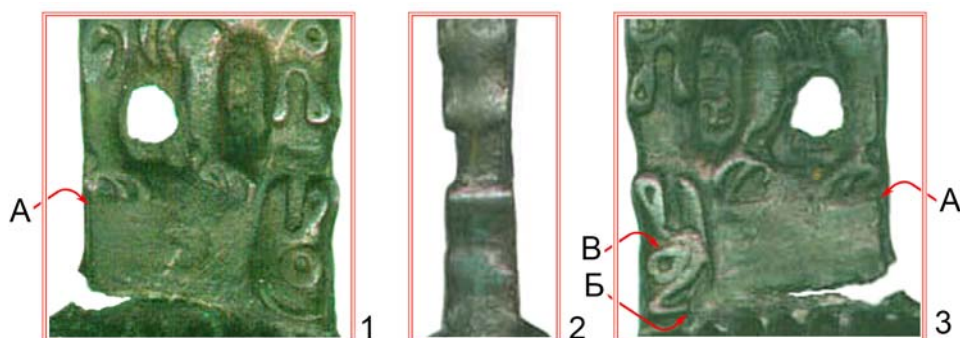

Рис. 5. Детализация чеканов из могильника Новый Шарап-2 (без масштаба): 1, 2 – основание бойка чекана; 3 – основание бойка чекана (А – следы налета при прикреплении модели бойка к втулке; Б – наложение материала налета на детали рельефа модели бойка; В – следы лепки пластичного материала модели)

полученная вследствие накопления механического напряжения от серии сильных ударов о твердую поверхность (рис. 5).

С первого взгляда видно поразительное сходство обоих изделий – совпадают не только сюжет, но и технические особенности нанесения украшающего их рельефа

(различаются лишь размеры и незначительные детали изображения – так, у основания бойка клевца из Нового Шарапа прослеживается миниатюрная головка орла, отсутствующая на модели). В обоих случаях на обухе отлиты стоящие друг над другом рельефные фигуры трех хищников, внизу

у самого основания обуха изображена голова четвертого (см. рис. 3, 1, 3; 4, 1, 3). Подчеркнуты широко открытые пасти животных и трехпалые лапы с гипертрофированными когтями. Большинство исследователей склонны видеть в этих животных медведей [Троицкая и др., 1980. С. 149; Молодин, 1992. С. 104–105; Троицкая, Бородовский, 1994. С. 35]. Совпадают также и особенности изготовления моделей для отливки обоих изделий. Боек и втулку модели чекана из Нового Шарапа изготовили из пластичного материала, на что указывают следы прочерчивания украшавшего их рельефа (рис. 4, 2). Работа производилась тонким орудием с острым подтреугольным рабочим краем. Фиксируется характерное сужение желобка на выходе орудия из пластичной массы. Обух, по всей видимости, был отлит по восковой модели, на что указывают, например, следы формовки глаз хищников из тонких восковых жгутов (хорошо заметны следы наложения их концов друг на друга) (см. рис. 5, 3В). Он крепился к втулке при помощи налепа, точно так же, как и на описанной выше бронзовой модели. Отличием является только то, что у модели налеп совершенно бесформенный, а у новошарапского клевца эта деталь оформлена в правильный прямоугольник (см. рис. 3, 4; 5, 3А). Следы наложения налепа на детали рельефа обуха указывают на его более позднее происхождение (см. рис. 5, 3Б).

Погребение с чеканом могильника Новый Шарап-2 датируется в пределах V–IV вв. до н. э. [Троицкая, 1970. С. 216]. Видимо, к этому же времени следует отнести и литейную модель чекана из Новосибирской области.

Таким образом, на изделиях прослеживается наложение следов от разных производственных процессов: изготовления модели, формовки литейной формы, литья и использования готового орудия. При изготовлении форм для обоих чеканов применялись комбинированные модели, сочетавшие пластичные и жесткие детали. Использовались одинаковые приемы изготовления и близкий инструментальный набор (см. рис. 4, 2–3). В связи с большим сходством изделий можно предположить, что они изготовлены по одному образцу, в одной мастерской и, возможно, одним мастером. Эти примеры свидетельствуют о том, что большереченские литейщики в качестве литейных штампов

использовали профессиональные высоко-специализированные модели, рассчитанные на широкое тиражирование отливок.

Еще одним свидетельством существования крупных центров бронзолитейного производства являются найденные на территории Приобья отливки, выполненные в одной форме. Нам известно два таких изделия, представляющие собой бляхи поясной гарнитуры в виде профильного изображения шагающего хищника.

Одна из них найдена в могиле № 2 кургана 6 могильника большереченской культуры Новый Шарап-1, расположенного на левом берегу Оби в 5 км к югу от с. Новый Шарап Ордынского района Новосибирской области [Троицкая и др., 1980. С. 96], т. е. практически в том же районе, что и описанный клевец из могильника Новый Шарап-2 (расстояние между памятниками составляет 100 м). Сведения о находке неоднократно публиковались, ее стилистика и семантика подробно разобраны [Троицкая, 1972. С. 17. Рис. 5, а; Молодин, 1992. С. 103–104. Рис. 101; Троицкая, Бородовский, 1994. С. 90–92. Табл. XVIII, 1]. Бляха отлита по восковой модели. Она представляет собой профильное изображение идущего рогатого хищного зверя (рис. 6, 1). Рога переданы декоративными завитками. На плече животного прослеживается округлое сквозное отверстие. Под нижней челюстью хищника помещена схематически изображенная голова барана. На оборотной стороне находятся две треугольные петельки для крепления бляхи к поясу. В литературе отмечена самобытность трактовки образа, несомненно, близкого к образцам классического звериного стиля, но дополненного местным северным колоритом [Молодин, 1992. С. 103–104].

В фондах Алтайского областного краеведческого музея хранится совершенно идентичная бляха с изображением рогатого хищника (инвентарный номер 13471/1) (рис. 6, 2). Изделие происходит из Новоалтайского могильника, расположенного на южной окраине г. Новоалтайска (Первомайский район Алтайского края). Сведения о бляхе опубликованы [Горбунов и др., 1997. Рис. 68, 1; Фролов, 2003. Рис. 1, 6; 2008. Рис. 140, 35].

Лицевые стороны обоих изделий совершенно одинаковы и различаются только литейными дефектами и механическими повреждениями (рис. 6). Бляха из Нового

Рис. 6. Бляхи, изготовленные в одной форме или по одной модели:
1 – бляха из могилы № 2 кургана 6 могильника Новый Шарап-1; 2 – бляха из Новоалтайского могильника

Шарапа имеет значительные заливки, вызванные, видимо, неплотной подгонкой створок формы, а также ряд повреждений – коррозия металла на морде животного. На новоалтайской бляхе фиксируются спай на рогах и недоливы декоративного завитка на крупе и одной из двух петель крепления (данные пороки вызваны низкой текучестью металла); отломлена голова барана, находившаяся под челюстями хищника.

Во всех остальных деталях бляхи полностью совпадают. Идентичны, например, достаточно небрежно проведенные в мягком материале модели линии рельефа когтей хищника. Видимо, бляхи либо отлиты в одной форме, либо восходят к одной формовочной модели. Восстанавливается даже последовательность их изготовления. Судя по состоянию рельефа, первой была отлита новоалтайская бляха, новшарапская, очевидно, несколько позже, когда тонкие детали формы уже несколько «замылились» от частого использования.

Следует отметить, что оборотные стороны изделий отличаются расположением и формой петель крепления. Это объясняется особенностями производственного процесса, исключающего сохранение оборотных

створок формы, так как петельки делались неизвлекаемыми. Поэтому при выбивке отливки лицевая створка сохранялась, и ее можно было использовать повторно, а обратная разрушалась, что приводило к необходимости изготавливать ее заново. Для этого рабочую полость заполняли пластичной массой (вероятнее всего, воском или смесью на восковой основе). Следы разглаживания этого материала хорошо заметны на оборотных сторонах отливок. Вылепливалась петелька, и вся конструкция покрывалась слоем формовочной глины, из которой формовали створку. Такой метод широко использовался в скифо-сибирском литейном деле, его вариант описан С. И. Руденко при реконструкции изготовления золотых пластин из сибирской коллекции Петра I [Руденко, 1962. С. 24–27].

Бляха из Нового Шарапа-1 датируется V–IV вв. до н. э. [Троицкая, Бородавский, 1994. С. 16], к этому же периоду относят и новоалтайскую находку [Фролов, Шамшин, 1999. С. 225]. Совершенно ясно, что разница в сроках их изготовления ограничивается временем эксплуатации одной керамической формы и не может превышать одного года. Количество отливок, выполненных в такой

форме, может достигать нескольких десятков.

Расстояние между Новым Шарапом и Новоалтайском составляет около 200 км по прямой и более 300 км, если двигаться по течению Оби: следовательно, продукция литейных мастерских могла перемещаться на очень большие расстояния и, видимо, была рассчитана на значительный круг потребителей, проживающих на обширной территории.

Таким образом, все изученные нами изделия (литейная модель, клевец и поясные бляхи), носящие признаки серийного производства, использовались в пределах V–IV вв. до н. э. По всей видимости, в этот период на территории существования большереченской культуры появились мастерские, ориентированные на изготовление крупных серий высокохудожественных отливок для обслуживания многочисленной группы потребителей. Из-за скудости археологических источников локализовать этот центр трудно, но исходя из смещения в его изделиях таежной и лесостепной скифо-сибирских изобразительных традиций, можно предположить, что он находился где-то на границах их распространения в зоне контакта и взаимодействия культур. Одним из вероятных районов локализации такого центра (или центров), в том числе с учетом необходимости использования значительного количества топлива при плавках, является зона ленточных боров, расположенных вдоль Оби – основной транспортной артерии региона, позволяющей как доставлять сырье, так и распространять готовую продукцию.

Список литературы

Атлас литейных пороков. Классификация, пороки общего типа, пороки отливок из серого чугуна. М.: Центральное бюро технической информации, 1957. Т. 1. 194 с.

Головин С. Я. Краткий справочник литейщика. М.; Л.: Машгиз, 1960. 375 с.

Горбунов В. В., Кунгуров А. Л., Кунгурова О. Ф., Шамшин А. Б. История Алтая. Барнаул: Позитив, 1997. Ч. 1. 240 с.

Гришин Ю. С. Производство в тагарскую эпоху // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. МИА. М.: АН СССР, 1960. № 90. С. 116–207.

Дураков И. А. Цветная металлообработка раннего железного века (по материалам Новосибирского Приобья). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2001. 314 с.

Магницкий О. Н., Пирайнен В. Ю. Художественное литье. СПб.: Политехника, 1996. 231 с.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Пушкинский научный центр РАН, 1997. 195 с.

Молодин В. И. Древнее искусство Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1992. 191 с.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 126 с.

Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I // Свод археологических источников. ДЗ-9. М.; Л.: АН СССР, 1962. 52 с.

Симонов Д. А., Ширин Ю. В. Бронзолитейная мастерская быстрянской культуры на р. Чумыш // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 122–136.

Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.

Троицкая Т. Н. Курган большереченской культуры // СА. 1970. № 3. С. 213–217.

Троицкая Т. Н. Новое жилище раннего железного века Верхнего Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 5. С. 64–66.

Троицкая Т. Н. Новосибирское Приобье в VII–IV вв. до н. э. // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1972. Вып. 38. С. 3–35.

Троицкая Т. Н., Бородавский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Троицкая Т. Н., Галибин В. А. Результаты количественного спектрального анализа предметов эпохи раннего железа Новосибирского Приобья // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1983. С. 35–47.

Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. 183 с.

Фролов Я. В. К вопросу о проявлениях изобразительных традиций скифо-сибирского звериного стиля в художественном бронзовом литье населения Приобья в эпоху железа // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири.

Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. Кн. 1. С. 210–220.

Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.

Фролов Я. В., Шамиин А. Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. С. 219–226.

Материал поступил в редколлегию 09.03.2016

I. A. Durakov

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev, Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation*

idurakov@yandex.ru

SERIAL PRODUCTION IN THE FOUNDRY INDUSTRY OF BOL'SHERECHYE CULTURE

Purpose. The early Iron Age cultures of Western Siberia are characterized by well-developed metal working with highly specialized foundry. There was a wide range of products made, and they had to keep up to certain standards. Among findings, castings of one form or those produced after one model are extremely rare, but the stability of production traditions and decorative techniques of this period presupposes that the production was standardized. This contradiction exists because of insufficient information on molding and casting foundry equipment in most cultures of the region. We aimed at identifying the attributes of standardization in foundry production and the level of specialization in bronze casting in the Bol'sherechye culture of the early Iron Age in Western Siberia.

Results. Complex analysis of the materials belonging to the Bol'sherechye culture revealed indirect signs that massive bronze production existed during that period. One of the evidences is the discovery of a bronze casting model of a hatchet hummer in the Novosibirsk Ob' Region. According to the results of trace evidence analysis, this product was manufactured using a combined model including plastic (wax) and hard (metal and wooden) parts. In general, metal foundry models were typically used while producing large series of castings as otherwise their production would not be profitable. Another sign of replicating is the fact of our finding a virtually identical hatchet hummer at the Bol'sherechye burial ground Novyi Sharap-2. We conclude that similar techniques and an equivalent set of instruments were used in manufacturing these products. Their similarity is so significant that we assume that they were made according to the same model, in the same workshop and, possibly, by one master. It should be noted that Bol'sherechye casters used highly professional models designed for large series of castings. Another evidence of bronze casting production oriented to the mass-market is our finding of castings from the Upper Ob' region made in one form or after one model. One of them comes from the Novyi Sharap-2 burial ground, the second was found at the Novoaltaisk burial ground, located 300 km upstream of the Ob' River. Both are dated as the 5–4th centuries BC.

Conclusion. All the findings of the serial production of foundry in the Bol'sherechye culture discovered are dated within the 5–4th centuries BC. Apparently, there were workshops focused on the production of large series of highly elaborated castings, which served large groups of consumers, and they were located on the territory where this culture was spread during that period. Products were transported from those workshops many hundred kilometers away, which suggests the presence of an extensive trade network. One of the possible areas where production centers could be localized was the zone of pine forests along the Ob River, which was the main traffic waterway of the region.

Keywords: West Siberia, the Early Iron Age, bronze casting, mass production, metal foundry models.

References

Atlas liteinykh porokov. Klassifikatsiya, poroki obshchego tipa, poroki otlivok iz serogo chuguna [Atlas of casting defects. Classification, General type defects, defects of castings made of grey cast iron]. Moscow, Tsentral'noe byuro tekhnicheskoi informatsii Publ., 1957, vol. 194 p. (in Russ.)

Durakov I. A. Tsvetnaya metalloobrabotka rannego zheleznogo veka (po materialam Novosibirskogo Priob'ya) [Nonferrous metal working of the early Iron Age (based on materials from the Novosibirsk Ob River area)]. Novosibirsk, NSPU Publ., 2001, 314 p. (in Russ.)

Frolov Ya. V. K voprosu o proyavleniyakh izobrazitel'nykh traditsii skifo-sibirskogo zverinogo stilya v khudozhestvennom bronzovom lit'e naseleniya Priobya v epokhu zheleza [On manifestations of art traditions of the Scythian-Siberian animal style in art bronze casting of the Ob population during the Iron Age]. *Istoricheskii opyt khozyaistvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoi Sibiri* [The historical experience of economic and cultural development of Western Siberia]. Barnaul, ASU Publ., 2003, kn. 1, p. 210–220. (in Russ.)

Frolov Ya. V. Pogrebal'nyi obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n. e. – II v. n. e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov) [Funeral rites of the population of Barnaul Ob region in the VI century BC – II century AD (according to data of ground burial)]. Barnaul, Azbuka Publ., 2008, 479 p. (in Russ.)

Frolov Ya. V., Shamshin A. B. Mogil'niki rannego zheleznogo veka Firsovskogo arkheologicheskogo mikrorayona (Firsovo III, XI, XIV) [The burial grounds of the early Iron Age in Firsovo archaeological district (Firsovo III, XI, XIV)]. *Itogi izucheniya skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii* [Results of the study of the Scythian period of Altai and adjacent territories]. Barnaul, ASU Publ., 1999, p. 219–226. (in Russ.)

Golovin S. Ya. Kratkii spravochnik liteishchika [A quick reference of a foundry man]. Moscow, Leningrad, Mashgiz Publ., 1960, 375 p. (in Russ.)

Gorbunov V. V., Kungurov A. L., Kungurova O. F., Shamshin A. B. Istoriya Altaya [The History Of Altai]. Barnaul, Pozitsiya Publ., 1997, part 1, 240 p. (in Russ.)

Grishin Yu. S. Proizvodstvo v tagarskuyu epokhu [Production in the Tagar epoch]. *Ocherki po istorii proizvodstva v Priural'e i Yuzhnoi Sibiri v epokhu bronzy i rannego zheleza. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Essays on the history of production in the Urals and southern Siberia in the Bronze Age and early Iron Age. Materials and research on the archaeology of the USSR]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960, no. 90, p. 116–207. (in Russ.)

Magnitskii O. N., Pirainen V. Yu. Khudozhestvennoe lit'e [Art casting]. St. Petersburg, Politehnika Publ., 1996, 231 p. (in Russ.)

Mogil'nikov V. A. Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroi polovine I tysyacheletiya do n. e. [The population of the Upper Ob area in the second half of the first Millennium BC]. Moscow, Pushkinskii nauchnyi tsentr RAN Publ., 1997, 195 p. (in Russ.)

Molodin V. I. Drevnee iskusstvo Zapadnoi Sibiri [Ancient art of Western Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1992, 191 p. (in Russ.)

Polosmak N. V. Baraba v epokhu rannego zheleza [Baraba in the early Iron Age]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 126 p. (in Russ.)

Rudenko S. I. Sibirskaya kollektsiya Petra I [Siberian collection of Peter I]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [A set of archaeological sources.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1962, vol. D3–9, 52 p. (in Russ.)

Simonov D. A., Shirin Yu. V. Bronzoliteinaya masterskaya bystryanskoi kul'tury na reke Chumysh [Bronze casting workshop of the Bystryanskaya culture on the River Chumysh]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoi Sibiri* [Study of historical and cultural heritage of the peoples of South Siberia]. Gorno-Altaysk, AKIN, 2006, iss. 3–4, p. 122–136. (in Russ.)

Troitskaya T. N. Kulaiskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e [The Koulay culture in Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk, Nauka, 1979, 124 p. (in Russ.)

Troitskaya T. N. Kurgan bol'sherechenskoi kul'tury [A kurgan of Bol'sherechye culture]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1970, no. 3, p. 213–217. (in Russ.)

Troitskaya T. N. Novoe zhilishe rannego zheleznogo veka Verkhnego Priob'ya [New dwelling of the early Iron Age of the Upper Ob region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2005, no. 5, p. 64–66. (in Russ.)

Troitskaya T. N. Novosibirskoe Priob'e v VII–IV vv. do n. e. [The Novosibirsk Ob region in the VII–IV centuries BC]. *Voprosy arkheologii Sibiri* [Issues of Archaeology of Siberia]. Novosibirsk, NSPI Publ., 1972, iss. 38, p. 3–35. (in Russ.)

Troitskaya T. N., Borodovskii A. P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya [Bol'sherechye culture forest-steppe Ob region]. Novosibirsk, Nauka, 1994, 184 p. (in Russ.)

Troitskaya T. N., Galibin V. A. Rezul'taty kolichestvennogo spektral'nogo analiza predmetov epokhi rannego zheleza Novosibirskogo Priob'ya [The results of quantitative spectral analysis of objects of early Iron Age of Novosibirsk Ob region]. *Drevnie gornyyaki i metallurgi Sibiri* [Ancient miners and metallurgists of Siberia]. Barnaul, ASU Publ., 1983, p. 35–47. (in Russ.)

Troitskaya T. N., Molodin V. I., Sobolev V. I. *Arkheologicheskaya karta Novosibirskoi oblasti* [Archaeological map of Novosibirsk oblast]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 183 p. (in Russ.)

Д. А. Ненахов

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

nenaxoffsurgut@mail.ru

ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ВТУЛОК КЕЛЬТОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СИБИРИ *

В раннем железном веке на территории Сибири складывалась технология тонкостенного литья «слепой» втулки бронзовых кельтов. В настоящей работе рассмотрена проблема устройства втулок таких кельтов на основе следов, оставленных от сердечников. Анализ более 300 единиц изделий позволил выделить десятки разнообразных признаков, 6 типов внутреннего оформления втулки и более 20 вариантов изготовления сердечников на территории Западной и Средней Сибири. Проведен морфологический анализ сердечников, разработана их типологическая схема. В итоге мы учитываем в устройстве втулок кельтов раннего железного века «шипообразные» выступы, встречающиеся на дне, поперечную перегородку, «уголок», «полозья», расположенные на широких стенках. Для нескольких экземпляров кельтов отмечено сразу несколько признаков. Это позволяет выделить «комбинированный» способ оформления сердечника. В рамках исследования удалось вычленить признаки, несущие территориальный характер, выявить преемственность некоторых технологических приемов изготовления поллой втулки.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Средняя Сибирь, ранний железный век, кельты, типология, морфология.

Развитие литейного производства с древнейших времен до современности шло в двух направлениях: поиск новых литейных сплавов и новых металлургических процессов, а также совершенствование технологии и механизации производства [Емельянова, 1986. С. 3]. Мастера раннего железного века Сибири не только владели устойчивыми и достаточными навыками литья, но и применяли определенные новации при изготовлении различных бронзовых предметов. В данной работе рассматриваются некоторые особенности многочастных литейных форм для отливки бронзовых кельтов на территории Сибири в это время.

Вопросы изготовления литейных форм и отливки кельтов раннего железного века Сибири рассматривались такими авторами,

как М. П. Грязнов, Ю. С. Гришин, И. А. Дураков, С. В. Кузьминых, А. О. Пронин, Я. И. Сунчугашев, В. Н. Чернецов, Е. Н. Черных и др. Проведена серия экспериментов (И. Г. Глушков и В. Г. Васильев [1994]) по отливке кельтов и вариантов работы с ними. Некоторые исследователи считали, что сибирские кельты отлиты с применением единых технологических приемов [Гришин, 1960. С. 153; Максименков, 1960. С. 148]. Тем не менее, не освещенными остаются еще немало проблем, которые требуют специального рассмотрения.

Обозначим ряд моментов для целостного восприятия процесса изготовления литейной формы и отливки в ней бронзового кельта.

Прежде всего речь пойдет о песчано-глиняных (порой и тальковых) многочастных

* Исследование проведено в рамках Программы XII.186.2. Проект № 0329-2018-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

одноразовых формах с литейным стержнем (сердечником). После подготовки формовочной смеси будущей формы методом ручной или модельной формовки в ней изготавливалась полость. Чаще всего для этих целей применялся оттиск по модели с последующей ручной доводкой (ушки, орнамент и пр.). Формовка происходила на земле или на «модельной плите». После изготовления из створки литейной формы удалялась матрица и процесс повторялся. Далее между створками зажимался глиняный сердечник. После усыхания (усадки) сердечник подрабатывали – подгоняли, укорачивали, налепляли упоры и т. п., затем снова зажимали между створками и обмазывали все глиной. Сверху устанавливали керамическую воронку, через которую впоследствии заливали металл, иногда сам сердечник оснащали литниковым каналом. Жидкий металл проникал в полость литейной формы, заполняя ее между стенками и сердечником. После отливки такую форму чаще всего разбивали. Особенно мелко приходилось разбивать сердечник, чтобы изъять его из втулки орудия. Возможно, именно поэтому сердечники – самый малочисленный предмет в археологических комплексах [Чернецов, 1947; Грязнов, 1956. С. 90–91. Табл. XXIII; Дураков, 1995].

Именно благодаря сердечнику получались полая втулка и тонкостенное литье. Из-за того, что сердечник был полностью окружен расплавленным металлом, на него приходилась большая нагрузка. В литейной форме металл, охлаждаясь, уменьшался в объеме. Сердечник оказывал сопротивление усадке металла, особенно при недостаточной податливости. Это вызывало в отливках внутреннее напряжение металла, которое могло вызвать трещины или коробление формы [Емельянова, 1986. С. 13].

На отлитых предметах (кельтах) с внутренней стороны втулки порой фиксируются выступы различных форм. Ю. С. Гришин упоминал о наличии горизонтальных «полосьев» на некоторых изделиях как результат применения многочастных сердечников для изготовления полой втулки [1960. С. 153]. Действительно, анализ коллекции минусинских кельтов (тагарских), а также опубликованных материалов с территории Западной и Южной Сибири показал, что существует большое количество различных выступов внутри втулок кельтов (рис. 1). Все они появлялись за счет дополнительных манипуляций с сердечником при его формовке.

Разнообразие форм и размеров этих элементов, фиксируемых во втулке, требует систематизации и классификации, что в дальнейшем позволит выявить причины их происхождения и реконструировать процедуру отливки. В качестве основания для классификации применяется морфологический анализ, позволяющий формализовать признаки исследуемого объекта [Клейн, 1987; Каменский, 1990]. Новизна исследования состоит в систематизации и классификации вариантов оформления сердечника и оставшихся элементов на внутренней стороне втулки кельта после отливки предмета. Упоры, крепившиеся на сердечник, в данной классификации не учитываются, поскольку это тема отдельного исследования.

Классификационная схема поделена на 4 таксономических кластера (ячейки): группа, тип, подтип, вариант. Нижняя ступень классификационной пирамиды будет содержать максимальный набор вариантов внутреннего устройства втулки. Этим вариантам присвоен сквозной порядковый номер. В кластере «группа» материал разделен по набору и соотношению признаков, выделяемых во втулке кельта. Все признаки можно поделить на три группы.

Группа 1 объединяет кельты с «чистой» втулкой, в которых не обнаружено ни одного свидетельства манипуляций с сердечником. Группа 2 характеризуется наличием одного уникального признака (вдавление, процарапывание, надрез и пр.). В изделиях 3-й группы фиксируется сразу несколько признаков во втулке, которые возможны только при комбинировании технологий (вдавление + надрез).

Тип определен технологией изготовления выделяемого признака. Подтип объединяет элементы, отражающие геометрию признака (трапеция, конус, треугольник и пр.) и его расположение – на дне или стенке втулки.

Вариант отражает количество элементов на одном предмете и их взаиморасположение, а также размеры выделяемого признака.

Кельты первого типа, входящие в первую группу (рис. 2), встречались на всей территории Сибири на протяжении раннего железного века.

Тип 2 включает «шипообразные» выступы (19 экз.) (рис. 3). На дне втулки фикси-

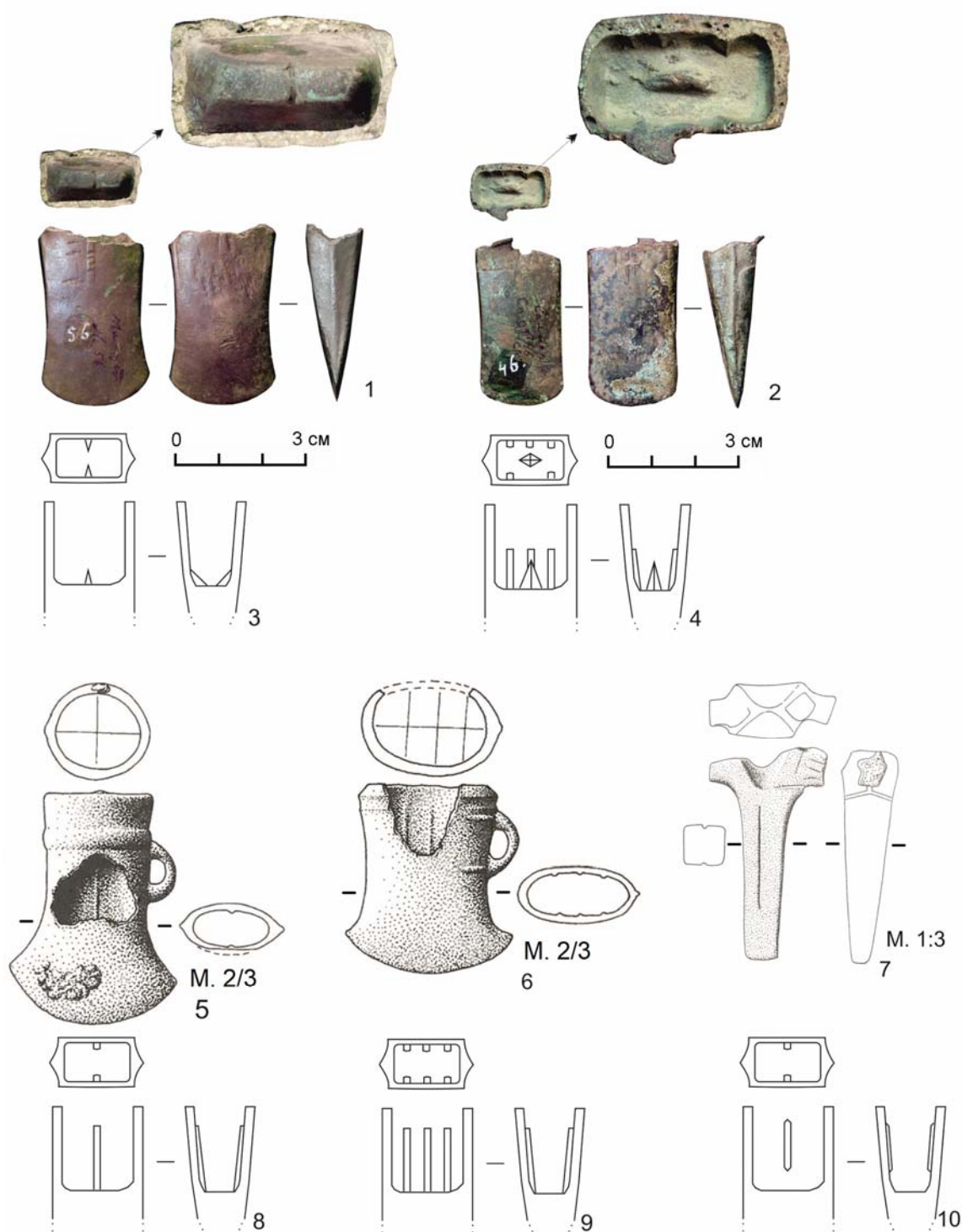

Рис. 1. Внутреннее устройство втулки (примеры):

1 (фото) – кельт из Минусинского уезда (г. Минусинск), случайная находка; тип 4, вариант 2а, признак № 10; 2 (фото) – кельт из с. Саянское (Минусинский район), случайная находка; тип 6, вариант 1а, признак № 29; 3 – схематический рисунок признака № 10; 4 – схематический рисунок признака № 29; 5 – кельт из Ballinagranagh, County. Clare (Ирландия), случайная находка; тип 5, подтип 2, вариант 1, признак № 18; 6 – кельт из County Fermanagh (Ирландия), случайная находка; тип 5, подтип 2, вариант 6, признак № 24; 7 – сердечник из Witkovo, Gde. Smoldzino (Польша), случайная находка; тип 5, подтип 4, вариант 1, признак № 27; 8 – схематический рисунок признака № 18; 9 – схематический рисунок признака № 24; 10 – схематический рисунок признака № 27 (1, 2 – бронза, хранятся в музее им Н. М. Мартыанова, г. Минусинск (ранее не публиковались); 5, 6 – бронза, хранятся в Национальном музее Ирландии (г. Дублин) (по: [Eogan, 2000. Fig. 1342, 1812]); 7 – бронза, хранится в музее г. Штральзунда (Германия) (по: [Eogan, 2000. Fig. 558])

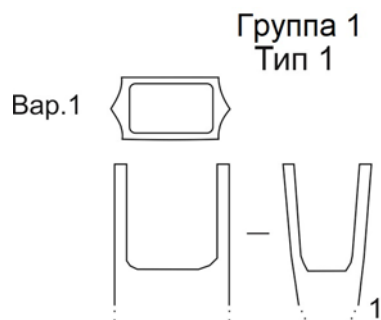

Рис. 2. Схема устройства втулки типа 1: 1 – схематический рисунок признака № 1

руются небольшие (0,2–0,5 см) выступы цилиндрической (подтип 1) (рис. 3, 1), четырехгранной (подтип 2) (рис. 3, 2, 3) и трапециевидной (подтип 3) (рис. 3, 4) форм. Последний расположен по длинной оси втулки. Чаще выступы встречаются по одному и расположены на дне в центре втулки кельта, однако имеются и парные элементы (подтип 2, вариант 2) (см. рис. 3, 3). Элементы такого типа могли появиться во время формирования сердечника до его высыхания и усадки. По сырой глине в нижней

части сердечника заостренной палочкой (или костью) делали небольшие углубления. С точки зрения литейного производства эти углубления позволяли вытеснять скопившийся газ и увеличивать площадь взаимодействия поверхности с металлом. После отливки они могли являться неким фиксатором для рукояти во втулке, компенсируя качание при усыхании дерева. Встречались такие элементы на кельтах III и IV типов по классификации М. П. Грязнова [1941. С. 249, 257, 259].

Тип 3 отличается тонкая поперечная перегородка (более 50 экз.) (рис. 4), расположенная во втулке кельта перпендикулярно его широким граням. Разделяется данный тип только по высоте перегородки. Высокая перегородка (подтип 1) (рис. 4, 1) занимает $\frac{2}{3}$ или половину объема втулки. По мнению В. Н. Чернецова [1947], перегородка могла расклинивать рукоять во втулке кельта, тем самым укрепляя его насад и делая инструмент более прочным при эксплуатации за счет внутреннего ребра жесткости [Дураков, 1995]. Такой подтип встречался у кельтов западно-сибирского типа, выделенного В. Н. Чернецовым.

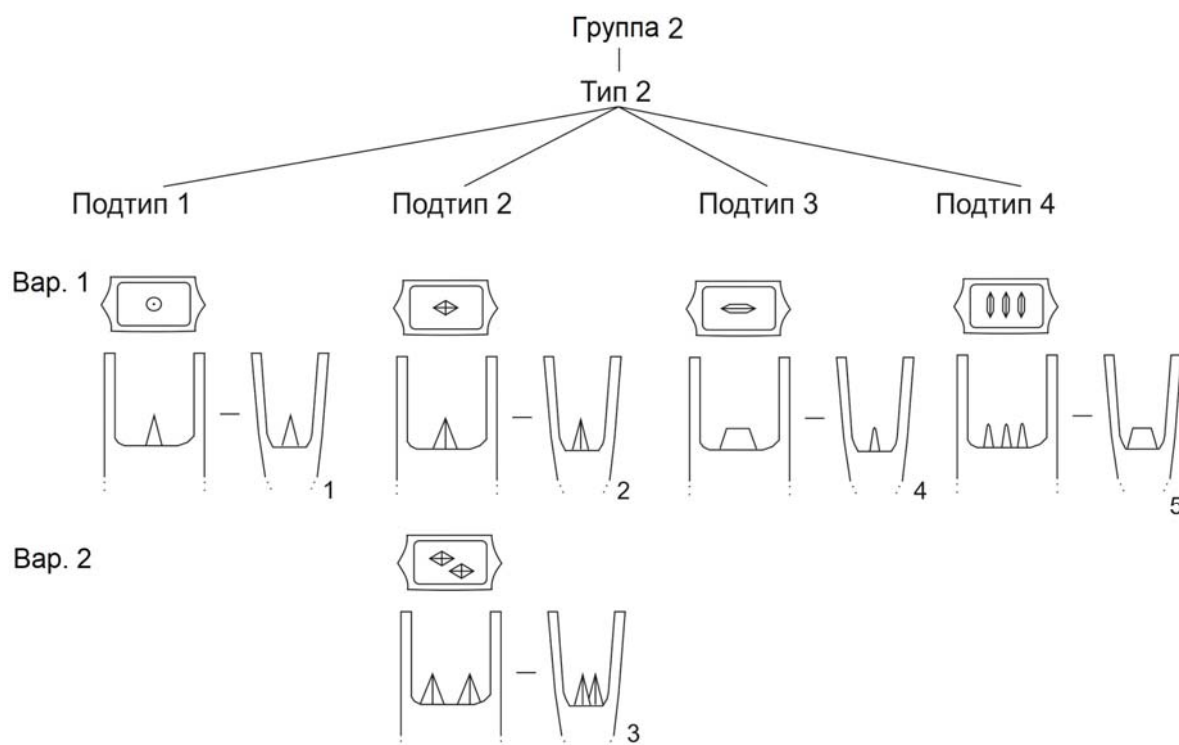

Рис. 3. Схема устройства втулки типа 2. Схематический рисунок:
1 – признака № 2; 2 – признака № 3; 3 – признака № 4; 4 – признака № 5; 5 – признака № 6

Высота перегородки во втором подтипе (11 экз.) (рис. 4, 2) – не более 0,3 см. На некоторых перегородках данного подтипа встречается признак свободного натяжения металла, а это значит, что часть полости имела завоздушенность и перегородка на сердечнике была гораздо выше. Изделия второго подтипа встречались на территории Минусинской котловины.

Тип 4 – это «уголок» (23 экз.) (рис. 5). Во втулке кельта фиксируется элемент, соединяющий нижнюю часть стенки и дно втулки. Минимальное количество «уголков» – один (вариант 1) (рис. 5, 1), максимально во втулке их фиксировалось шесть, по три на каждой стороне (вариант 5) (рис. 5, 6). «Уголки» порой расположены параллельно друг другу, иногда смещены (варианты 2а, 2б, 3, 4) (рис. 5, 2–5). Такие элементы появились за счет нанесения на нижнюю часть сердечника небольших насечек заостренной палочкой. О заострении палочки свидетельствует тот факт, что после отливки «уголок» имел клиновидную форму. Определить предназначение данного типа с точки зрения технологии литья достаточно сложно, однако после отливки «уголки» позволяли укрепить насад и уменьшить смещение рукояти во втулке после незначительного ее усыхания.

Тип 5 включает в себя «полозья» (13 экз.) (рис. 6). На широких стенках втулки встречаются параллельные выступы толщиной до 0,1 см. Высота «полозьев» составляет $\frac{1}{3}$ высоты втулки (подтип 1) (рис. 6, 1–3), $\frac{2}{3}$ высоты (подтип 2) (рис. 6, 4–10), или они занимают всю высоту втулки от устья до дна (подтип 3) (рис. 6, 11). Количество «полозьев» колеблется от 2 до 5. Некоторые из них имеют вид треугольника или прямоугольника, при этом направлены вершиной внутрь втулки. Форму сечения других линий определить не представляется возможным. Такие изделия распространены на территории Минусинской котловины.

«Полозья» первого и второго подтипов, возможно, получены от складывания многочастного сердечника. Место соединения частей сердечника и оставляет такой след после отливки. Этот момент упоминал также Ю. С. Гришин, рассуждая о многочастных сердечниках у тагарских кельтов [1960. С. 153].

В связи с данными технологическими аспектами возникает много технических во-

просов. Так, очевидно, что составной сердечник сильно усложняет процесс изготовления предмета, но при этом действительно облегчает его изъятие из готового изделия. Но если сердечник составной, то почему полоса его шва проецировалась не на всю втулку, а лишь на $\frac{1}{3}$ (подтип 1) или $\frac{2}{3}$ (подтип 2) ее высоты? На многих изделиях линия шва не проходила по дну втулки. Возможно, в процессе литья разрезы на сердечнике служили дополнительным литником и газоотводом, а после отливки «полозья» могли являться элементом крепления рукояти во втулке кельта, предохраняя от прокручивания. Практически все кельты с данными признаками происходят из музея им. Н. М. Мартянова (Минусинск).

У одного экземпляра обнаружены сходные признаки с предыдущими подтипами, однако есть несколько существенных отличий, что позволяет нам выделить его в подтип 3 (рис. 6, 12). По сырой глине во время формирования сердечника по всей его длине прорезали полосы кончиком заостренной палочки (костью). В отличие от предыдущих подтипов эти «полозья» неровные, более тонкие, порой пересекающиеся, а главное, они проходят по всей втулке, включая дно. Выявить функции такого сердечника и определить функциональное назначение прорезанных полос пока не представляется возможным.

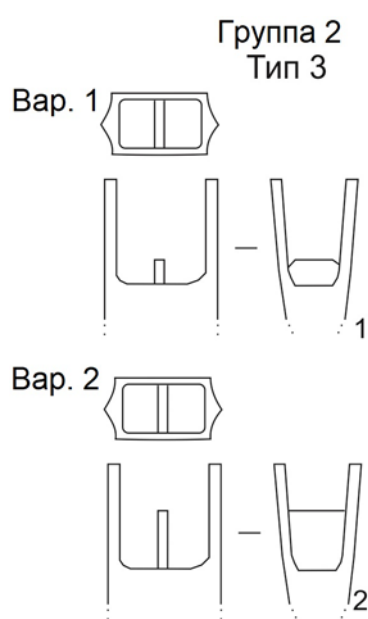

Рис. 4. Схема устройства втулки типа 3. Схематический рисунок: 1 – признака № 7; 2 – признака № 8

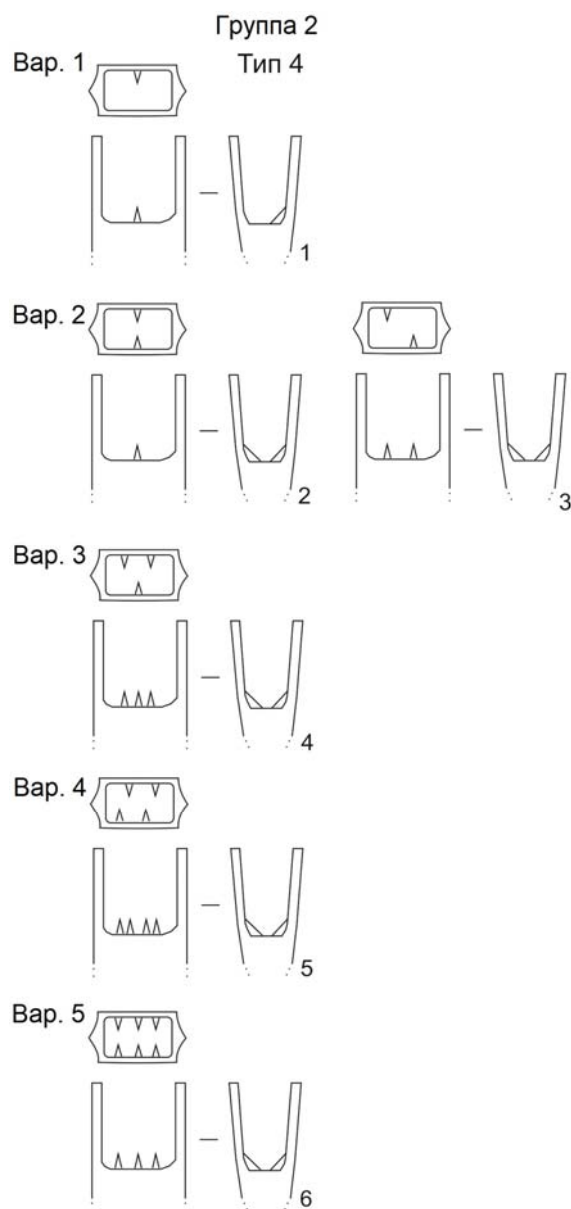

Рис. 5. Схема устройства втулки типа 4. Схематический рисунок: 1 – признака № 9; 2 – признака № 10; 3 – признака № 11; 4 – признака № 12; 5 – признака № 13; 6 – признака № 14

Отметим, впрочем, что именно признаки третьего подтипа более всего подходят для обоснования наличия многочастного сердечника – высота полозьев во всю втулку, проходят через дно, в разрезе имеют следы стыков. Однако на данный момент автору не удалось обнаружить предмета с такими характеристиками.

Тип 6 – комбинированный (рис. 7), присущ изделиям третьей группы. На стенках втулки встречаются сразу несколько при-

знаков. На всех зафиксированы «полозья» в $\frac{2}{3}$ длины втулки, на дне у двух кельтов четырехгранный шип (рис. 7, 1–2), у третьего трапециевидный (рис. 7, 3). Типологически кельты подлежат III или IV типу по классификации М. П. Грязнова.

Особый интерес вызывает кельт западно-сибирского типа (рис. 7, 4). Предмет происходит из памятника баитовской культуры Кош-Карагай [Матвеева, 1994. С. 7. Рис. 1, 3]. На стенках втулки фиксируются «полозья», характерные для изделий тагарского круга, а на дне небольшая поперечная перегородка (или шип трапециевидной формы?). По рисунку достаточно сложно судить о форме выступа и высоте «полозьев». Удивительно, что кельт по морфологическим признакам принадлежит к изделиям западносибирского типа, но при этом имеет признаки, распространенные только на территории Восточной Сибири.

Большинство находок с территории Западной Сибири были проанализированы автором по публикациям, представленным в виде фотографий и прорисовок. Конечно, не все прорисовки фиксировали внутреннее устройство втулок кельтов и не все авторы при описании изделий обращали внимание на столь невыразительные признаки. Дальнейшая работа с непосредственными источниками может качественно и количественно увеличить типологическую схему вариантов обработки сердечника и дополнить представление о технологии литья в целом.

Технология литья была узко профилированным и консервативным явлением в жизни общества и в раннем железном веке достигла расцвета. В целом, кельты изготавливались по сходной технологии во всех регионах Евразии. Различия проявлялись, прежде всего, в зависимости от требований к специализации предмета, от функциональных предпочтений, особенностей орнамента и пр., что составляло своего рода культурный код. Во всем остальном технология литья была универсальна. Кельты с оригинальными признаками во втулке составляют не более 10–15 % от общего количества материала, происходящего с территории Сибири. Вероятнее всего, речь не идет о специализированных школах и каких-то направлениях в бронзолитейном производстве Сибири. Скорее всего, мы зафиксировали лишь попытки усовершенствования отдельных элементов производства.

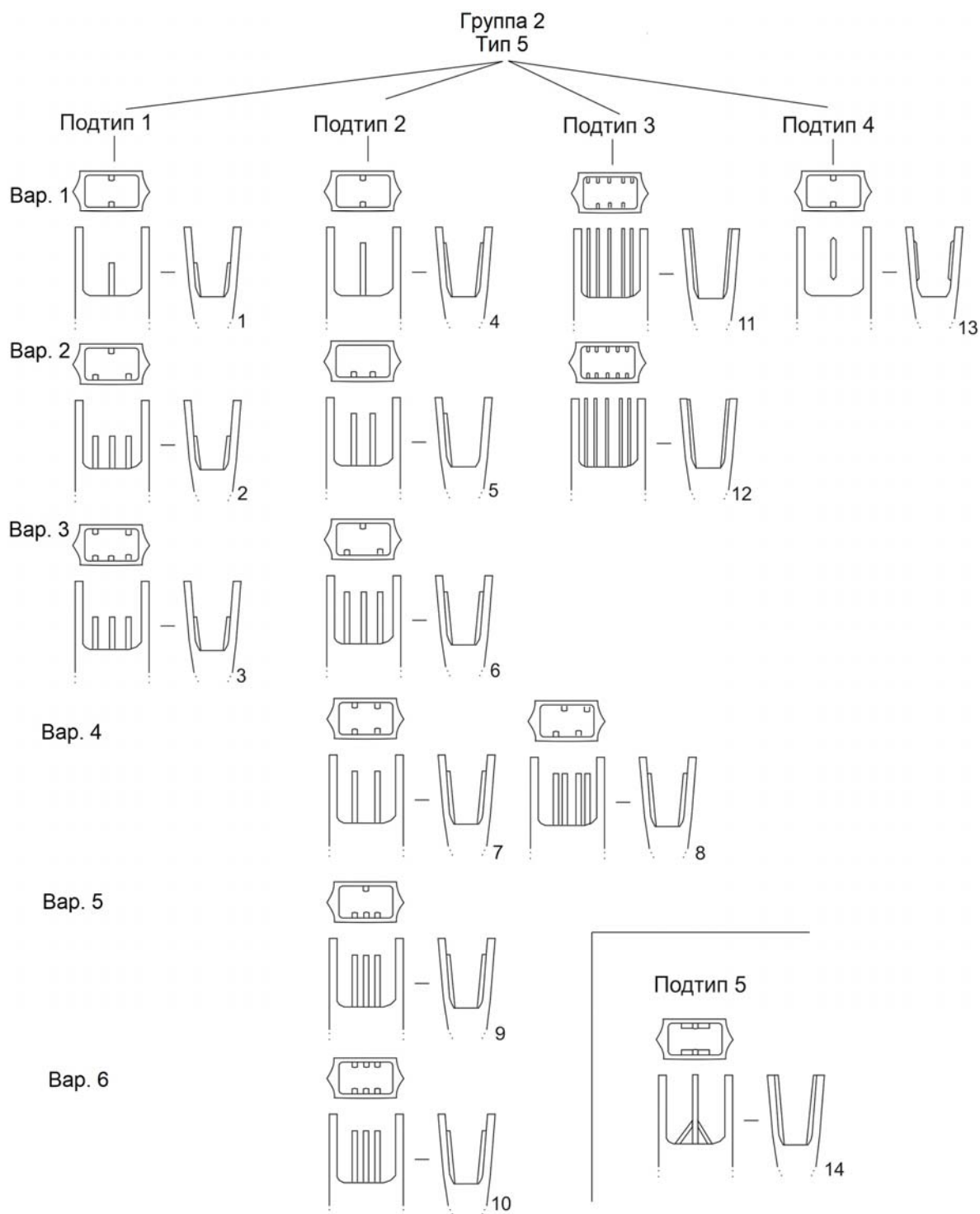

Рис. 6. Схема устройства втулки типа 5. Схематический рисунок:

1 – признака № 15; 2 – признака № 16; 3 – признака № 17; 4 – признака № 18; 5 – признака № 19; 6 – признака № 20; 7 – признака № 21; 8 – признака № 22; 9 – признака № 23; 10 – признака № 24; 11 – признака № 25; 12 – признака № 26; 13 – признака № 27; 14 – признака № 28

Ю. С. Гришин, характеризуя тагарское бронзолитейное дело, отметил, что встречается огромное количество изделий с порис-

тым металлом [1960. С. 142]. Этот факт можно объяснить тем, что форма была плохо прогрета, металл имел недостаточную

Группа 3 Тип 6

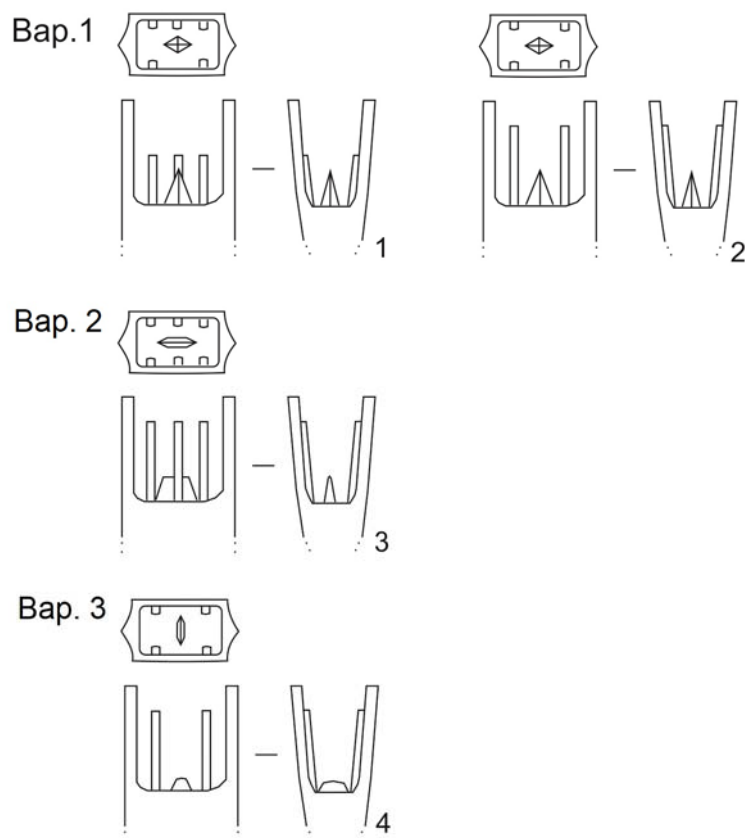

Рис. 7. Схема устройства втулки типа 6. Схематический рисунок:
1 – признака № 29; 2 – признака № 30; 3 – признака № 31; 4 – признака № 32

температуру заливки. Все это приводило не просто к нарушению прочности изделия, а к высокой вероятности брака (недоливом, газовым и усадочным раковинам и т. д.). Металл успевал остыть, прежде чем он заполнял форму. Примеров подобных явлений довольно много. Количество бронзовых изделий в раннем железном веке, безусловно, выросло многократно по сравнению с прошлыми эпохами. Возможно, мастера-литейщики, увеличивая количество предметов, начинали терять в качестве и вынуждены были прибегать к технологическим новациям, позволяющим отлить предмет быстро и эффективно. Видимо, поэтому мы и наблюдаем такое количество разнообразных приемов, нацеленных на ускорение и облегчение процесса литья, дающих при этом возможность сохранить качество изделия.

Дополним нашу классификацию несколькими примерами втулок европейских

кельтов, где встречались экземпляры с внутренней перегородкой (тип 3, вариант 1) (см. рис. 4, 2). Перегородка такого же облика, что и на тагарских кельтах, – высота ее не превышает 0,3 см. Встречен один экземпляр, который имел три шипообразные выступа (см. рис. 3, 5). Встречались и «полозья». Длина линий читается как по всей втулке (подтип 3) (см. рис. 1; 6, 12) [Eogan, 2000. Plate 97], так и на $\frac{2}{3}$ ее длины (подтип 2). Однако набор вариантов несколько иной (см. рис. 6, 4, 7, 10). Отличительной чертой этих «полозьев» является симметрия и попарное расположение. Данные признаки значительно отличают втулки тагарских экземпляров, у которых «полозья» в большинстве случаев не симметричные и не парные. В единичном случае обнаружен кельт с территории Западной Германии, на стенке которого сохранились «полозья» в виде литникового канала [Gedl, 2004]. Это треугольник

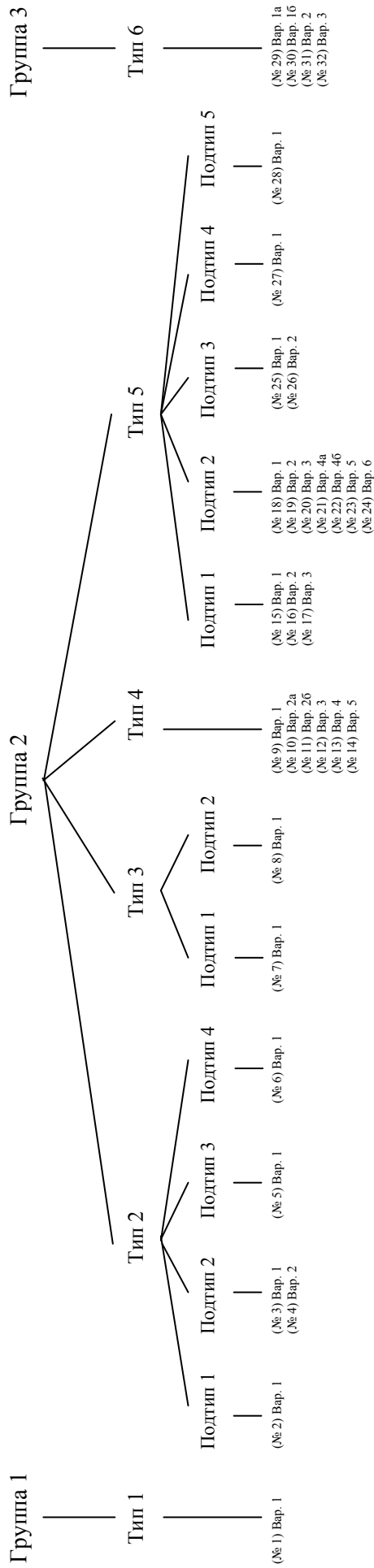

Рис. 8. Классификация признаков внутреннего устройства втулки

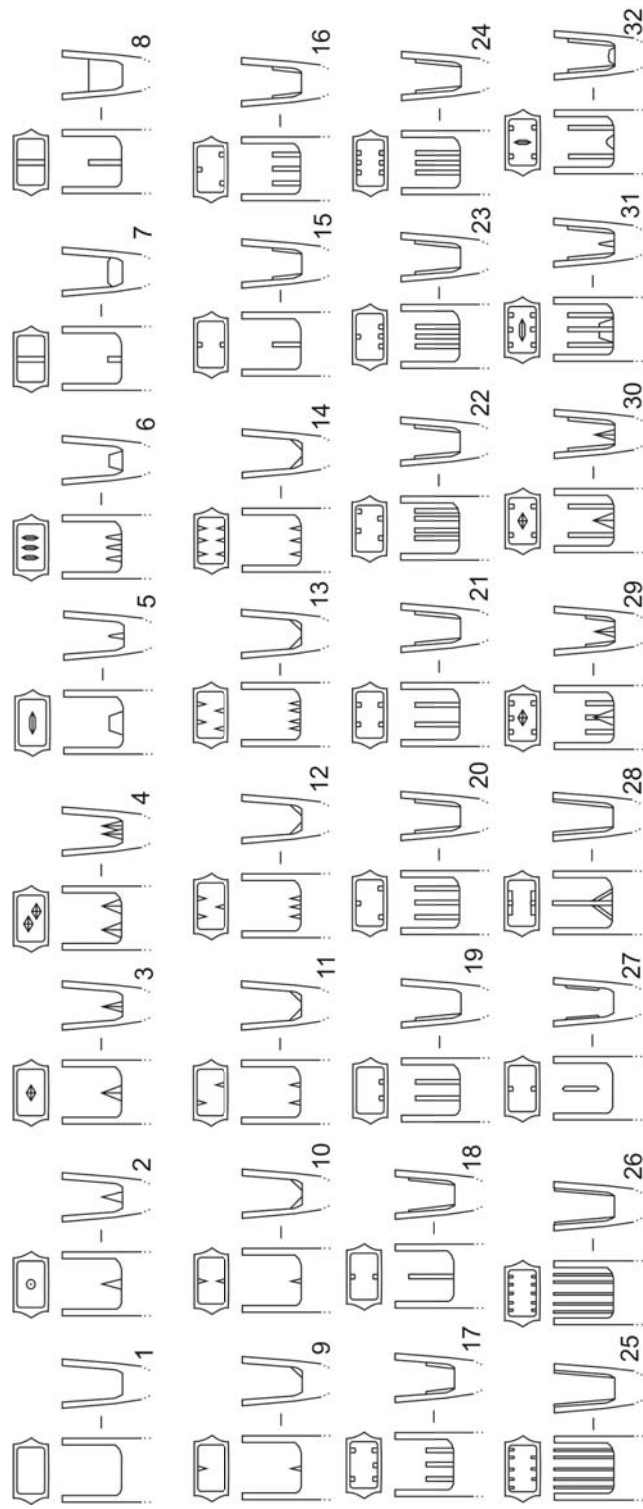

Рис. 9. Устройство втулок кельтов раннего железного века Сибири (1–32 — порядковый номер признака)

высотой в $\frac{1}{3}$ камеры втулки, через вершину которого проходит полоса, соединяющая устье и дно втулки (см. рис. 6, 14).

Представленная классификация морфологических элементов (рис. 8) насчитывает 32 варианта оформления сердечника (рис. 9). При всем разнообразии приводимых признаков можно выделить и некоторые закономерности. Только первый признак (см. рис. 2; 9, 1) присутствовал на всех кельтах исследуемой территории – это кельты с «чистой» втулкой.

Есть признаки, которые несут территориальные черты. Они присущи только конкретной территории и не выходят за ее пределы. Так, например, тип 4 (уголки) (см. рис. 5; 9, 9–14) присутствовал только в изделиях из Восточной Сибири, а длинная поперечная перегородка (признак № 7) (см. рис. 4, 1; 9, 7), встречалась лишь на предметах из Западной Сибири. Полоса на стенках втулки, которая не касается устья и дна, встречалась только на территории Европы (преимущественно в Германии).

Остальные признаки можно объединить по одинаковому способу оформления сердечника и, как следствие, набору схожих морфологических элементов внутри втулки.

Удалось выявить и преемственность некоторых технологических приемов, например появление «полозьев» во втулке баитовского кельта, описанного выше. Поперечная перегородка, закрепившаяся как признак западносибирской металлургической традиции (см. рис. 4, 1; 9, 7), появилась в изделиях, относящихся к тагарской культуре.

Возможно, дальнейшие исследования дополнят картину проникновения технологических признаков производственных традиций с территории Восточной Сибири в Западную Сибирь и наоборот.

Список литературы

Глушков И. Г., Васильев В. Г. Экспериментальные бронзовые кельты // Экспериментальная археология. Тобольск, 1994. Вып. 3. С. 119–126.

Гришин Ю. С. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 208 с. (МИА, № 90).

Грязнов М. П. Древняя бронза Минусинских степей // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.: [Б. и.], 1941. Т. 1. С. 237–271.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 228 с. (МИА, № 48).

Дураков И. А. К вопросу о технологии производства пологого литья кулайской культуры // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск, 1995. С. 107–112.

Емельянова А. П. Технология литейной формы: Учебник для техникумов цветной металлургии. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Машиностроение, 1986. 224 с.

Каменский И. С. К определению дискретности качественных признаков // КСИА. М.: Изд-во АН СССР, 1990. № 201. С. 23–31.

Клейн Л. С. Классификация и типология // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск: [Б. и.], 1987. Ч. 1. С. 33–35.

Максименков Г. А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // СА. 1960. № 1. С. 148–162.

Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. С. 6–11.

Чернецов В. Н. Опыт типологии западносибирских кельтов // КСИИМК. М.: Изд-во АН СССР, 1947. Вып. 17. С. 65–78.

Eogan G. The Socketed Bronze Axes in Ireland // *Prähistorische bronzefunde*. Mainz: Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Abteilung IX, 2000. Bd. 22. 240 S. Plates.

Gedl M. Die Beile in Polen IV // *Prähistorische bronzefunde*. Mainz: Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Abteilung IX, 2004. Bd. 24. 134 S. Plates.

Материал поступил в редколлегию 19.01.2018

D. A. Nenakhov

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

nenaxoffsurgut@mail.ru

INTERNAL STRUCTURE OF THE CELT PRODUCED IN THE EARLY IRON AGE IN SIBERIA

Purpose. We describe the technology of thin-walled casting of the «blind» bronze celt bush, which was different from the Bronze Age celts. This technology had been developed in the Early Iron Age in Siberia. The celts we studied differed in the way of fastening the stoppers on the core, as a result of which they had through holes on their wide edges. Due to peculiarities of the casting technology, the core of the celt was almost always destroyed after casting. Therefore, morphological analysis of this part of the mold is impossible. The analysis of museum collections and published materials made it possible to reveal a variety of incisions, protrusions, incisions, etc., on inner walls of the celt bush, which allows us to expand our understanding of casting production and reveal some morphological features of the core.

Results. Dozens of diverse features, 6 types of internal design of the bush and more than 20 variants of making cores were distinguished by the analysis of more than 300 items of bronze celts from the territory of Western and Middle Siberia. Morphological analysis is used as the basis of classification as it formalizes the characteristics of the object under study. The classification scheme is divided into 4 taxonomic clusters (cells): group, type, subtype, variant. The lower stage of the classification pyramid contains the maximum set of options for the internal structure of the bush. There are five special features of the celt bush among the products of the Early Iron Age from the territory of Siberia: «spiked» protrusions (at the bottom of the bushing), transverse partition, «corner», «skids» located on wide walls plus a combination of features. For several specimens of the celts, several techniques were noted applied at once (depression + incision). This allowed us to distinguish the «combined» method for the design of the core.

Conclusion. We managed to isolate features typical for a certain territory or having a territorial character. Such features as «corner» and «spiked» protrusions are found only on the products of Middle Siberia. We identified the continuity of some technological methods used in manufacturing a hollow bush. Thus, the transverse septum, which is fixed as a feature of the West Siberian metallurgical tradition, appears on Tagar products. Using the typology presented, we can draw conclusions not only about the presence of established traditions of bronze casting production in a certain region, but also about the existence of masters who used non-standard approaches in manufacturing. This, in turn, is a great marker. The ratio of the availability of products with a «clean» bush and the presence of additional elements in it does not exceed 10%. This phenomenon seems to us not only a cultural phenomenon, but an overall technological response to a specific need or problem related to manufacturing technology.

Keywords: Western Siberia, Middle Siberia, Early Iron Age, celt, typology, morphology.

References

Chernetsov V. N. Opyt tipologii zapadnosibirskikh kel'tov [Experience of Typology of West Siberian Celts]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief reports of Institute of Archaeology]. Moscow, AS USSR Publ., 1947, iss. 17, p. 65–78. (in Russ.)

Durakov I. A. K voprosu o tekhnologii proizvodstva pologo lit'ya kulaiskoi kul'tury. [On the technology of Hollow Casting of the Kulaysk culture]. *Arkheologiya vchera, segodnya, zavtra* [Archaeology yesterday, today, tomorrow]. Novosibirsk, NSPU Publ., 1995, p. 107–112. (in Russ.)

Emel'yanova A. P. Tekhnologiya liteinoi formy: uchebnik dlya tekhnikumov tsvetnoi metallurgii [Technology of the mold: a textbook for technical schools of non-ferrous metallurgy]. 3^d edition is overhauled and expanded. Moscow, Mashinostroenie Publ., 1986, 224 p. (in Russ.)

Eogan G. The Socketed Bronze Axes in Ireland. *Prähistorische bronzefunde. Akademie der Wissenschaften und der Literatur*. Mainz, 2000, Abteilung 9, Band 22, 240 S. Plates.

Gedl M. Die Beile in Polen IV. *Prähistorische bronzefunde. Akademie der Wissenschaften und der Literatur*. Mainz, 2004, Abteilung 9, Band 24, 134 S. Tafeln.

Glushkov I. G., Vasil'ev V. G. Eksperimental'nye bronzovye kel'ty [Experimental bronze Celts]. *Eksperimental'naya arkheologiya [Experimental Archaeology]*. Tobol'sk, TGPI Publ., 1994, iss. 3, p. 119–126. (in Russ.)

Grishin Yu. S. Ocherki po istorii proizvodstva v Priural'e i Yuzhnoi Sibiri v epokhu bronzy i rannego zheleza. [Essays on the History of Production in the Urals and Southern Siberia in the Bronze Age and Early Iron Age]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and researches about archaeology in USSR]*. Moscow, AS USSR Publ., 1960, no. 90, 208 p. (in Russ.)

Gryaznov M. P. Drevnyaya bronza Minusinskikh stepei [Ancient bronze Minusinsk steppes]. *Trudy otdela istorii pervobytnoi kul'tury Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the Department of the History of the Primitive Culture of the State Hermitage Museum]*. Leningrad, 1941, vol. 1, p. 237–271. (in Russ.)

Gryaznov M. P. Istoriya drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka Tekst [A History of the Ancient Tribes of the Upper Ob River in Excavations near the Bolshaya Rechka. Text]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and researches about archaeology in USSR]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1956, no. 48, 228 p. (in Russ.)

Kamenskii I. S. K opredeleniyu diskretnosti kachestvennykh priznakov [To the Definition of the Discreteness of Qualitative Features]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief reports of Institute of Archaeology]*. Moscow, AS USSR Publ., 1990, no. 201, p. 23–31. (in Russ.)

Klein L. S. Klassifikatsiya i tipologiya [Classification and typology]. *Istoricheskie chteniya pamyati M. P. Gryaznova [Historical reading in memoriam M. P. Gryaznov]*. Omsk, 1987, part 1, p. 33–35. (in Russ.)

Maksimenkov G. A. Bronzovye kel'ty krasnoyarsko-angarskikh tipov [Bronze Celts of the Krasnoyarsk-Angarsk types]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1960, no. 1, p. 148–162. (in Russ.)

Matveeva N. P. Rannii zheleznyi vek Priishim'ya [Early Iron Age of the Ishim Territory]. Novosibirsk, Nauka, 1994, p. 6–11. (in Russ.)

Ю. С. Худяков

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

khudjakov@mail.ru

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ И ВОИНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ С ГОРОДИЩА ШЕЛЬДЖИ В ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЕ КЫРГЫЗСТАНА *

Рассматриваются достаточно редкие предметы вооружения и воинского снаряжения, обнаруженные на площади средневекового городища Шельджи, или Садыр-Коргон, в Таласской долине Кыргызстана. В составе коллекции имеется изогнутая железная втулка с прикрепленным к ней фрагментом цепи, обломки железного топора и железный крюк от колчана. В настоящее время находки хранятся в музее средней школы с. Кызыл-Адыр. Предложены определения хронологии и культурной принадлежности данных артефактов. Вероятно, втулка с оборванной цепью служила навершием рукояти для крепления ударной части, представлявшей собой железную боевую гирию или кистень. Может датироваться поздним Средневековьем. Обломки железного боевого топора и железный крюк, который мог применяться для подвешивания к поясу колчана, относятся к комплексу вооружения и воинского снаряжения населения развитого Средневековья. Исследованные предметы позволяют расширить имеющиеся в настоящее время представления о военном деле средневекового населения Тянь-Шаня.

Ключевые слова: Кыргызстан, Таласская долина, Средневековье, городище Шельджи, предметы вооружения, школьный музей.

На протяжении развитого и позднего Средневековья важную роль в развитии торговых и культурных связей в Северном Притяньшанье играл город Шельджи, известный также под названием Садыр-Курган или Садыр-Коргон в долине р. Талас. Согласно сведениям восточных источников, это был сравнительно «небольшой город», но в нем находилось довольно «много иностранцев», среди которых преобладали выходцы из иранской провинции Исфахан. По этим данным, г. Шельджи был расположен в местности, которая находилась «среди гор».

Он имел внешние оборонительные стены и цитадель, расположенную внутри крепостных стен [История..., 1984. С. 272, 286]. В IX–XII вв. на расположенных вокруг этого поселения рудных месторождениях местными жителями производилась добыча сербросвинцовых руд [Бубнова, 1963].

На поверхности городища в разное время советскими, российскими и кыргызстанскими археологами, а также местными жителями-краеоведами, любителями древности, были обнаружены разнообразные археологические находки, среди которых встречены

* Исследование проведено в рамках Программы XII.186.2. «От первобытности к цивилизации: этнокультурные процессы в Евразии в эпоху палеометалла и Средневековья» (проект № 0329-2016-0003).

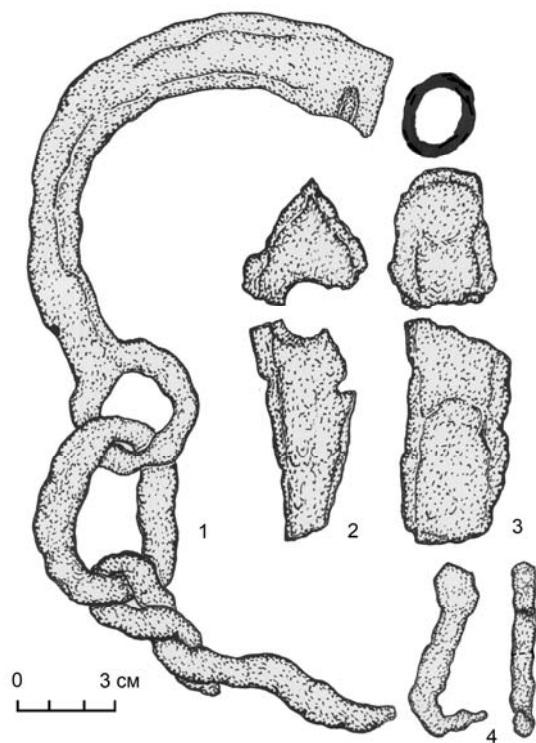
и предметы вооружения. Наиболее результативные полевые исследования на площади этого памятника проводились в середине – второй половине XX в.

В 1938 г. объект изучался А. Н. Бернштамом [1963]. В дальнейшем, в 1960–1970-е гг., он попал в зону затопления Кировского водохранилища. На протяжении этого периода археологические исследования на площади городища Шельджи, включая проведение широкомасштабных археологических раскопок, проводили ведущие кыргызстанские исследователи, среди которых были А. К. Абетеков, И. К. Кожомбердиев, П. Н. Кожемяко, М. А. Бубнова и некоторые другие [Абетеков и др., 1968; Кожемяко, 1969]. В дальнейшем, после длительного перерыва, археологические работы были возобновлены А. И. Торговым, исследовавшим некрополь данного городища [2007]. Наряду с кыргызстанскими учеными, в течение многих лет во второй половине XX в. на территории памятника производили поиски и осуществляли сборы подъемного археологического материала ученики средней школы им. М. Орозбекова, расположенной в с. Кызыл-Адыр. Поисками руководил Заслуженный учитель,

историк М. М. Тур. В результате собрана большая информативная коллекция археологических находок, некоторые из них в дальнейшем стали экспонатами музея этой школы. Отдельные экземпляры кинжалов и боевых ножей в предшествующие годы исследовались и частично вводились в научный оборот современными российскими и кыргызскими археологами, в частности автором настоящей статьи.

Обращение к анализу отдельных археологических находок, обнаруженных в предшествующие годы на площади данного памятника, представляется актуальным, поскольку в числе привлеченных для исследования предметов есть экземпляры, относящиеся к вооружению и воинскому снаряжению, характерные для разных периодов Средневековья. Необходимо отметить, что некоторые из исследуемых в статье артефактов ранее не становились объектами целенаправленного исследования военных историков и оружейников. Целью изучения данной коллекции предметов вооружения и воинского снаряжения является их атрибуция и введение в научный оборот, что расширит источниковую базу по истории военного дела средневекового населения Тянь-Шаня. Для достижения заявленной цели необходимо описать и классифицировать исследуемые находки, определить их хронологию и культурную принадлежность, что позволит в дальнейшем использовать эти материалы в качестве полноценного источника.

Одна из достаточно редких археологических находок представляет собой железную коническую втулку с прикрепленным к ней довольно коротким фрагментом железной цепи. Втулка плавно изогнута по длине, имеет округлые очертания. На ее нижнем краю расположено узкое сквозное отверстие, предназначенное для крепления к деревянной рукояти. Крупная, широкая кольцевая петля помещена на противоположном конце втулки. В нее продето массивное железное кольцо, которое имеет овальную форму. Оно несколько сдавлено с одной из сторон. В это кольцо продето овальное окончание удлиненного железного витого стержня. Один из его концов обломан. Другой удлиненный конец имеет два плавных изгиба. Судя по всему, данный стержень представлял собой одно из звеньев удлиненной железной витой цепочки, крепив-

Находки с городища Шельджи:
1 – втулка с фрагментом цепи; 2, 3 – фрагменты
боевого топора; 4 – колчанный крюк (все железо)

шейся к кольцу, расположенному на окончании втулки (см. рисунок, 1).

Данный предмет, вероятно всего, в целом виде должен был представлять собой металлическую втулку с не полностью сохранившейся железной цепью, которая крепилась на довольно короткую, округлую в сечении, деревянную рукоятку. Допустимо предположить, что к окончанию оборванной цепи присоединялась некая ударная часть, в качестве которой могла использоваться железная боевая гирия. В реконструированном виде это могло быть ударное оружие типа кистеня, используемого в условиях ближнего боя.

В предшествующие десятилетия в ходе раскопок на средневековых археологических памятниках Степного Алтая и Барабинской лесостепи, в пределах обширной территории Южной и Западной Сибири, исследователи неоднократно находили предметы такого вида оружия, как ударные боевые гири-кистени. Один из них происходит из памятника сроткинской культуры раннего Средневековья Ближние Елбаны VIII, располагавшегося на территории Верхнего Приобья [Грязнов, 1956. С. 132; Табл. LIV, 6]. У него частично сохранилось продетое в петлю железное кольцо. Вполне возможно, что эта боевая гирия должна была крепиться к рукояти с помощью железной цепи. Другая медная боевая гирия была обнаружена в ходе раскопок одного из средневековых курганов на могильнике Гилево VII в Степном Алтае [Могильников, 2002. Рис. 46, 9]. По мнению В. В. Горбунова, применение ударных боевых гирь-кистеней в Приалтайских степях относится ко времени расцвета сроткинской культуры, которое он относит ко второй половине X – первой половине XI в. [2006. С. 97]. Еще один железный кистень был найден в процессе раскопок поздне-средневекового могильника Кыштовка-2 на территории Барабинской лесостепи в Западной Сибири [Молодин и др., 1990. С. 80–81. Рис. 57, 1]. В Центрально-Азиатском регионе кистени были на вооружении у киданьских и монгольских конных воинов и использовались этими народами в развитом Средневековье, включая период расцвета Монгольской империи [Горелик, 2002. С. 20, 51, 67]. В Западной Европе кистень с шарообразной ударной гирей, снабженной острыми шипами, которая с помощью железной цепи крепилась к петле на конической

железной втулке, датируется XVI–XVII вв. [Крепости..., 2005. С. 155]. Вероятно, исходя из изложенных сведений, железная втулка с фрагментом железной цепи из Шельджи относится к позднему Средневековью.

В составе археологических находок, обнаруженных на поверхности городища Шельджи и хранящихся в собрании того же школьного музея, имеются фрагменты железного проушного топора. Один из обломков включает приостренный с двух боковых сторон, треугольный в сечении обух и боковые верхние части проуха. Второй фрагмент представлен сохранившейся деталью нижней части проуха и удлиненного клина с обломанным острием. В неповрежденном виде данный топор имел вытянутый узкий клин с острием и невысоким обухом, достаточно узкий, округлый в сечении проух (см. рисунок, 2, 3). Вероятно, он применялся всадниками в условиях ведения конного боя.

Судя по сохранившейся форме клина и обуха, данный предмет существенно отличался от широко известных боевых топоров, снабженных широким, уплощенным, полукруглым лезвием, характерных для кыргызских воинов позднего Средневековья и Нового времени и известных под названием «ай-балта». Судя по форме, этот проушный топор может относиться к комплексу боевых средств кыргызских воинов развитого Средневековья.

В составе изучаемой коллекции имеется железный колчанный крюк небольшого размера. У него выделяется округлый в сечении стержень с круто загнутым окончанием-«крюком». Артефакт мог принадлежать к числу металлических деталей колчана, к которому он крепился с помощью кожаного ремня. Колчанный ремень, в свою очередь, мог быть привязан к выступающему с противоположного конца от крюка небольшому расширению неправильной овальной формы (см. рисунок, 4).

Форма этого колчанного крюка, за исключением особой детали, предназначенной для крепления к воинскому поясу с помощью кожаного ремня, имеет определенные отличия от характерных для предметных комплексов многих культур древних и средневековых народов степного пояса Евразии изделий, у которых для крепления колчанных крючьев к кожаному ремню служили петли различных форм или метал-

лические пластины с заклепками. Близких аналогий подобной форме в других культурных комплексах данного региона до настоящего время выявить не удалось [Табалдиев, 1996. С. 47, 123]. Можно высказать предположение, что этот колчаный крюк относится к числу предметов воинского снаряжения населения Северного Приитальянских позднего Средневековья.

Рассмотренные находки свидетельствуют об использовании средневековыми воинами региона разнообразных видов оружия ближнего и дистанционного боя и воинского снаряжения, в составе которых имелись и редкие формы.

Список литературы

Абетеков А. К., Гаврюшенко П. П., Заурова Е. З., Кожмяко П. Н., Кожомбердиев И. К., Юнусалиев М. Б. Археологические работы в Киргизии // Археологические открытия 1967 года. М.: Наука, 1968. С. 356–360.

Бернштам А. Н. Городище Садыр-Курган // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1963. С. 115–124.

Бубнова М. А. Добыча серебряно-свинцовых руд в Шельджи в IX–XII вв. // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1963. С. 225–262.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Барнаул: Изд-во АлтГУ,

2006. Ч. 2: Наступательное вооружение (оружие). 232 с.

Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. № 48. 227 с.

История Киргизской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе: Изд-во «Кыргызстан», 1984. Т. 1. 798 с.

Кожмяко П. Н. Городище Садыр-Курган // Археологические открытия 1968 года. М.: Наука, 1969. С. 454–455.

Крепости и вооружение Восточной Европы. М.: Бук Хаус, 2005. 192 с.

Могильников В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего Средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.

Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.

Торгоев А. И. Некрополь городища Садыр-Курган (аварийные исследования 2001 г.) // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2007. Вып. 2. С. 42–45.

Материал поступил в редколлегию 20.11.2017

Yu. S. Khudjakov

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

khudjakov@mail.ru

FINDINGS OF SEVERAL OBJECTS OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT FROM THE ANCIENT SETTLEMENT SHELJI IN TALAS VALLEY (KYRGYZSTAN)

Purpose. We considered archaeological findings of quite uncommon objects of armament and military equipment discovered in the area of medieval ancient settlement Shelji or Sadyr-Korgon. This medieval archaeological site is located in the Talas Valley of Kyrgyzstan.

Results. The items found include a curved iron plug with a chain fragment attached to it, debris of an iron axe and an iron hook of quiver among several other archaeological findings. All these objects of armament and military equipment were found at different times on the surface of that ancient settlement by schoolboys from Kyzyl-Adyr Village in the Talas Region of the Kyrgyz Republic. These archaeological findings are kept at the moment in the school museum, which is located in the secondary school in this village. We described these objects and traced the spread of analogous findings among archaeological items discovered during excavations and gathered on contiguous territories of the Central Asian region. We used traced analogies to define the chronology and cultural identity of these archaeological findings of the ancient settlement Shelji. The iron plug with a torn chain might have served as a top of a handle; it is fastened to that chain with an iron fighting weight and flail. This finding of a deformed iron plug with a fragment of chain can be dated by the era of the Late Middle Ages. There are two fragments of the same iron battle-axe that had a sharp iron back and narrow elongated wedge with a sharp blade discovered among the findings in Shelji. Another finding was an iron hook that could be hung to a quiver strap.

Conclusion. These objects of armament and military equipment, namely the battle-axe and a quiver hook, can be related to the complex of armament and military equipment of the population of Tian Shan Region in the era of the High Middle Ages. The studied objects of and military equipment allow us to widen the concepts about military science of medieval population of Tian Shan available at the moment. The considered in the article archaeological findings, including fragments of the battle-axe, the hook for suspension of quiver and the iron plug with a chain should be related to the time of the medieval city of Shelji, that was a significant trade center on the territory of Central Asia in the valley of the Talas River. Merchant caravans delivered goods from that ancient settlement to several Turkic and Mongolian people, who populated the steppe areas of Inner Asia, including the Sayan and Altai Mountains and southern regions of Western Siberia.

Keywords: Kyrgyzstan, Talas Valley, Middle Ages, ancient settlement Shelji, armaments, school museum.

References

Abetekov A. K., Gavryushenko P. P., Zaurova E. Z., Kozhemyako P. N., Kozhombardiev I. K., Yunusaliev M. B. *Arkheologicheskie raboty v Kirgizii* [Archaeological work in Kyrgyzstan]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1967 goda* [Archaeological discoveries in the 1967]. Moscow, Nauka, 1968, p. 356–360. (in Russ.)

Bernshtam A. N. *Gorodishe Sadir-Kurgan* [Ancient settlement Sadyr-Kurgan]. *Arkheologicheskie pamyatniki Talasskoi doliny* [Archaeological sites of the Talas Valley]. Frunze, Akademiya nauk Kirgizskoi SSR Publ., 1963, p. 115–124. (in Russ.)

Bubnova M. A. *Dобыча серебро-свинцовых руд в Шел'дзи в IX–XII вв.* [Extraction of silvery and leaden ores in the Shelji]. *Arkheologicheskie pamyatniki Talasskoi doliny* [Archaeological sites of the Talas Valley]. Frunze, Akademiya nauk Kirgizskoi SSR Publ., 1963, p. 225–262. (in Russ.)

Gorbunov V. V. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. T. 2. Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie)* [Warfare in the Altai Population III–XIV centuries. Part 2. Offensive Arms (Weapons)]. Barnaul, Altai University Publ., 2006, 232 p. (in Russ.).

Gorelik M. V. *Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie* [Army Mongol-Tatars X–XIV centuries. Material art equipment, weapons]. Moscow, Vostochnyi gorizont Publ., 2002. (in Russ.)

Gryaznov M. P. *Istoriya drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka* [History of the Ancient Tribes of the Upper Ob in the Excavations Near the village Bolshaya Rechka]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Researches on archaeology of the USSR]. Moscow, Leningrad, Academia nauk USSR Publ., 1956, no. 48, 227 p. (in Russ.)

Istoriya Kirgizskoi SSR. S drevneishikh vremen do serediny XIX v. [History of Kirgiz SSR. From the ancient times till the middle of the XIX century]. Frunze, Kyrgyzstan Publ., 1984, vol. 1, 798 p. (in Russ.).

Kozhemyako P. N. Gorodishche Sadyr-Kurgan [Ancient settlement Sadyr-Kurgan]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1968 goda* [Archaeological discoveries in the 1968]. Moscow, Nauka, 1969, p. 454–455. (in Russ.)

Kreposti i vooruzhenie Vostochnoi Evropy [Fortresses and armament of Eastern Europe]. Moscow, Buk Khaus Publ., 2005, 192 p. (in Russ.)

Mogil'nikov V. A. Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaya v IX–XI vekakh [Nomads of northwestern foothills of the Altai Mountains in the IX–XI century]. Moscow, Nauka, 362 p. (in Russ.)

Molodin V. I., Sobolev V. I., Solov'ev V. I. Baraba v epokhu pozdnego Srednevekov'ya [Baraba in latter Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka, 1990, 262 p. (in Russ.)

Tabaldiev K. Sh. Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tyan'-Shanya [Burial mounds of the medieval nomads of Tien-Shan]. Bishkek, Firma Aibek Publ., 1996, 256 p. (in Russ.)

Torgoev A. I. Nekropol' gorodishcha Sadyr-Kurgan (avariinye issledovaniya 2001 g.) [Necropolis of ancient settlement Sadyr-Kurgan (emergency research 2001)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kyrgyzstana* [Materials and research on the archaeology of Kyrgyzstan]. Bishkek, Ilim Publ., 2007, iss. 2, p. 42–45. (in Russ.)

УДК 904

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-3-129-135

Ю. С. Худяков, А. Ю. Борисенко, Ж. Орозбекова

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

khudjakov@mail.ru, aborisenko2@mail.ru, bjukut@jandex.ru

**КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ НА КЫРГЫЗСКОМ КЛАДБИЩЕ
(СОВРЕМЕННЫЙ ВАРИАНТ ВТОРИЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ СТАТУЙ) ***

Рассматривается достаточно редкий в истории изучения антропоморфной статуарной традиции в Центральной Азии случай вторичного использования средневековых древнетюркских каменных изваяний. Это было зафиксировано на современных могилах на действующем кладбище с. Туура-Суу в Иссык-Кульской котловине в Кыргызстане. Нами рассмотрены основные события истории изучения древних и средневековых каменных изваяний на территории региона. Проанализированы известные случаи вторичного применения древних каменных стел и антропоморфных изваяний. Исследованы некоторые особенности оформления стел с кладбища с. Туура-Суу, в том числе изображенные на них традиционные виды одежды и сосуды. Благодаря этому удалось в целом уточнить хронологию и культурную принадлежность стел. Вполне вероятно, что обе они были изготовлены одним и тем же мастером или группой мастеров, придерживающихся схожих традиций изваяния. Возможно, изваяния первоначально стояли на древнетюркских поминальных комплексах в окрестностях с. Туура-Суу.

Ключевые слова: Иссык-Кульская котловина, с. Туура-Суу, средневековые каменные изваяния, современное кладбище, вторичное использование.

Разнообразные каменные стелы с изображением антропоморфных личин, туловища и рук, а также некоторых видов оружия и принадлежностей костюма были широко распространены в степях Центральной Азии в различные исторические периоды. Некоторые виды антропоморфных изваяний неоднократно обращали на себя внимание более поздних обитателей этих земель. Иногда статуи подвергались намеренному повреждению или вторично ис-

пользовались в качестве строительного материала в более позднее время.

Так, на территории северо-западной Монголии на древнетюркском памятнике Булган-Хангай в процессе полевых исследований было обнаружено лежащее на поверхности каменное изваяние, изготовленное из более древней антропоморфной скульптуры. Вероятно, оно может относиться к чемуручекской культуре раннего бронзового века [Ковалев, 2012. С. 51]. В музее

* Исследование проведено в рамках Программы XII.186.2. Проект № 0329-2018-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Каменные изваяния на кыргызском кладбище (современный вариант вторичного использования средневековых статуй) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3: Археология и этнография. С. 129–135.

Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая в г. Урумчи экспонируется древнетюркское каменное изваяние из уезда Унчен, изготовленное из оленного камня, который должен относиться к эпохе поздней бронзы или начальному периоду раннего железного века.

В свою очередь, антропоморфные скульптуры, устанавливавшиеся на поминальных комплексах древних тюрков, в некоторых случаях были повреждены, разломаны или использованы в качестве строительного материала в последующем, когда среди народов Центральной Азии получили распространение прозелитарные мировые религии.

Разнообразные каменные скульптуры на территории Тянь-Шаня и Семиречья в течение многих лет привлекали внимание ученых и любителей древности. Наиболее ранние упоминания о каменных изваяниях, находившихся в Иссык-Кульской котловине, относятся еще к началу XIX в. [Винник, 1995. С. 160]. В 1856 г. во время путешествия на оз. Иссык-Куль несколько «каменных баб» было осмотрено известным казахским ученым, находившимся на российской военной службе, Ч. Ч. Валихановым. По его утверждению, ко времени проведения исследований еще не было определено, «что означали эти бабы и кем поставлены» [1984. С. 341–342]. Вслед за ним, в 1857 г., на Иссык-Куль совершил путешествие известный географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский [Семенов, 1946. С. 182–183]. Он высказал предположение, что эти статуи могли принадлежать усуням. В последующие годы о каменных изваяниях в Иссык-Кульской котловине упоминали и некоторые российские любители старины, посещавшие этот район [Винник, 1995. С. 162–164]. Описания нескольких каменных статуй из долины р. Тон были приведены в научном отчете В. В. Бартольда о научной поездке в Среднюю Азию [1996а. С. 429]. Автор проанализировал сведения средневековых письменных источников и с достаточным основанием отнес изученные им каменные изваяния к культуре западных тюрков, которые жили на территории Семиречья в раннем Средневековье. В то же время ученый не вполне оправданно считал их «надгробными» статуями [Бартольд, 1996б. С. 451] – как было установлено археологами в дальнейшем, древнетюркские скульптуры устанавливались на поминальных комплексах.

В середине XX в. изучением каменных изваяний на Тянь-Шане, в том числе в Иссык-Кульской котловине, занимался известный археолог А. Н. Бернштам, осмотревший несколько средневековых скульптур [1952. С. 79–81]. В 1959–1979 гг. на территории Кыргызстана, в том числе в Иссык-Кульской котловине, проводил археологические исследования Д. Ф. Винник, который обнаружил некоторые древнетюркские каменные изваяния в долине р. Туура-Суу, к югу от западной части озера Иссык-Куль [1995. С. 174–175]. В 1961–1962 гг. значительное количество каменных изваяний на территории Тянь-Шаня и Семиречья, в том числе в Иссык-Кульской котловине, было изучено Я. А. Шером. В 1966 г. прорисовки и краткие описания многих скульптур, в частности тех, что стояли на кладбище с. Туура-Суу, были введены этим исследователем в научный оборот в работе, посвященной анализу каменных изваяний Семиречья [Шер, 1966. С. 122. Табл. XXVIII, 139, 140]. В 1970-х гг. изучением древнетюркских каменных изваяний в Прииссыккулье занимался кыргызстанский исследователь В. П. Мокрынин [Мокрынин, Гаврюшенко, 1975]. Он предложил свой вариант классификации каменных изваяний, часть которых отнес к одному – четвертому – типу. В рамках этого типа им были выделены как мужские, так и женские изваяния с сосудом в руках [Мокрынин, 1986. С. 111]. В последние десятилетия изучением средневековых скульптур в Кыргызстане, в том числе в Иссык-Кульской котловине, занимались современные кыргызстанские и российские археологи (см., например: [Табалдиев, 1996. С. 61–70; Москалев, Солтобаев, 2008] и др.).

Приведенные сведения по истории изучения каменных изваяний в Притяньшанье свидетельствуют, что традиция создания и установки антропоморфных каменных скульптур на поминальных комплексах и святилищах восходила здесь к раннему бронзовому веку и продолжала существовать у некоторых этносов до развитого Средневековья. В целом большинство исследователей считали, что обычай установки антропоморфных каменных изваяний в данном регионе постепенно прекратил свое бытование со времени распространения ислама.

В течение 1950–1970-х гг. представители кыргызстанских региональных и местных

властей и помогавшие им археологи и краеведы, работавшие в разных районах Кыргызстана, стали собирать и перевозить каменные изваяния в Центральный республиканский и многие местные краеведческие музеи, а также в некоторые школы и дома культуры, поселковые парки, расположенные в ближайших от них населенных пунктах. К сожалению, при этом, как правило, не фиксировались места их первоначальной установки. Со слов местных жителей известно, что одно из двух каменных изваяний, стоящих на кладбище с. Туура-Суу в южной части Иссык-Кульской котловины, в долине р. Тон, ранее (до середины XX в.) было установлено во дворе местной школы, где находилось в течение некоторого времени. Однако о том, где именно оно стояло изначально, никаких сведений не сохранилось. В отношении второго изваяния точных данных о месте его первоначального расположения к настоящему времени также не осталось. В дальнейшем, вероятно, в конце 1950 – начале 1960-х гг., обе скульптуры оказались на современном кладбище этого села.

По сведениям, полученным от современных кыргызстанских исследователей, в предшествующие годы оба изваяния были осмотрены специалистами из Кыргызстана и России. Однако их вторичное использование в качестве современных надгробий не привлекло внимания. Это дает основание обратиться к дополнительному изучению артефактов, что и было выполнено авторами настоящей статьи во время проведения в 2015 г. полевых исследований на территории Республики Кыргызстан. Целенаправленный анализ этих редких каменных скульптур представляет определенный научный интерес также ввиду особенностей их оформления (рис. 1; 2). Наше изучение проведено с учетом упомянутой работы Я. А. Шера с целью уточнения их хронологии и культурной принадлежности, специфики вторичного использования.

Памятники установлены на кладбище на забетонированных прямоугольных постаментах. Высота сохранившейся части одного из изваяний над бетонным основанием – 100 см, вместе с ним – 130 см, ширина – 53 см, толщина – 23 см. Высота второй статуи – 113 см, с основанием – 143 см, ширина – 45 см, толщина – 30 см. В верхней части скульптур установлены изображения по-

лумесяца и звезды, вырезанные из железа. Головы отбиты и отсутствуют, а на обратной стороне статуй выбиты современные надписи, включая фамилии, имена и годы жизни погребенных в могилах людей, бывших жителей с. Туура-Суу. При этом передние части изваяний с изображением одежды, рук и сосудов не были повреждены, что дает возможность их фотографической фиксации и изучения в современном состоянии.

Сами скульптуры изображают взрослых людей, выполненных стоящими в полный рост, с согнутыми в локтях и соединенными на груди руками, в которых находятся сосуды. У одной из скульптур сосуд с туловом конической формы и низким, выделенным поддоном; судя по расположению рук, он удерживается пальцами правой руки за боковую ручку, а левой рукой поддерживается снизу за поддон (см. рис. 1). На другой скульптуре кубок обхвачен обеими ладонями с двух сторон за тулово (см. рис. 2). На плечах, поверх туловища, спины и рук, у обоих изображенных людей показана верхняя одежда, которую можно определить как плащ (или накидку), не имеющий рукавов. Под плащами показана длиннополая одежда, возможно, халаты. Вероятно, оба персонажа были подпоясаны широкими поясами.

Рис. 1 (фото). Древнетюркская скульптура на кладбище с. Туура-Суу (с сосудом на поддоне) (без масштаба)

Рис. 2 (фото). Древнетюркская скульптура на кладбище с. Туура-Суу (с кубком в обеих руках) (без мاسштаба)

Согласно краткому описанию изваяний с кладбища с. Туура-Суу, данному Я. А. Шером, на запястьях обеих рук каждой скульптуры выделены браслеты [1966. С. 122. Табл. XXVIII, 139, 140]. По нашему мнению, это не «браслеты», а, вероятнее всего, складки, или отвороты окончаний рукавов халата, тем более что пол персонажей, изображенных на скульптурах, Я. А. Шером не был определен.

По манере исполнения изваяния во многом схожи между собой. Можно предположить, что они изготовлены либо одним мастером, либо несколькими ваятелями, которые придерживались схожих традиций в изготовлении и оформлении скульптур.

Согласно утверждениям местных жителей, когда одна из этих каменных статуй находилась во дворе школы в с. Туура-Суу, рядом с ней располагалась отколотая голова статуи. Однако какое именно было изображено лицо – мужское или женское, в результате опроса установить не удалось. По представлениям некоторых жителей, видевших данное изваяние и его голову, одна из двух статуй должна была изображать

мужчину, а другая – женщину. При этом на изваяниях отсутствует не только оружие, но и какие-либо другие реалии, по которым их можно было бы определить в качестве предметов, характерных для мужских или женских изваяний древних тюрков.

Судя по наличию изображений сосудов и отсутствию оружия на поясе, обе скульптуры относятся ко II типу изваяний по классификации, предложенной в середине 1960-х гг. для средневековых каменных изваяний Тянь-Шаня и Семиречья Я. А. Шером. Такие статуи, как правило, воспроизводились с сосудом в руках, но без оружия. Исследователь отнес памятники данного типа к уйгурскому времени [1966]. Однако с такой гипотезой трудно согласиться, несмотря на то что похожие суждения ранее уже высказывались в отношении древнетюркских каменных изваяний, исследованных на территории Тувы. В книге по средневековой истории Тувы Л. Р. Кызласов высказал мнение о том, что при уйгурах в VIII–IX вв. в Туве появились каменные изваяния, на которых мужские фигуры изображались большей частью без оружия, но с сосудом в руках. Он отнес эти статуи к селенгинским уйгурам, а также к не определенным им в этническом отношении «местным племенам» Тувы [Кызласов, 1969. С. 80, 82]. Но достаточно широко известно, что даже на поминальных и триумфальных памятниках высшей знати Уйгурского каганата (установленных в честь уйгурского кагана Моюн-чура, на монументальных комплексах Могойн-Шинэ-усу и Терхин-Цаган-нур, а также на стеле с надписью, установленной в память о кагане Кутлуге в столичном городе Орду-Балыке) не было обнаружено каменных изваяний, изображающих людей [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 130, 132–133]. Поэтому согласиться с высказанным предположением о принадлежности подобных статуй культуре средневековых уйгуров не представляется возможным.

По мнению Я. А. Шера, изваяния с изображением сосуда в руках должны датироваться в пределах широкого хронологического диапазона. Он считал, что такие скульптуры «появились значительно раньше древнетюркских» и продолжали устанавливаться вплоть до VIII–IX вв. Однако в отношении изваяний с кладбища с. Туура-Суу им утверждается, что, «судя по изображениям сосудов в руках у обоих персонажей, они

были синхронны древнетюркским каменным статуям» [Шер, 1966. С. 44], а подобные женские изваяния с сосудом в руках могли быть связаны с «культом обоженных предков» по женской линии [Там же. С. 64].

Необходимо обратить внимание на то, что у одного из персонажей с кладбища с. Туура-Суу сосуд показан в согнутой в локтевом суставе правой руке, в то время как ладонь левой руки поддерживает его за дно. Схожее, хотя и не тождественное расположение рук, воспроизведено еще на нескольких мужских изваяниях с Тянь-Шаня и Семиречья [Шер, 1966. С. 100]. На втором из изваяний персонаж держит сосуд ладонями обеих рук. Подобная манера держать сосуд перед собой в большей степени характерна для женских изваяний, изученных на территории Кыргызстана, хотя она встречается и на некоторых мужских скульптурах [Там же. С. 124–125].

В процессе изучения обеих скульптур не удалось определить, изображают ли они людей одного пола. Но следует указать на то, что в пределах единого древнетюркского поминального комплекса, включающего несколько оградок, что фиксировались и на Тянь-Шане, известны случаи представления статуй, изображавших людей разного пола и возраста [Табалдиев, 1996. С. 71–73].

Вероятнее всего, первоначально оба рассматриваемых памятника находились на древнетюркских поминальных комплексах, расположенных где-то в окрестностях с. Туура-Суу. В дальнейшем, после того, как древнетюркская поминальная традиция пресеклась, возможно, в связи с принятием населением Тянь-Шаня и Семиречья ислама, эти статуи могли быть намеренно повреждены – у них отбили головы.

Результаты проведенного анализа, развивающие и уточняющие бытовавшие ранее в науке представления, наглядно демонстрируют, что изученные на современном кладбище с. Туура-Суу древнетюркские каменные изваяния отличаются определенным своеобразием внешнего оформления от многих других скульптур, ранее исследованных на Тянь-Шане и в Семиречье. Они представляют собой своеобразную часть средневекового статуарного культурного наследия Кыргызстана. Необходимо подчеркнуть, что случай подобного вторичного использования средневековых каменных изваяний для

установки на современном кладбище в советское время являлся довольно редким и не вполне обычным. Вероятно, это сделали люди, в силу ряда причин плохо представлявшие себе их научную ценность.

Список литературы

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. // Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек: Шам, 1996а. С. 369–448.

Бартольд В. В. К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане // Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек: Шам, 1996б. С. 449–465.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. № 26. 346 с.

Валиханов Ч. Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль 1856 г. // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата: Сов. энциклопедия, 1984. Т. 1. С. 306–357.

Винник Д. Ф. История изучения каменных изваяний Кыргызстана // Из истории и археологии Древнего Тянь-Шаня. Бишкек: Илим, 1995. С. 160–175.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 165 с.

Ковалев А. А. Древнейшие статуи Чемура и прилегающих территорий. СПб., 2012. 160 с.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 211 с.

Мокрынин В. П. По следам прошлого. Фрунзе: Изд-во «Кыргызстан», 1986. 128 с.

Мокрынин В. П., Гаврюшенко П. П. Древнетюркские памятники долины реки Тон // Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе: Илим, 1975. С. 102–112.

Москалев М. И., Солтобаев О. А. Каменные изваяния Кошой-Коргонского музея // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2008. Вып. 3. С. 31–33.

Семенов П. П. Путешествие в Тянь-Шань 1856–1857 гг. М.: Географгиз, 1946. 256 с.

Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 254 с.

Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. 139 с.

Материал поступил в редколлегию 20.11.2017

Yu. S. Khudiyakov, A. Yu. Borisenko, Zh. Orozbekova

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

khudiyakov@mail.ru, aborisenko2@mail.ru, bjkut@yandex.ru

MEDIEVAL STONE STATUES AT MODERN KYRGYZ CEMETERY (SECOND USE)

Purpose. We considered a quite uncommon practice of medieval Turkic stone statues getting second use at a modern cemetery in terms of studying the anthropomorphous statuary tradition in Central Asia. The statues discovered were set up as at the cemetery of Tuura-Suu Village in the Issyk Kul Hollow in Kyrgyzstan. We aimed at promoting studies of ancient and medieval stone statues on the territory of Tian Shan and Jetysu within the borders of Central Asian historical and cultural region in the course of research of these statues. There are some well-known cases in the history of research of ancient and medieval Central Asian cultures when Turkic nomads used ancient stone steles and anthropomorphous statues related to the Bronze Age and initial stage of the Early Iron Age much later, in the Early Middle Ages. Now, the Middle Age statues were used in Modern Time. The statues themselves are quite rare and deserve additional studying.

Conclusion. The special features of design on the stone statues from the cemetery of Tuura-Suu Village include traditional types of clothes and vessels in the hands of the figures depicted on these sculptures. The figures' heads are missing, so we cannot conclude if they were two men or a man and a woman. As a result of conversation with locals, we determined that one of sculptures used to be located in the courtyard of a rural school in Village, and then it was transported to the present location at the cemetery and was used as a tombstone. The gender of the people on these statues cannot be identified because of the absence of their heads and no images of weapons. Despite both the statues were used as tombstones on modern graves, the inhabitants of the Tuura-Suu Village who gave the statues the second use saved the primary medieval images on the front side of the statues. Modern archaeologists were able to specify the chronology and cultural identity of the statues set up at the modern cemetery of Tuura-Suu Village because of remaining special features of outer clothing and the vessel form in the hands of both statues.

Results. According to our analysis, both sculptures are likely to have been produced by the same master or a group of craftsmen who adhered to similar traditions of sculpting. Probably, they used to be set up initially at some Old Turkic memorial complexes, placed in honor of the immediate family. Utilization of medieval Turkic stone statues as tombstones at modern Kyrgyz cemeteries is quite a rare occasion in the modern funereal tradition of the Kyrgyz ethnos. The Old Turkic stone sculptures discovered at the cemetery of Tuura-Suu Village are the rare instance of second use of medieval stone statues.

Keywords: Issyk Kul Hollow, Tuura-Suu Village, medieval stone statues, modern cemetery, second use.

References

Bartol'd V. V. Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoi tsel'yu 1893–1894 [Report on a journey to Central Asia with a scientific purpose, 1893–1894]. *Izbrannye trudy po istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana* [Selected works on history of the Kyrgyz people and Kyrgyzstan]. Bishkek, Sham Publ., 1996a, p. 369–448. (in Russ.)

Bartold V. V. K voprosu ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Turkestane [To archaeological research in Turkestan]. *Izbrannye trudy po istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana* [Selected works on history of the Kyrgyz people and Kyrgyzstan]. Bishkek, Sham Publ., 1996b, p. 449–465. (in Russ.)

Bernshtam A. N. Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tyan'-Shanya i Pamiro-Alaya [Historical and Archaeological Essays of Central Tien-Shan and Pamir-Alai]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of USSR]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, no. 26, 346 p. (in Russ.)

Klyashtornyi S. G., Savinov D. G. Stepnye imperii Evrazii [Steppe empires of Eurasia]. St. Petersburg, Farn Publ., 1994, 165 p. (in Russ.)

Kovalev A. A. Drevneishie statui Chemurcheka i prilegayushchikh territorii [Ancient statues of Qiemurqiek and contiguous territories]. St. Petersburg, SPB GBUK MISR Publ., 2012, 160 p. (in Russ.)

Kyzlasov L. R. Istoriya Tuvy v Srednie veka [History of Tuva in the Middle Ages]. Moscow, MSU Publ., 1969, 210 p. (in Russ.)

Mokrynin V. P., Gavryushchenko P. P. Drevnetyurkskie pamyatniki doliny reki Ton [Ancient Turkic Sites of the Valley of the Ton River]. *Arkheologicheskie pamyatniki Priissykkul'ya* [Archaeological Sites on the Area of Issyk Kul]. Frunze, Ilim Publ., 1975, p. 102–112. (in Russ.)

Mokrynin V. P. Po sledam proshlogo [Tracing the Past]. Frunze, Kirgizstan Publ., 1986, 128 p. (in Russ.)

Maskalev M. I., Soltobaev O. A. Kamennye izvayaniya Koshoi-Korgonskogo muzeya [Stone Statues of Quoshoi Quorgon Museum]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kyrgyzstana* [Materials and Research on archaeology of Kirgizstan]. Bishkek, Ilim Publ., 2008, iss. 3, p. 31–33. (in Russ.)

Scher Ya. A. Kamennye izvayaniya Semirech'ya [Stone Sculptures from Semirechye]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1966, 139 p. (in Russ.)

Semenov P. P. Puteshestvie v Tyan'-Shan' 1856–1857 gg. [Travelling to Tien Shan 1856–1857]. Moscow, Geografiz Publ., 1946, 256 p. (in Russ.)

Tabaldiev K. Sh. Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tyan'-Shanya [Burial mounds of the medieval Nomadic Tribes of Tian-Shan]. Bishkek, Aibek Publ., 1996, 256 p. (in Russ.)

Valikhanov Sh. Sh. Dnevnik poezdki na Issyk-Kul' 1856 g. [Journal of a trip to Lake Issyk-Kul in 1856]. *Valikhanov Sh. Sh. Sobranie sochinenii v 5 tomakh* [Valikhanov Sh. Sh. Collected works in five volumes]. Alma-Ata, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1984, vol. 1, p. 306–357. (in Russ.)

Vinnik D. F. Istoriya izucheniya kamennykh izvayanii Kyrgyzstana [A History of the Studying of the Stone Statues of Kyrgyzstan]. *Iz istorii i arkheologii drevnego Tyan'-Shanya* [From the History and Archaeology of the Ancient Tien-Shan]. Bishkek, Ilim Publ., 1995, p. 160–175. (in Russ.)

И. В. Рассадин

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия*

rassadin.73@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОЛЕНЕВОДСТВА У НАРОДОВ САЯНСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Статья посвящена материальной культуре тюрко-монгольских народов, проживающих в пределах Саянской горной страны. Процесс их формирования постоянно сопровождался взаимодействием различных этносов и их культур. В научной литературе имеются описания отдельных малочисленных охотничье-оленьеводческих народов. Но основательные и всесторонние исследования, включающие, в том числе, сравнительный анализ, крайне редки или отсутствуют вовсе. Поэтому в представляемой работе показано, как в разных географических зонах Саян возникали и развивались различные хозяйственно-культурные типы, причем в условиях одного типа могли формироваться различные этносы. Осваивать обширные территории этим народам помогал домашний северный олень карагасской породы, который использовался как транспорт, оленина шла в пищу, из шкуры изготавливали одежду. Оленеводство у тюрко-монгольских народов горных систем Саян выделяется в самостоятельный саянский тип выючно-верхового направления и традиционно сочетается с кочевым охотничье-оленьеводческим образом жизни в условиях горной тайги.

Ключевые слова: Саяны, оленеводство, выючно-верховое использование.

На современном этапе задачи сохранения традиционных форм хозяйствования с целью поддержания биоразнообразия хрупкой северной природы, в том числе в условиях Саянской горной страны, являются весьма актуальными. В условиях рыночной экономики может показаться, что разведение домашних северных оленей на данной территории не рентабельно. Но такое суждение не учитывает ряд важных факторов, связанных с обеспечением сохранения традиционного образа жизни малочисленного коренного населения региона. Поэтому цель статьи — показать значимость оленеводства в повседневной жизни автохтонов края. Основные наши задачи заключаются в том, чтобы охарактеризовать географические и климатические условия зоны обитания, особенности и преимущества саянского оленеводства как

одной из наиболее реальных форм ведения хозяйства тюрко-монгольскими народами в суровых условиях горной и высокогорной тайги, его место в ряду иных способов оленеводства у народов севера Евразии. Результаты данного исследования будут способствовать дальнейшему, более углубленному, сравнительному изучению хозяйственно-культурных типов тюрко-монгольских оленеводческих народов, что имеет большое научное значение для проведения сравнительно-исторических и типологических этнографических изысканий в среде коренных жителей Сибири и Центральной Азии.

Тюркские и монгольские народы, обитающие в Центральной Азии, формировались как этносы с присущими им специфическими чертами хозяйства, особенностями материальной и духовной культуры, а также

Рассадин И. В. Особенности оленеводства у народов Саянской горной страны в прошлом и настоящем // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3: Археология и этнография. С. 136–141.

бытового уклада в различных географических зонах региона. Здесь возникали и развивались различные хозяйственно-культурные типы, причем в условиях одного из них могли формироваться разные этносы. В Центральной Азии, наряду со степными и горно-степными ландшафтами, где представлено кочевое скотоводство, имеются также обширные горно-таежные массивы, одним из которых является зона Саян – древнейшего геологического горного района, покрытого почти сплошной тайгой и содержащего на высокогорных плато (так называемом белогорье) обширные территории высокогорных тундр, обильно покрытых ягелем – идеальным кормом для северных оленей. Дикий северный олень в Саянах сохранился и поныне.

Саянское нагорье издревле было населено человеком, о чем свидетельствуют как открытие, например в Тофаларии, стоянок неолитического времени [Мельникова, 1994. С. 11], так и наскальные рисунки каменного века [Окладников, 1980; Мельникова, 1994. С. 16]. Освоить эти земли помогал домашний северный олень, разведением которого традиционно занимались различные тюркские и монгольские народы, проживающие на данной территории. Из тюркоязычных – это тувинцы и тофы (тофалары) на российской части Саян, цаатаны и уйгуро-уряхайцы в монгольской части Саян и Присаянья. Кроме того, тувинские племена джаг-дыва и кёк-мончак расселены в северо-западной Монголии, на стыке Саян и Алтая. Из монгольских народов в данном регионе обитают собственно монголы-халха, дархаты, а также буряты, причем последние как на территории Монголии (Прихубсугулье), так и в России (Присаянье). Вместе с бурятами в Окинском районе Бурятии живут сойоты, ныне бурятоязычные, но по своему происхождению связанные с тюркскими оленеводческими племенами цаатанов и тофов (тофаларов).

Оленеводство как специфическая отрасль животноводства представлено здесь в настоящее время из тюркских народов у тувинцев-тоджинцев [Вайнштейн, 1961. С. 57–68; 1972], тофов [Керцелли, 1925; Петри 1927а. С. 46; Помишин, 1971; Сергеев, 1956. С. 531], цаатанов Монголии [Бадамхатан, 1962. С. 7–9; Дулам, 1995. С. 113–114], из монголоязычных народов – у дархатов Монголии [Бадамхатан, 1965. С. 113–115], в состав кото-

рых вошли многие тюркоязычные этнические группы, родственные тофаларам и тувинцам, а также у бурятоязычных ныне сойотов Окинского района Бурятии, имеющих тюркское происхождение [Петри, 1927б. С. 14].

Названные исследователи единодушно утверждают, что оленеводство у этих тюрко-монгольских народов Саян выделяется в самостоятельный саянский тип [Василевич, Левин, 1951. С. 76–77] выючно-верхового направления и традиционно сочетается с кочевым охотничье-промысловым образом жизни в условиях горной тайги (всего же в России выделяют 5 типов оленеводства: лопарский, самоедский, тунгусский, чукотско-корякский и саянский) [Там же. С. 77].

Здесь разводят северных оленей так называемой карагасской породы, которые, как известно, более одомашнены, являются более крупными из всех пород домашних северных оленей, выносливы и очень не прихотливы [Керцелли, 1925. С. 89]. Относясь, как и у ряда эвенкийских групп, к выючно-верховому типу без пастушеской собаки, саянское оленеводство отличается вместе с тем способом кастрации и многими деталями выючно-верхового транспорта. Происхождение поводка и посадка слева (в одном случае на оленя, в другом – на нарты) сближают саянский тип с самоедским.

По технике выючно-верхового транспорта выделяются три типа: саянский относят к отдельному типу, кроме того, еще известны сибирский (распространен у эвенов, эвенков, долган, юкагиров, якутов, негидальцев, ороков) [Василевич, Левин, 1951. С. 73] и лопарский типы.

Для саянского и сибирского типов известны как перевозка выюков на специальных выючных седлах, так и верховая езда. При этом саянский и сибирский типы заметно разнятся. Саянский характеризуется чертами, сближающими его с выючно-верховым конским транспортом, – все устройство как верхового, так и выючного седла (со стременами и двумя ремнями), способ седлания и посадка, почти полное отсутствие посоха; поводок проходит слева (у сибирского типа с правой стороны). Лопарский тип выючно-верхового транспорта имеет только выючное седло особой конструкции.

Тофам, тувинцам-тоджинцам, сойотам, цаатанам и дархатам были известны три ти-

па седел: верховое, вьючное и детское. Верховое седло саянского типа по своему устройству сходно с конским. Оно имеет высокие массивные луки (укреплены на досках, на некотором расстоянии от концов к середине), стремяна и, кроме подпруги, также подгрудный и подхвостный ремни. Доски его не обшиты, а под седло укладывали сложенный войлок и кусок ровдуги [Василевич, Левин, 1951. С. 71–73]. Вьючное деревянное седло использовалось для перевозки грузов. Оно состояло из двух узких досок, скрепленных деревянными луками. Передняя лука у этого седла обычно покрыта резными геометрическими рисунками. Все части седла скрепляли тонкими кожаными ремешками, для продевания которых в деревянных частях седла прожигались тонкие отверстия. Крепилось вьючное седло при помощи нагрудного ремня, подхвостного ремня и подпруги. Доски вьючного седла не были обшиты. Обычно под них клали потник из куска войлока и куска кожи.

Только у тофов (*эримээш*), тувинцев-тоджинцев (*эзмээш*), цаатанов (*эримээш*), сойотов (*эримээш*) и дархатов (*эвээлж*) имеются особые седла с высокими перекрестиями вместо обеих луков, предназначенные для перевозки детских колыбелей и малолетних детей [Рассадин, 2012. С. 215]. Детское седло состояло из двух деревянных досок, которые скреплялись крестообразными дужками-луками. На таком седле устанавливали люльку и закрепляли ее кожаным арканом. Часто к лукам седла прикрепляли выгнутые дугой прутья, за которые держались дети, сидевшие в седле. Чтобы ребенку было тепло, поверх дужек во время перекочевки клали шкуры [Вайнштейн, 1961. С. 62]. Подкладывавшимся под седло потником служили прямоугольный кусок войлока или шкура. Как нам удалось выяснить, такие же седла есть у киргизов (*айырмач*), а также у северных монголов (*эвээлж*) и калмыков (*эвээлжн*). В работе о тувинцах-тоджинцах на связь тувинского и киргизского седел указывал С. И. Вайнштейн [1960].

При седлании оленя седло клали таким образом, чтобы его передняя часть находилась практически на лопатках оленя. Это позволяло переместить тяжесть на более прочное место: если груз поместить на спину, то можно сломать позвоночник, поскольку у оленя он существенно слабее, чем у лошади. На оленя, как и на коня, садились

с левой стороны, используя при этом различные возвышения в виде кочек, пней, поваленных деревьев, иногда опираясь при посадке на посох.

Как известно, олени являются очень выносливыми. В зимних условиях под седлом они могут проходить до 30–40 км, тогда как лошадь в тех же условиях очень быстро выбивается из сил и проходит около 20 км. Верхом ездят, как правило, на быках-производителях и кастратах, на которых также перевозят грузы. Под вьюк ставят и важенки. Следует отметить, что нарты не применялись. Транспортное и вьючно-верховое использование оленей позволяло населению Саян осваивать большие площади охотничьих и кормовых угодий.

У тофов, сойотов, цаатанов и тувинцев-тоджинцев было развито доение оленей, что обеспечивало их питательным и жирным молоком и некоторыми молочными продуктами. Употребляли в пищу также мясо оленей, но старались их беречь, в основном питаясь мясом диких животных.

Оленеводство было основано на экстенсивном использовании пастбищ и, как охота, требовало постоянных перекочевок на новые ягельники. Весь годовой цикл был связан со сменой оленьих пастбищ и охотой в разные сезоны. Интересы оленеводства определяли строгий цикл кочевок с заранее намеченными остановками в местах, наиболее благоприятных для пастбы, гона, отела. Кроме того, маршруты и количество кочевок зависели и от требований охотничьего промысла. Собираательство тоже требовало определенных сезонных перекочевок. Для всего этого в течение года оленеводы-охотники совершали 15 и более переходов различного характера в зависимости от их цели. Как правило, зимой они жили в долинах рек, осенью и весной располагались выше, в таежных массивах. Для того чтобы защитить оленей от гнуса, летом стойбища располагали на белогорье, где имелся ягель и дул ветер, отгонявший насекомых. При пастбе оленей в летнее время очень важен выбор места для выгона. Оно должно было отвечать целому ряду требований, связанных с созданием подходящих условий в первую очередь для оленей и лишь затем для охотников-оленеводов. И раньше и сейчас считается, что самыми лучшими, подходящими местами являются высокогорные луга с ягелем выше линии леса. Как прави-

ло, только там летом олени чувствовали себя хорошо и вольготно. Такие пастбища обычно располагались в широких долинах, окруженных горами (часто это кратеры древних вулканов), чтобы олени не разбредались – они паслись на ягельниках без особого присмотра пастухов и без пастушеских собак.

Именно летний выпас, когда олени отдыхают и накапливают силы для предстоящей осенней и зимней работы, считается самым хлопотным периодом. В начале и разгаре лета олени питаются свежей травой, почками карликовой березы, ягелем. В конце лета излюбленной пищей оленей, в поиске которой они широко разбредаются по округе, являются грибы. Для оленеводов тогда наступает самое трудное время, так как именно в этот период происходят значительные потери животных.

Во времена перекочевков олени работают и пасутся обычно там, где люди делают стоянки. Как правило, важенки уже не доятся, и поэтому за ними нет специального ухода, как это происходило летом.

Сопоставительный анализ хозяйственных типов, представленных у тюрко-монгольского населения Саянского региона, показывает, что скотоводство в целом присуще как тюркским, так и монгольским народам, оленеводство же как его специфическая отрасль характерно главным образом для тюркских этносов. В оленеводстве Евразии оно представляет самостоятельный саянский тип. Благодаря выючно-верховому использованию оленей, малочисленные охотничье-олeneводческие народы смогли освоить обширные территории тайги и белогорья Саян.

Список литературы

Вайништейн С. И. К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении // КСИЭ. 1960. Вып. 34. С. 54–60.

Вайништейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.: Вост. лит., 1961. 217 с.

Вайништейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972. 314 с.

Василевич П. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. № 1. С. 63–87.

Керцелли С. В. Карагасский олень и его хозяйственное значение // Северная Азия. 1925. № 3. С. 87–92.

Мельникова Л. В. Тофы: Историко-этнографический очерк. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 304 с.

Окладников А. П. Звери и знаки Ярминского порога // Звери в камне. Новосибирск: Наука, 1980. С. 96–116.

Петри Б. Э. Оленеводство у карагас. Иркутск, 1927а. 46 с.

Петри Б. Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные данные) // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. 1927б. Вып. 12. С. 217–226.

Помишин С. Б. О транспортном использовании оленя тофаларами // СЭ. 1971. № 5. С. 128–131.

Рассадин И. В. О характере оленеводства у окинских сойотов // Гуманитарный вектор. 2012. № 4 (32). С. 214–217.

Сергеев М. А. Тофалары // Народы Сибири / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л., 1956. С. 530–539. (Народы мира: Этнографические очерки / Под общ. ред. С. П. Толстова)

Бадамхатан С. Хөвсгөлийн цаатан ардын аж байдлын тойм [Жизнеописание хубсугульских цаатанов]. Улаанбаатар: ШУАХ, 1962. 66 с.

Бадамхатан С. Хөвсгөлийн дархад ястан [Дархаты – народ Хубсугула]. Улаанбаатар: ШУАХ, 1965. 257 с.

Дулам С. Уйгар-цаатан ардын бөө мөргөл, угсааны зүйн талаарх ажиглалт [Некоторые замечания по шаманству уйгуров-цаатанов] // Эрдэм шинжилгээний бичиг [Новые исследования в науке]. Улаанбаатар, 1995. № 5 (113). С. 110–123.

I. V. Rassadin

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanov Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation*

rassadin.73@mail.ru

**FEATURES OF REINDEER BREEDING
AMONG THE PEOPLES OF SAYAN MOUNTAIN COUNTRY:
PAST AND PRESENT**

Purpose. In the scientific literature on the ethnicities of the Sayan Uplands there are no particular works which cover the specificity of their economic types, especially in comparison and contrast. It is possible to find only separate descriptions. The author provides contrastive-comparative analysis and describes peculiar features of the economy of the ethnicities studied, paying special attention to their original way of leading household activities. The following ethnic groups are known to belong to the indigenous Turk-Mongolian peoples of the Sayan Uplands: the Tuvans, Khalkha-Mongols, Buryats, Soyots, Tofalars, Dukhans (Tsaatan), Tuvans-Todzhins and others. For many of them, the reindeer was the main domestic animal, being their food, clothes and transport. Reindeer breeding remains relevant for the peoples in the region at present, as well, despite the use of different types of transport.

Results. The article gives extensive characteristics of some economic types of the Turkic-Mongolian people inhabiting the Sayan Uplands. We drew some conclusions about the causes and development of various economic and cultural types based on the analysis of source study and field work data. We see that the cultures of the identical economic type were formed in different geographical zones during the period when ethnic unions and early states consisting of various ethnic groups arose and broke up. The Sayan region is one of striking examples where such processes took place. Its feature is that the domestic reindeer of the Karagas breed helped its peoples settle in the vast territories of the highland tundra and mountainous taiga. This is how reindeer breeding originated and became a specific branch of livestock production in the area. The author shows an exceptional role of reindeer breeding in everyday life of indigenous peoples not only in the Sayan region, but also in Mongolia. Special attention is given to the peculiarities of using reindeer as pack-and-riding animals by the Turkic small-numbered peoples. Also, the author describes deer grazing features and provides the analysis of food supply. The article is significant in that it draws our attention to fragility, uniqueness and originality of the nomadic culture, its close interrelation and dependence on climatic conditions.

Conclusion. Reindeer breeding of the Turkic-Mongolian Sayan peoples can be defined as a special Sayan pack-and-riding type which has been traditionally and harmoniously combined with nomadic hunting and reindeer breeding in the conditions of the mountainous taiga.

Keywords: Sayan mountain country, reindeer breeding, pack-riding.

References

- Badamchtan S. Chovsogoliin darchad yastan [The Darkhads-the people of Khubsugul]. Ulaanbaatar, SHUAKH Publ., 1965, 257 p. (in Mong.)
- Badamchtan S. Chovsogoliin tsaatan ardyn azh baidlyn toim [The Life of the Dukhans of Khubsugul]. Ulaanbaatar, SHUAKH Publ., 1962, 66 p. (in Mong.)
- Dulam S. Uigar-tsaatan ardyn boo morgol, ugsaatny zuin talaarkh azhiglalt. [Some Comments on the Shamanism of the Uyghurs-Dukhans]. *Erdem shinzhikgeenii bichig* [New researches in science]. Ulaanbaatar, 1995, no. 5 (113), p. 110–123. (in Mong.)
- Kertselli S. V. Karagaskii olen' i ego khozyaistvennoe znachenie [The Karagas Reindeer and its Economic Importance]. *Severnaya Aziya* [Northern Asia], 1925, no. 3, p. 87–92. (in Russ.)
- Mel'nikova L. V. Tofy: istoriko-etnograficheskii ocherk [The Tofa People: Historical and Ethnographic Essay]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1994, 304 p. (in Russ.)
- Okladnikov A. P. Zvery i znaki Yarminskogo poroga [Animals and Signs of the Yarminsky Porog]. *Zveri v kamne* [Animals in Stone]. Novosibirsk, Nauka, 1980, p. 96–116. (in Russ.)

Petri B. E. Etnograficheskie issledovaniya sredi malykh narodov v Vostochnykh Sayanakh. (Predvaritel'nye dannye) [Ethnographic Study Among the Small Peoples in the East Sayan Mountains (Preliminary Data)]. *Sbornik trudov professorov i prepodavatelei Irkutskogo Gos. Un-ta* [Collection of Works by Professors and Lecturers of Irkutsk State University]. 1927b, iss. 12, p. 217–226. (in Russ.)

Petri B. E. Olenevodstvo u karagas [Reindeer Breeding of the Karagas People]. Irkutsk, Vlast' truda Publ., 1927a. 46 p. (in Russ.)

Pomishin S. B. O transportnom ispol'zovanii olenya tofalarami [The Transport Use of the Reindeer by Tofalars]. *Sovetskaya Etnografiya* [Soviet Ethnography], 1971, no. 5, p. 128–131. (in Russ.)

Rassadin I. V. O kharaktere olenevodstva u okinskikh soiotov [About the Nature of Reindeer Breeding of Oka Soyots]. *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian Vector], 2012, no. 4 (32), p. 214–217. (in Russ.)

Sergeev M. A. Tofalary [Tofalars]. *Narody Sibiri* [Peoples of Siberia]. Eds. M. G. Levina, L. P. Potapov. Moscow, Leningrad, 1956, p. 530–539. (Peoples of the World: Ethnographic Essays. General ed. S. P. Tolstova) (in Russ.)

Vainshtein S. I. Istoricheskaya etnografiya tuvintsev. Problemy kochevogo khozyaistva [Historical Ethnography of Tuvans. Problems of Nomadic Economy]. Moscow, Nauka, 1972, 314 p. (in Russ.)

Vainshtein S. I. K voprosu o sayanskom tipe olenevodstva i ego vznikenii [To the Question of the Sayan Type of Reindeer Breeding and Its Emergence]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii* [Brief reports of the Institute of Ethnography], 1960, vol. 34, p. 54–60. (in Russ.)

Vainshtein S. I. Tuvinty-todzhinty. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tuvans-todzhins. Historical and Ethnographic Essays]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1961, 217 p. (in Russ.)

Vasilevich P. M., Levin M. Tipy olenevodstva i ikh proiskhozhdenie [Types of Reindeer Breeding and Their Origin]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1951, no. 1, p. 63–87. (in Russ.)

В. В. Николаев

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

nikolaevvv06@mail.ru

МИГРАЦИЯ КУМАНДИНЦЕВ ИЗ СЕЛА В ГОРОД В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА *

Рассматриваются особенности миграции кумандинцев из села в город в начале XXI в. Источниковую базу исследования составили полевые материалы автора, данные похозяйственных книг и Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. В течение предшествующих десятилетий происходило сосредоточение кумандинцев в крупных селах, в основном в районных центрах. В 2000–2010-е гг. их миграция в города была незначительной, поскольку миграционный ресурс для данного этноса был исчерпан в значительной мере еще в XX в. Среди мигрирующих из сельской местности кумандинцев преобладают мужчины, а также люди в экономически активном возрасте (17–40 лет). Более половины мигрантов выбрали Бийск в качестве нового места жительства. При этом численность кумандинцев в Бийске сокращается. Причиной этого является ассимиляция представителей малочисленного народа в городе с преобладающим русским населением. Данный тренд характерен для всего городского населения кумандинцев, несмотря на продолжающийся приток мигрантов из села.

Ключевые слова: Алтай, кумандинцы, миграция, урбанизация, ассимиляция.

Коренное население Алтая было вовлечено в урбанизационные процессы во второй половине XX в. Переселения в предшествующий период имели эпизодический характер. Наиболее активно в город мигрировали кумандинцы, в меньшей степени представители других коренных этнических групп региона. Перемещение населения, изменение среды проживания, в том числе этнического окружения, имеют далеко идущие последствия, которые требуют внимания исследователей. Но урбанизация кумандинцев, как и в целом коренного населения Алтая, осталась за рамками научных интересов предшествующих исследователей и

рассматривалась лишь в общем контексте комплексного анализа развития населения Сибири [Исупов, 1991. С. 32; Население..., 1997. С. 159–160].

Целью настоящего исследования является рассмотрение миграционной активности кумандинцев по линии село – город. Работа основана на полевых материалах автора и статистических данных из похозяйственных книг муниципальных образований Красногорское и Солтонское сельские поселения Алтайского края, Турочакское сельское поселение Республики Алтай за 2002–2016 гг., а также Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. Несмотря на то что фиксация

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00389а).

этнической принадлежности в похозяйственной книге в настоящее время является необязательной, в большинстве сельских администраций сохранилась традиция указания данных сведений. Информация о прибывших и выбывших приводится не всегда в полном объеме (зачастую отсутствуют сведения о месте выбытия / убытия, дате), что позволяет рассматривать полученную информацию скорее как репрезентативную выборку, чем как точные данные о количестве прибывших и уехавших.

Села Красногорское, Солтон и Турочак являются районными центрами одноименных административных единиц. Выбор именно данных населенных пунктов в качестве территорий исследования обусловлен тем, что на протяжении второй половины XX в. произошло сосредоточение большей части сельских кумандинцев в крупных населенных пунктах вследствие ликвидации неперспективных сел и др. В случае с Красногорским районом, помимо райцентра, так и не сформировалось иных очагов притяжения коренного населения, в то время как в Солтонском и Турочакском районах часть кумандинцев осела не только в райцентрах, но и в других крупных селах (Нижняя Ненинка, Сузоп; Санькино).

Традиционная территория проживания кумандинцев находится в границах современных Красногорского, Солтонского районов Алтайского края и Турочакского района Республики Алтай. Пограничное расположение территории расселения обусловили три основных направления миграции на протяжении XX в.: Бийск, Горно-Алтайск и близлежащие города Кемеровской области. Все большее количество кумандинцев вовлекалось в миграционные процессы, переселяясь в города. Так, численность городских кумандинцев увеличилась с 8 чел. в 1926 г. до 1 704 чел. в 2002 г., сократившись к 2010 г. до 1 400 чел. При этом их численность в целом по стране, по данным Всероссийских переписей населения, сократилась с 3 114 чел. в 2002 г. до 2 892 чел. в 2010 г., или на 7,1%.

Уменьшение численности кумандинцев в межпереписной период отмечалось в целом в Алтайском крае (например, в г. Бийске на 27,6%, в Красногорском и Солтонском районах на 22%), в Кемеровской области (на 23,5%). Следует отметить, что резкое сокращение численности бийских кумандин-

цев связано с переводом в статус сельских жителей части бийчан, а именно 113 кумандинцев (с учетом данной группы убыль бийских кумандинцев составила 12,2%) в ходе муниципальной реформы 2006 г. За межпереписной период увеличилась численность только сельских кумандинцев в Республике Алтай (на 28%). Столь резкий рост можно объяснить сменой их этнической идентичности. Численность кумандинцев Горно-Алтайска сократилась незначительно – на 1,1% (табл. 1).

К началу XXI в. остались два основных центра притяжения сельских кумандинцев: Бийск и Горно-Алтайск. Как видно из табл. 2, половина людей, выехавших из сельской местности в 2002–2016 гг., направились в Бийск. Горно-Алтайск стал менее привлекательным в сравнении с предыдущими десятилетиями. В то же время сопоставимое количество кумандинцев выбыло в города, расположенные за пределами Сибирского федерального округа. По нашим полевым материалам, во второй половине XX в. Бийск и Горно-Алтайск являлись, в том числе, «трамплинами» для дальнейшей миграции кумандинцев в другие регионы страны в основном после получения образования (высшего или среднего специального). Переезды напрямую в города за пределы Алтайского края и Республики Алтай в XX в. были редким явлением.

Около половины мигрантов являются выходцами из Красногорского района. Это в первую очередь связано с географической близостью и транспортной доступностью городов (по территории района проходит Чуйский тракт).

Меняют место жительства сопоставимое количество женщин и мужчин. Можно отметить лишь преобладание мужчин, выехавших из с. Солтон. Традиционно для солтонских кумандинцев наиболее привлекательным был переезд в Кемеровскую область, где особенно востребованы мужские руки (шахты, промышленные предприятия). Но, по словам наших информаторов, в последние годы произошла переориентация на Бийск, что подтверждается также материалами похозяйственного учета солтонцев.

Анализ возрастной структуры позволяет выделить две основные группы выбывших, составляющих более половины мигрантов из сельской местности: 17–25-летние и 26–40-летние (табл. 3). При проведении расчетов

Таблица 1

Изменение численности кумандинцев, по данным Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг.

Место проживания	Население									
	городское и сельское					городское				
	городское, чел.		Прирост 2010 к 2002, %		Численность, чел.	Прирост 2010 к 2002, %		сельское		Прирост 2010 к 2002, %
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	
Всего,	3 114	2 892				1 704	1 400	1 410	1 492	+5,8
из них проживают на террито- рии:										
<i>Алтайского края</i>										
Бийский городской округ	1 663	1 401	-15,8		831	609		832	792	-4,8
Красногорский район	732	643	-12,2		732	530		-	113	+113
Солтонский район	348	282	-19		-	-		348	282	-19
<i>Республики Алтай</i>										
г. Горно-Алтайск	406	306	-24,6		-	-		406	306	-24,6
Майминский район	931	1 062	+14,1		445	440		486	622	+28
Турачакский район	445	440	-1,1		445	440		-	-	-
Чойский район	76	93	+22,4		-	-		76	93	+22,4
<i>Кемеровской области</i>										
	322	413	+28,3		-	-		322	413	+28,3
	21	25	+19,1		-	-		21	25	+19
	294	225	-23,5		246	185		48	40	-16,7

Таблица 2

Основные направления миграции и количество выбывших сельских кумандинцев в 2002–2016 гг., чел. *

Принимающая территория	Сельское поселение									
	Красногорское					Солтонское				
	жен		муж		Всего	жен		муж		Всего
	муж	жен	муж	жен		муж	жен	муж	жен	
Города Алтайского края,	14	20	18	9		3	4	35	33	
в том числе Бийск	13	20	14	7		2	1	29	28	
другие	1	0	4	2		1	3	6	5	
Города Республики Алтай (Горно-Алтайск / Майма)	2	2	4	3		1	0	7	5	
Города Кемеровской области	2	0	3	2		0	1	5	3	
Другие города СФО	4	0	0	0		1	1	5	1	
За пределами СФО	2	4	2	1		1	2	5	7	
За пределами РФ	0	0	0	0		0	1	0	1	
Итого	24	26	27	15		6	9	57	50	

* Составлено по данным хозяйственных книг муниципальных образований Красногорское и Солтонское сельские поселения Алтайского края, Турочакское сельское поселение Республики Алтай за 2002–2016 гг.

Таблица 3

Распределение выбывших в город в 2002–2016 гг. сельских кумандинцев
по возрасту и полу

Возраст выбывших	Сельское поселение									Всего		
	Красногорское			Солтонское			Турочакское					
	муж	жен	%	муж	жен	%	муж	жен	%	муж	жен	%
0–16	5	4	18	5	4	22,5	1	1	13,3	11	9	19
17–25	6	4	20	7	4	27,5	2	3	33,3	15	11	24,8
26–40	7	8	30	10	4	35	3	2	33,3	20	14	32,4
41–60	4	6	20	2	1	7,5	0	2	13,3	6	9	14,3
61 и старше	2	4	12	1	2	7,5	0	1	6,8	3	7	9,5
Итого	24	26	100	25 *	15	100	6	9	100	55	50	100

* Возраст двоих мужчин в похозяйственных книгах не указан.

мы не учитывали лиц, временно выбывших на обучение (18 красногорских, 10 солтонских и 17 турочакских кумандинцев), большая часть которых в будущем, несомненно, выберет город в качестве постоянного места проживания. Молодые кумандинцы в основном выбирают вузы Бийска (преобладают красногорцы) и Горно-Алтайска (преобладают турочакцы); единицы отправляются на учебу в Барнаул, Новосибирск, Томск, Санкт-Петербург.

Полевые и статистические материалы позволяют выделить несколько моделей миграционного поведения сельских кумандинцев, стремящихся закрепиться в городской среде.

Так, наиболее подвижной является молодежь, ориентированная в настоящее время на обучение и дальнейшую работу в городе. По окончании вуза молодые люди иногда предпринимают несколько попыток обосноваться в городе (на страницах похозяйственных книг их прибытие-выбытие фиксируется несколько раз). В случае неудачи вступление в брак и рождение детей прерывают на некоторое время или навсегда попытки переезда.

Следующая модель поведения – это желание улучшить жизненный уровень семьи, беспокойство о будущем детей (в первую очередь волнует качество образования) и др. причины, что способствует возобновлению попыток смены места жительства в среднем возрасте. Такая модель больше всего характерна для красногорских кумандинцев (за рассматриваемый период было 7 семей, в том числе 5 – в Бийск).

Развод также является одним из факторов, способствующих миграции в город, в том числе женщин с детьми.

В последние годы получила распространение практика переезда в город пожилых людей к своим детям (в основном в близлежащие города Бийск и Горно-Алтайск).

В целом среди выбывших из села кумандинцев незначительно преобладают мужчины и экономически активная часть населения (17–40-летние).

Следует особо подчеркнуть тот факт, что в целом миграционный ресурс сельских кумандинцев был практически исчерпан уже во второй половине XX в. В соответствии со шкалой демографического старения Ж. Божё-Гарнье – Э. Россета кумандинцы Красногорского района, по данным переписи 2010 г., находились на высоком уровне демографической старости (доля лиц в возрасте от 60 лет и старше – 17%), Солтонского района – на очень высоком уровне (20,6%), Турочакского района – на этапе первого преддверия старости (9,9%). Соответственно доля младшей возрастной группы существенно разнится по районам, обуславливая разную миграционную перспективу: в Красногорском – 15,6%; Солтонском – 12,4%; Турочакском – 29,1%.

В динамике миграции кумандинцев в 2002–2016 гг. заметна разница по районам, во многом обусловленная социально-экономическими и демографическими факторами. Фиксируется сравнительно меньшая миграционная активность турочакских кумандинцев, которые к тому же численно превосходят красногорских и солтонских. Основной

Таблица 4

Миграция сельских кумандинцев в город по годам

Год	Сельское поселение						Всего	
	Красногорское		Солтонское		Турочакское			
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
2002	1	2	8	20	3	20	12	11,4
2003	0	0	6	15	1	6,7	7	6,7
2004	5	10	5	12,5	0	0	10	9,5
2005	7	14	2	5	0	0	9	8,6
2006	5	10	2	5	4	26,7	11	10,5
2007	6	12	2	5	0	0	8	7,6
2008	4	8	0	0	0	0	4	3,8
2009	9	18	1	2,5	0	0	10	9,5
2010	4	8	0	0	0	0	4	3,8
2011	1	2	0	0	0	0	1	1
2012	6	12	1	2,5	5	33,3	12	11,4
2013	2	4	9	22,5	0	0	11	10,5
2014	0	0	2	5	0	0	2	1,9
2015	0	0	2	5	2	13,3	4	3,8
2016	0	0	0	0	0	0	0	0
Итого	50	100	40	100	15	100	105	100

причиной этого является экономическая ситуация в районах. Наименее благополучен Солтонский район (хотя имеется фермерское хозяйство, принадлежащее кумандинцу), находящийся на периферии, в отдалении от основных транспортных артерий. В случае с Красногорским районом близость Чуйского тракта, напротив, способствует не только экономическому развитию, но и оттоку населения в город. В Турочакском районе активно развивается туристическая отрасль, в которую вовлечены и кумандинцы, что во многом сдерживает их миграцию.

Общие показатели перемещения кумандинцев в город из трех исследуемых районов коррелирует по годам не существенно (табл. 4). Можно предположить, что в 2010-е гг. намечилось сокращение количества выбывающих в город. В краткосрочной перспективе это, вероятно, связано с демографической ямой конца 1980 – 1990-х гг. и, соответственно, малочисленностью миграционно активной молодежи 2010-х гг., что будет возможно подтвердить лишь после опубликования итогов переписи населения 2020 г.

В настоящее время, несмотря на сохраняющийся приток в города сельских куман-

динцев, численность городских кумандинцев сокращается, в первую очередь, вследствие ассимиляционных процессов, дополняющихся учебной и рабочей миграцией наиболее активной части молодежи за пределы Алтайского края и в меньшей степени Республики Алтай, что, в свою очередь, способствует дальнейшему размыванию этнической идентичности. Более половины мигрантов в начале XXI в. выбрали Бийск, где особенно активно происходит ассимиляция. Сохранение существующих трендов приведет к дальнейшему сокращению численности городских кумандинцев и в целом этого народа.

Список литературы

Исупов В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука, 1991. 291 с.

Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 170 с.

V. V. Nikolaev

Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

nikolaevvv06@mail.ru

MIGRATION OF THE KUMANDINS TO THE CITY AT THE BEGINNING OF 21st CENTURY

Purpose. We aimed at characterizing the specific migration of the Kumandins from the village to the city at the beginning of the 21st century. Dynamics of migrations by year, sex-age structure and migration trends of the Kumandins is described in details.

Results. The migration resource of the Kumandins exhausted in the preceding decades. As a result, in the 2000–2010 migration to the cities was insignificant and, apparently, tends to decrease. The most migratory active were men and people at the economically active age of 17–40. The most attractive for migrants was the nearby city of Biysk. The number of the Kumandins in Biysk is declining, though, despite the continuing inflow of migrants from rural areas. It can be explained by assimilation of the Kumandins as a consistent trend.

Conclusion. Based on the field materials of the author, data on economic books and All-Russian population censuses of 2002 and 2010, we came to the conclusion that the territorial scope of migration destinations is limited to district centers. Currently, a significant part of rural Kumandins live in district centers. As a result of the liquidation of vanishing villages in the second half of the 20th century, the Kumandins moved to cities and large villages. According to the All-Russian Population Censuses of 2002 and 2010, there was a reduction in the number of the Kumandins, including urban and rural areas in Altai. The main reason for the decline in the number of urban Kumandins is their assimilation with Russian population. A certain demographic stability is characteristic of the Kumandins of the Altai Republic. In the previous years, two centers of destination for rural Kumandins were formed: the cities of Biysk and Gorno-Altai. At the beginning of the 21st century, the direction of migration somewhat changed. Most of the migrants now go to Biysk. We also identified the initial points which the Kumandins leave. Most of the migrants are from the Krasnogorsk district, a little fewer left the Soltonsky district. The low level of migratory activity is from the Turochak district, which is associated with a more stable economic situation in the district and development of tourism. In general, in the period of 2000–2010 the intensity of the Kumandins migration from the village to the city was not high. Among the migrants, men predominated, as well as people in the economically active age of 17–40. Thus, in years to come, absolute numbers of the Kumandin migrants from the village to the city will decrease. At the same time, the number of the Kumandins in the cities will continue to decline.

Keywords: Altai, the Kumandins, migration, urbanization, assimilation.

References

- Isupov V. A. Gorodskoe naselenie Sibiri: Ot katastrofy k vrozozhdeniyu (konets 30-kh – konets 50-kh gg.) [Urban population of Siberia: From the disaster to the revival (late 30's – late 50's)]. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch Publ., 1991, 291 p. (in Russ.)
- Naselenie Zapadnoi Sibiri v XX veke [Population of Western Siberia in the 20th century]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 1997, 170 p. (in Russ.)

А. А. Бадмаев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

badmaeva@ngs.ru

ПОДВОДНЫЙ МИР В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ БУРЯТ *

По народным воззрениям, вода обладала амбивалентными свойствами – жизни (плодородия) и смерти. В ряде шаманских обрядов у бурят предбайкальских родов выполнялось ритуальное очищение и лечение водой. В мифологии прослеживается иерархия связанных с подводным миром мифических персонажей, возглавляемая *Ухан* хатами (водными владыками). На основе этого возник культ водных правителей. У прибайкальских бурят он принял форму промыслового культа, что было обусловлено воздействием хозяйственного фактора – развитием у них рыболовства, главным образом, на Байкале. В мировоззрении бурят с рыбой связываются представления о плодородии. Получил распространение мотив оборотничества мифических водных владык и человека в рыбу. В то же время рыба не считалась покровителем людей, она имела промысловое значение, и запрета на ее добычу не было. Основным фактором, оказавшим влияние на отношение бурят Забайкалья к рыбе и изменившим их традиционные представления и обрядность, связываемые с водой и водными правителями, был буддизм. В сравнении с бурятами-буддистами у бурят-шаманистов рыба имела однозначно положительную коннотацию.

Ключевые слова: буряты, мировоззрение, мифы, обряды, символика, вода, мифические персонажи, рыба.

Вода играет важнейшую роль в жизни человеческого общества, являясь, прежде всего, источником разнообразных биологических ресурсов. Это естественная среда обитания многих видов животного мира, в том числе и рыбы. Неслучайно поэтому подводный мир и его обитатели будили воображение людей, что нашло отражение в мифологии разных народов. В традиционном мировоззрении бурят (часть которых, по поверью, является потомками ихтиофагов) сложилось собственное представление о водной среде, ее мифических обитателях и рыбе. Отечественные исследователи касались

данной части мировоззрения бурят, но ее специального изучения до сих пор не было.

Целью нашего исследования является реконструкция бурятских традиционных представлений о подводном мире. Источниками работы послужили в основном мемуарные и архивные материалы.

Вода рассматривалась в традиционном мировоззрении бурят как одна из сфер мироздания, обладающая, прежде всего, свойством плодородия. В особенности это было относительно к крупнейшему природному водоему Юго-Восточной Сибири – Байкалу: со-

* Исследование проведено при финансовой поддержке проекта НИР «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения».

гласно легендам, озеро выступало местом зачатия и рождения прародителей основных этнических подразделений бурят (булагатов, эхиритов и хори) [Жамбалова, 2000. С. 107]. Порождающая функция воды прослеживается и в мифе о появлении жизни на Земле: в первородном океане первыми зародились рыбы, от которых возникли птицы, а от одной из них – белого журавля, произошли полубоги и люди [Там же. С. 196].

Бурятия богата минеральными природными источниками (*аршанами*), и в традиции бурят прочно вошли различные формы лечения такими водами (прием ванн, полоскание, питье). Впервые данный факт отмечался еще в литературе второй половины XVIII в., при этом указывалось на сакрализацию бурятами таких мест [Паллас, 1788. С. 348–350]. Водолечение осуществлялось и при болезни бешенством: известный пример тому – купание больных в водах оз. Аляят (аларские буряты верили в целебные свойства данного озера). На тех же воззрениях основывалось лечение укушенной клещом лошади – больную лошадь обливали холодной водой или многократно купали в горной речке¹.

У предбайкальских бурят с водой были связаны шаманские обряды. Один из обрядов детского цикла – *уһан будля* «водное омовение», когда обращались к покровительству «юношей как тростник» и «девушек как грибы», которые будто бы могли дать здоровье грудному ребенку. При обряде *уһан тарим* «водный заговор» в лечении больного просили помощи у небесных «белых западных» кузнецов [Хангалов, 1958. С. 496–497, 507–509]. В обоих случаях использовали святую воду *аршан*, настоящую на листьях сибирского можжевельника и чабреца, в которую макали травяной или тростниковый веник для хлестанья ребенка или больного человека.

С другой стороны, в представлениях бурят вода несла еще и символику смерти. Опасность, исходящая от воды, считалась не меньшей, чем от огня. Это, в частности, передается в пословице: *Гал уһан хоерой гай аюул ехэ* «Огонь и вода – большая беда». Поэтому, например, перед пересечением озера или реки обязательно приносили жертву его (ее) духу-хозяину.

С учетом данных обстоятельств можно констатировать, что вода вызывала у бурят амбивалентные чувства.

Согласно их традиционному мировоззрению, земные и небесные воды имеют единую природу и управляются богом-творцом (он же бог-громовержец) [Дугаров, 1991. С. 154]. Однако, по другой версии, *Заяан Сагаан тэнгри* «Творец Белый небожитель» являлся главой западных небожителей, а божеством грома и молнии был *Хухоодэй мэргэн*, глава северных тэнгриев [Михайлов, 1987. С. 13]. Диалектизм *хухоодэй* соответствует в бурятском литературном языке слову *хухэтэй* («с топором», поэтому дословным переводом имени бога-громовержца будет «Меткий стрелок с топором», иначе «Искусный метатель топора» (сокращенно «Топор-мырген»).

Буряты полагали, что окружающая водная среда заселена различными мифическими существами. В воззрениях бурят очевиден перенос на подводный мир черт земной жизни, прежде всего соответствующей социальной структуры. На основе фольклорных текстов можно выстроить рожденную народным воображением иерархию таких водных обитателей.

Легенда гласит, что по велению бога-творца опустились в морскую пучину сын западного тэнгрия (небожителя) *Гэрэл-нойон* с семьей, известные в мифологии бурят предбайкальских родов как *Уһан* хаты [Хангалов, 1958. С. 426]. Этот акт ниспослания власти от сакральных сил (добрых небожителей западной части Неба) подводному миру свидетельствует о процессе адаптации бурят к природной среде через построение картины мира и ее элементов.

Для понимания семантики водного пространства важен анализ имен *Уһан* хатов. Так, в именах упомянутого выше *Гэрэл-нойона* и его супруги *Туяа-хатан*, представляющих апеллятивы и синонимы, передается их небесное (солнечное) происхождение: *гэрэл* «луч, свет» [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 173], *туяа* «луч, сияние» [Там же. С. 440]. Их солнечную природу косвенно подтверждает то, как они спустились с небес на священную гору Сэмбэр: мостом между мирами им послужили цветные лучи [Хангалов, 1958. С. 427]. Но есть и другое мнение, по которому их имена «олицетворяли блеск воды и зеркальную ее поверхность» [Там же. С. 314].

¹ ЦВРК ИМБИТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Л. 1.

Между тем первая часть имени (выражающая признак предмета) их сыновей *Уха Лубсан* и *Далай Лубсан*, а также жены первого из них, *Уха Дабаа*, указывает на водную ипостась (*yha(n)* «вода» [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 484], *далай* «океан, море, большое озеро» [Там же. С. 183]). Заметим, что сами личные имена этих персонажей являются тибетизмами: *Дабаа* от *zla-ha* «понедельник, луна» [Митрошкина, 1987. С. 149], *Лубсан* от *blo-bzan* «хороший ум» [Там же. С. 150]. А это может служить свидетельством тибетского влияния на религиозно-мифологические представления бурят предбайкальских родов и относительно позднего появления этих персонажей в пантеоне божеств.

В эпических и других произведениях устного творчества бурят *Уха Лубсан* предстаёт повелителем водной стихии, но вот образ его брата *Далай Лубсана* никакого развития в них не получает. Вероятно, это объясняется тем, что местообитанием последнего рассматривалась далекая и неизвестная бурятам часть водного пространства – океанские просторы.

В число *Ухан* хатов включали *Дошхон-нойона* (*дошхон* «свирепый» [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 199]) и *Дольеохатан* (*долгёо(н)* «волны» [Там же. С. 193]), воплощавших физические свойства воды [Хангалов, 1958. С. 314].

Считалось, что у морского владыки, чей дворец располагался на дне Желтого моря, имеются приближенные, которые тоже были *Ухан* хатами: «державшие повод коня» во время его путешествий *Ута-Характа-нойон* и *Урянхай* – «ныряльщик», при жизни бывший шаманом; катавшие его по глади моря «лодочники» – покровители рыболовства супруги *Гохоши-нойон* и *Хельмеш-хатан* [Хангалов, 1958. С. 427] (их имена являются производными от бурятских названий рыболовной снасти – *гохо* «крючок, багор» [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 158] и *хилмаа(н)* «удочка» [Там же. С. 571]). В последнем случае нашли отражение такие традиционные способы рыболовства бурят, как лучение и ловля удочкой.

Как выясняется, не все из водных правителей были представителями светлых сил. Дочери *Уха Лубсана*, воинственная *Алма Мэргэн* «Широкий меткий стрелок», супруга эпического героя *Абай Гэсэра*, и *Уха Хаялуур* «Выбрасывающая воду», по одной из ле-

генд, родившая Эхирита, мифического первопредка одноименного племени, наделялись хтоническими чертами. Об амбивалентности образа *Ухан* хатов можно судить по тому, что имя одной из них было *Гульбэрэ-хатун* «Ящерица-госпожа». Кроме того, по легенде, им принадлежали «озеро, наполненное лягушками» и «луг, кишущий змеями» [Хангалов, 1958. С. 314], а змеи и лягушки, как, впрочем, и ящерицы, считались существами Нижнего мира.

Специально выделяли эжинов (духов-хозяев) больших озер (Байкала) и рек (Селенги, Ангары и Лены), входивших в число 13 особо почитаемых «нойонов северной земли» [Нацов, 1995. С. 13; Хангалов, 1958. С. 311] и сонм духов-хозяев других водных источников. Например, *Буха-нойон-бабай*, которого считали западным хатом и первопредком булагатов, эхиритов и хори, рассматривался как хозяин Байкала, а *Ажирай-бухэ*, покровитель воинов и восточный хат, – реки Лены. В функционал некоторых из них, как полагали, входила защита от болезней. Для примера, аларские буряты обращались к духу-хозяину оз. Алят при простудных заболеваниях².

Наконец, по народным представлениям, подводный мир населяли положительные и отрицательные духи более низкого порядка. К первым относили духов-хозяев, дарующих улов и излечивающих от болезней, особенно почитали *yha угал* «водой умывающих», помогающих выздоровлению детей. Вредоносными были *yhanай бохоолдой* «водяной черт» и дух, путающий людей в тумане.

Иерархия водных существ в буддийской картине мира была иной, чем в представлениях бурят-шаманистов. Буряты-буддисты верили в существование владыки вод *Лусууд хаана* «правителя драконов», или иначе *Гушин зурган лусада*; его второе именование указывает на то, что он управлял 36 лусами (*лусууд сабдаг*) – водными духами-драконами. Последних подразделяли на белых, синих и черных [Потанин, 1881. С. 262]. Жертвоприношения им совершали в разное время года (белым лусам жертву приносили зимой, синим – весной, черным – летом), исходя из того, что в конкретный сезон активна одна из групп таких духов. Отметим, что

² ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 26. Оп. 2. Д. 15. Л. 8.

образ *Лусууд хана* был положительным, о чем свидетельствует еще одна его номинация – *бурхан* «божество» [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 115] вод. Таким образом, и в шаманской, и в буддийской традиции мифический владыка вод представлял собой светлое божество.

В сюжете о нисхождении *Унан* хатов с небес в подводный мир обращает внимание образ проводника между мирами – орла с оперением «цвета синей воды» [Хангалов, 1958. С. 312]. Представляется, что необычный окрас его оперения должен был подчеркнуть связь мифической птицы с водной стихией. Почему для этой миссии был выбран именно орел, объясняет традиционное отношение бурят к данной хищной птице. Орел (точнее императорский орел), по их представлениям, был сыном духа-хозяина Ольхона, одного из 13 могущественных «северных хозяев», и почитался как крылатый тотем у некоторых шаманских родов. Он также считался посланником небес и в качестве такового попадал в подводный мир.

В бурятских мифах о водных существах прослеживается мотив оборотничества. Полагали, что *Унан* хаты, когда впервые оказались в подводном мире, обратились в «кита с 13 плавниками» [Хангалов, 1958. С. 312]. С тех пор каждую осень *Гэрэл-нойон*, главный из водных правителей, в китовом обличи погружался на дно Байкала, а весной, после зимовки, превратившись в чудовищного дракона, вырывался из вод в небеса и оттуда издавал гром и молнии, извергал грозы и дожди [Дугаров, 1991. С. 154]. Понятно, что образ *Гэрэл-нойона* демонстрирует связь небесной и земной воды, передает цикличность природных процессов. Допустимо говорить, что через него буряты интуитивно подошли к мысли о круговороте воды в природе. Нельзя не заметить, что функционал *Гэрэл-нойона* в определенной степени идентичен тому, что приписывается богу-громовержцу. Однако если фигура бога-громовержца, по мнению исследователей, имеет индоевропейское происхождение [Там же. С. 273], то образ дракона обнаруживает явно восточноазиатские корни.

Далее обратимся к традиционным воззрениям бурят об основном представителе ихтиофауны Байкальского региона – рыбе.

В бурятском языке используется собирательное название рыб – *загана(н)-загаса* «рыба», свидетельствующее о выделении их

в отдельную группу в народной классификации животного мира. Относительно самой классификации заметим, что в ней критерии деления животных на группы отличны от критериев биологической науки. Для примера, байкальская нерпа, являющаяся ластоногим млекопитающим из семейства тюленей, именовалась бурятами *хаб загана(н)* [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 243], т. е. была, по их представлениям, одним из видов рыбы. В данном случае определяющим признаком для отнесения к группе была сфера обитания животного.

По традиционным воззрениям бурят предбайкальских родов, рыба обладает положительной коннотацией. В первую очередь с ней связывали идею плодородия. В этом можно удостовериться при анализе генеалогических мифов и источников XVIII в. В них рыба (налим, омуль) ассоциируется с мужским началом: в мифе о происхождении эхиритов их прародителями выступают отец *Пестрый налим* и мать *Береговая щель*; в другом повествовании девушка беременеет от того, что ее касается своим хвостом налим. Кроме того, рыба несет ясно выраженную генитальную символику, например, в рассказах о бурятских шаманах XVIII в. и о чудесах, сотворенных ими.

Исходя из критерия съедобности, большинство бурят предбайкальских родов воспринимало рыбу как «чистое» животное. Однако для беременной женщины действовал запрет на ее употребление, основанный на представлении, что если она попробует рыбу, то будущий ребенок долго не будет говорить [Копылов, 1886. С. 559]. Иное дело, южноселенгинские буряты: они, помимо упомянутой выше общепурятской номинации, называли рыбу *уһан хорхой* «водяной червь», тем самым приближая ее к змееобразным существам на основании такого признака, как наличие длинного извивающегося тела. Отсюда проистекало пищевое избегание ими рыбы, но, как показывает исторический материал, не всегда строгое и повсеместное.

Видовое разнообразие рыбы Байкальского региона имело слабое отражение в представленном комплексе бурят. Можно назвать только тайменя и налима, символика, связанная с ними, прослеживается в их мировоззрении. При этом элементы сакрализации, свидетельствующие о былом культе, отмечались в отношении лишь налима. Как

уже было сказано, налим *гутар* почитался эхиритами как тотем. Кроме того, в обрядах, посвященных *Ухан* хатам, эта рыба нередко выступала в качестве живого *онгона* (животного, отданного какому-нибудь божеству или духу-хозяину), которого после обрядовых действий отпускали обратно в воду. О сакральности налима в культуре бурят свидетельствует, в частности, использование его кожи при изготовлении шаманской плетки, материалом для которой был также тальник, считавшийся священным деревом.

Еще один момент, который следует отметить в мировоззрении бурят, это отсутствие выраженной иерархии рыб. В мифах рисуется образ гигантской рыбы *абарга*, но и она не наделялась главенствующей ролью. Объясняется данная ситуация тем, что косяки рыбы считались стадом владыки вод, от благосклонности которого или подчиненных ему духов-хозяев будто бы зависела рыбацкая удача.

Примеры оборотничества в бурятском фольклоре связаны с принятием людьми рыбьего обличья, как, например, в рассказе о слепом Зулгуй, который превращался в тайменя, чтобы помочь сыновьям добыть рыбу; по легенде, в налима оборачивалась также девушка-утопленница [Потанин, 1881. С. 184].

В культе *Ухан* хатов рыбе придавали большое значение: она выступала и в качестве атрибута, и в качестве жертвы. У предбайкальских бурят в зависимости от их родовой принадлежности и хозяйственного уклада сроки проведения коллективного жертвоприношения водным правителям *тайлаган* варьировали: у одних это было в первые дни августа (по православной традиции в Ильин день), у других – осенью и зимой [Хангалов, 1958. С. 119], а у третьих – в середине мая перед рыбным промыслом (в данном случае следует говорить о промысловом культе). Жертвоприношение также совершали в засуху, прося мифических покровителей пролить на землю дождь³. Особенностью последнего обряда было проведение его стариками.

Во всех этих ритуалах, кроме домашнего рогатого скота, молока и молочного вина, жертвовали жареную рыбу. На промысле полагалось подносить такую рыбу мифическому Гохоши-нойонн, обращаясь к нему с

просьбой о хорошем улове [Хангалов, 1958. С. 313].

Кроме *Ухан* хатов совершали ритуальное кормление жареной рыбой некоторых местных духов-хозяев (например, *Хуһан тоодэй* «Березовой бабушки»). Любопытно, что закаменские буряты данной пищей почитали *Батор-хана* – русского казака, убитого во время событий, сопутствовавших проведению государственной границы⁴.

У прибайкальских (ольхонских, кударинских и баргузинских) бурят, которые сформировались как отдельные этнотерриториальные группы в результате миграции бурятского населения из Предбайкалья и в новых экологических условиях развили рыболовецкие традиции, культ водных владык имел форму промыслового. Кударинские буряты проводили коллективное жертвоприношение *Далайн тайлган* «Жертвоприношение морю (Байкалу)» в конце мая перед путиной. Непосредственно перед выходом на промысел в рыбацких артелях был обязателен также обряд *сасали* «брызгания» хозяину Байкала. Прибайкальские буряты-рыбаки просили богатый улов и защиты у водных владык от опасностей во время рыбной ловли, при этом ритуальной пищей выступали продукты, приготавливаемые с использованием молока (молочная водка, чай с молоком, масло) (ПМА).

Буряты-буддисты чтили мифического владыку вод бескровной жертвой (злаками и молоком домашнего рогатого скота, имеющего белый окрас шерсти и потомства [Нацов, 1995. С. 59]).

В традиции бурят предбайкальских родов было принято изображать *Ухан хата* на петроглифах и онгонах в виде рыбы. Понятно, что такая символика была неслучайна и вызвана рассмотренной выше идеей оборотничества владыки вод.

Вообще же изображение рыбы выполнялось еще на родовых тамгах, но только забайкальских бурят. Они встречались трех видов: *жараахай тамга* «знак пескарь»; *загаһан тамга* «знак рыба»; *тухэрезн загаһан тамга* «знак круглая рыба» – парное изображение расположенных по кругу, противоположно направленных и полусвернувшихся рыб [Михайлов, 1993. С. 9]. Последний знак собственности означал

³ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 26. Оп. 2. Д. 15. Л. 8.

⁴ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Балданжапова (БА). Оп. 1. Д. 20.

единство семьи, т. е. нес идею плодородия. Учитывая религиозную принадлежность данных бурят, можно утверждать, что такие клейма появились под влиянием буддизма.

По традиционному мировоззрению бурят, земля и вода являются частью Среднего мира. Неслучайно поэтому обряды, связываемые с божеством земли и владыками вод, имеют общие черты. Исследователями, в частности, указывается, что только на так называемые Ёрдынские игры, посвящаемые богине земли Ёрд, и на тайлаган водяным хатам допускались женщины, и всеми исполнялся круговой танец *хатарха* [Дугаров, 1991. С. 147].

Определенный отпечаток наложило занятие рыболовством на традицию имянаречения у части бурят предбайкальских родов. Так, у них была известна группа мужских имен-оберегов, производных от названий небольших рыб: *алгана* «окунь», *зоодой* «ерш, карась, низкосортный омуль», *жараахай* «пескарь» [Митрошкина, 1987. С. 83]. Возникновение таких имен, а на их основе фамилий, происходило в русле традиционной практики наречения охранными именами.

Подводя итоги, отметим, что в традиционном мировоззрении бурят подводный мир занимал вполне определенное место: с ним был связан корпус представлений об *Ухан* хатах и других мифических персонажах, а также о рыбе. На основе этих воззрений у бурят сложились локальные культы водных правителей, появились отдельные обряды. Эти обрядность и мировоззрение подверглись трансформации под влиянием таких факторов, как религиозный (принятие буддизма частью бурят) и хозяйственный (развитие у бурят Прибайкалья рыболовства).

Список литературы

Бурятско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 804 с.

Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.

Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.

Копылов В. Религиозные верования, семейные обряды и жертвоприношения северобайкальских бурят шаманистов // Труды

православных миссий Иркутской епархии. Иркутск, 1886. Т. 4: 1878–1883. С. 550–580.

Митрошкина А. Г. Бурятская антропология. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.

Михайлов В. А. Тамги и метки бурят в конце XIX – первой половине XX века. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1993. 68 с.

Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 288 с.

Нацов Г. Д. Материалы по истории и культуре бурят / Введ., пер. и примеч. Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. Ч. 1. 156 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768–1769 гг. СПб., 1788. Ч. 3, кн. 1. 634 с.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1881. Вып. 2: Материалы этнографические. 181 с.

Хангалов М. Н. Собр. соч. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 551 с.

Список источников

ЦВРК ИМБТ СО РАН. Фонд Балданжапова (БА). Оп. 1. Д. 20 // Материалы, собранные П. Б. Балданжаповым в Тункинском, Курумканском районе в мае-июне 1962 г. 219 л.

ЦВРК ИМБТ СО РАН. Фонд 26. Оп. 2. Д. 15. Статья Ж. А. Зимина «Рыбный промысел на оз. Алят и связанные с ним традиции». 15 л.

A. A. Badmaev

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

badmaevaa@ngs.ru

UNDERWATER WORLD IN THE TRADITIONAL BURYAT WORLDVIEW

Purpose. The article reconstructs the traditional views on the underwater world spread among the Buryats.

Results. In the Buryat culture, water is considered as a special substance with complicated characteristics. The underwater world is perceived as a part of the Middle world inhabited by mythical and real creatures. According to folk beliefs, water had ambivalent properties connected with life (fertility) and death. The Buryats were aware of mineral springs' healing influences, but they also believed that water of other water sources had some healing effect as well. Shamanic rites practiced among the families of the Predbaikal'sky Buryats (those living around Lake Baikal) included ritual purification and healing with water. The Buryat mythology demonstrates a hierarchy in the underwater world among the mythical characters inhabiting it. The superior creatures are Ukhan khats (water rulers). On the basis of these beliefs, the Buryats had a cult of the water rulers, who required seasonal sacrifices and rites of worship. The cult had some local variants. Among the Pribaikal'sky Buryats there was a fishery cult. It developed due to the impact of the economic factor as in addition to cattle breeding they practiced fishing, mainly in Lake Baikal. In the Buryat worldview, fish is associated with fertility. They believed in lycanthropy, when mythical water-rulers and people could turn into fish. Some Buryat groups worshiped only such fish as burbot and taimen (lax). At the same time, fish was not considered patronizing people. Having a commercial value, fishing was not banned. In the rites practiced by separate groups of the Buryats, fish was represented as both a victim and an attribute. For instance, the Predbaikal'sky Buryats had a tradition of collective sacrifice to Ukhan khats and performed a ritual of feeding them with fried fish. This fish was a victim in the rites of worship for some spirit-owners of the area. The attributive function of fish was in considering fish as a live ongon (animal devoted to a particular deity or spirit-owner). Buddhism greatly influenced the attitudes of the Zabaikal'sky Buryats concerning fish and changed their traditional beliefs and rituals associated with water and water rulers. In contrast to the Buddhist Buryats, Shamanist Buryats attributed only positive connotations to fish.

Conclusion. In the traditional Buryat worldview, the underwater world played a great role. A whole body of ideas about Ukhan hats and other mythical characters, as well as fish, was associated with it. On the basis of such beliefs, the Buryats formed local cults of water rulers and performed different ceremonies worshipping them. These rituals and world views underwent a transformation under the influence of religious and economic factors such as the introduction of Buddhism and development of fishing among the Pribaikal'sky Buryats.

Keywords: the Buryats, worldview, myths, rituals, symbols, water, mythical characters, fish.

References

- Buryatsko-russkii slovar'. Sostavitel' K. M. Cheremisov [Buryat-Russian dictionary. Compiler K. M. Cheremisov]. Moscow, Sov. entsiklopediya Publ., 1973, 804 p. (in Buryat., Russ.)
- Dugarov D. S. Istoricheskie korni belogo shamanstva (na materiale obryadovogo fol'klora buryat) [The historical roots of white shamanism (on the material of ritual folklore of the Buryat)]. Moscow, Nauka, 1991, 300 p. (in Russ.)
- Khangelov M. N. Sbranie sochinenii [Work collection]. Ulan-Ude, Buryat publish. house Publ., 1958, vol. 1, 551 p. (in Russ.)

Kopylov V. Religioznye verovaniya, semeinye obryady i zhertvoprinosheniya severobaikal'skikh buryat shamanistov [The religious beliefs, family rituals and sacrifices of the north-baikal Buryats-shamanists]. *Trudy pravoslavnykh missii Irkutskoi eparkhii* [The writings of orthodox missions of Irkutsk diocese]. Irkutsk, 1886, vol. 4: 1878–1883, p. 550–580. (in Russ.)

Mikhailov T. M. Buryatskii shamanism: istoriya, struktura i sotsial'nye funktsii [Buryat shamanism: history, structure and social functions]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 288 p. (in Russ.)

Mikhailov V. A. Tamgi i metki buryat v kontse XIX – pervoi polovine XX veka [Buryat signs and labels at the end of XIX – first half of XX century]. Ulan-Ude, ONTS Sibir' Publ., 1993, 68 p. (in Russ.)

Mitroshkina A. G. Buryatskaya antroponimiya [The buryat anthroponymy]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 222 p. (in Russ.)

Natsov G. D. Materialy po istorii i kul'ture buryat [Materials on the history and culture of the Buryats]. Introduction, translation and notes made by G. R. Galdanova. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 1995, part 1, 156 p. (in Russ.)

Pallas P. S. Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskoi imperii, byvshee v 1768–1769 gg. [The journey through various provinces of the Russian empire in 1768–1769]. St.-Petersburg, 1788, part 3, book 1, 634 p. (in Russ.)

Potanin G. N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1867–1877 gg. po porucheniyu Imperat. Rus. Geogr. obshchestva [Sketches of North-Western Mongolia: Results of a journey performed in 1867–1877, on behalf of Imperial Russian Geographical Society]. St.-Petersburg, Tip. V. Kirshbaum Publ., 1883, iss. 4, 1029 p. (in Russ.)

Zhambalova S. G. Profannyi i sakral'nyi miry ol'khonskikh buryat (XIX–XX vv.) [The profane and sacred worlds of Olkhon Buryats (XIX–XX centuries)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2000, 400 p. (in Russ.)

УДК 902, 903, 904

Л. В. Татаурова¹, Д. Н. Лысенко², Л. Л. Галухин³

¹ Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
пр. Маркса, 15, Омск, 644077, Россия

² ООО «НПО Археологическое проектирование и изыскания»
пр. Мира, д. 25, стр. 1, Красноярск, 660049, Россия

³ ООО «Красноярская Геоархеология»
пр. Мира, д. 25, стр. 1, Красноярск, 660049, Россия

li-sa65@mail.ru, arheoapi@gmail.com, Krasgeo@gmail.com

**VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КУЛЬТУРА РУССКИХ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ»:
НОВЫЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
(К ЮБИЛЕЮ ГОРОДА ЕНИСЕЙСКА)**

В 2019 г. Енисейск, ставший для русских первопроходцев в начале XVII в. воротами в Восточную Сибирь, отметит свое 400-летие. К юбилею в городе проводятся масштабные археологические и реставрационные работы, направленные на сохранение не только историко-культурного, но и археологического наследия. Этому способствует уникальная сохранность археологических слоев, давших представительные, хорошо стратифицированные коллекции предметов материальной культуры XVII–XIX вв. Научные и охранные мероприятия стали решающим фактором для организации и проведения в Енисейске VI Международной научной конференции «Культура русских в археологических исследованиях», которая прошла 6–10 ноября 2017 г. и стала первым мероприятием в организации празднования юбилея города.

Сама конференция в 2017 г. отметила свое 15-летие. Именно сибирская земля, впитавшая мощные потоки русских переселенцев в XVI–XVII вв., ставшая новой родиной для многих поколений славянского населения, оказалась тем центром, который взял на себя организацию сообщества археологов, исследователей русской культуры. Объединяющим началом стала научная конференция «Культура русских в археологических исследованиях», идея которой возникла в Омске в 2002 г. Ее проведение показало, что тема востребована, и у большинства археологов, занимающихся изучением разных территорий и исторических эпох, найдутся материалы русского времени. Поэтому научное мероприятие приобрело периодический характер и до 2011 г. проводилось в Омске, в 2011 г. – в Таре; в 2014 г. – в Тюмени; в 2017 г. – в Енисейске. В 2008 г. конференция прошла с участием зарубежных ученых, а с 2011 г. получила статус международной. Круг проблем, которыми занимаются исследователи из других стран, касается, в том числе, и археологического изучения русской Америки, освоение которой русскими связано с Сибирью (с начала XIX в. она была частью Сибирского генерал-губернаторства).

Татаурова Л. В., Лысенко Д. Н., Галухин Л. Л. VI Международная научная конференция «Культура русских в археологических исследованиях»: новый вклад в развитие научного направления (к юбилею г. Енисейска) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3: Археология и этнография. С. 156–162.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Том 17, № 3: Археология и этнография
© Л. В. Татаурова, Д. Н. Лысенко, Л. Л. Галухин, 2018

Пятнадцать лет работы форума позволили проследить динамику формирования научного направления «Археология русских» и произошедшие в его развитии изменения. Исследования вышли на новый уровень вследствие перехода от накопления материала (хотя раскопки, конечно, продолжаются) к его обобщению и построению исторических реконструкций на междисциплинарном уровне.

Организацию и проведение VI Международной конференции в Енисейске взяли на себя Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Администрация Красноярского края, Служба по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края, Администрация города Енисейска, ООО «Красноярская Геоархеология», ООО «Научно-производственное объединение “Археологическое проектирование и изыскания”» при участии МБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова».

Для участия в мероприятии первоначально было подано более 200 заявок, однако в подготовке материалов к публикации участвовало 147 авторов. Тем не менее, сборник научных статей, вышедший к открытию форума, стал фундаментальным среди материалов конференции – в него вошло 108 работ [Культура русских..., 2017], тогда как первый сборник тезисов 2002 г. включал 36 публикаций. С 2005 г. сборники формируются только из статейных вариантов докладов, которые создают источниковую базу для развития научного направления «Археология русских».

Прошедшая конференция была и самой представительной за все эти годы. В ней приняло участие около 90 человек, 70 из них приехали из разных городов России и стран дальнего зарубежья.

Форум открыл глава администрации г. Енисейска И. Н. Антипов. Приветствовали участников заместитель руководителя Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края В. Г. Буторин, заместитель директора по научно-организационной работе Института археологии и этнографии СО РАН К. К. Павленок, директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН Н. А. Томилов.

Пленарные доклады представили анализ развития археологии русских как научного направления (Л. В. Татаурова), в котором выделено несколько основных подходов, показаны значительные успехи в различных областях – от изучения предметного комплекса до реконструкций и естественнонаучных исследований, позволяющих существенно углубить знания об археологическом источнике. В докладе «Сохранение объектов археологического наследия Енисейска в рамках реализации мероприятий подпрограммы “Подготовка к 400-летию города Енисейска в 2019 году” государственной программы Красноярского края “Развитие культуры и туризма”» (А. Ю. Тарасов) подведены итоги археологического изучения города, представлены результаты реставрационных работ, намечены перспективы развития туризма в Енисейске. Археологии Енисейска были посвящены пленарные сообщения «Культурный слой Енисейска: вопросы практики и теории» (М. Н. Мещерин) и «Этапы становления Енисейска по данным почвенных исследований (первые результаты)» (А. А. Гольева). Опубликованы новые данные по печным изразцам Енисейска (В. В. Щербаков) и «“Сибирские воспоминания” как образец “устной истории”: культурологические аспекты» (В. Т. Олшевски).

Работа конференции была организована в рамках семи секций, которые проходили в общем информационном пространстве.

Доклады на секции «Енисейску 400 лет: к юбилею основания города» (председатели А. А. Гольева, Д. Н. Лысенко) представили итоги археологического и междисциплинарного изучения культурных слоев города. Они касались анализа письменных источников по истории Енисейска (А. А. Бродников); эволюции печного строительства и технологий изготовления кирпича и печных изразцов (Л. А. Аболина, В. В. Щербаков); итогов археологического исследования порохового погребка Енисейского острога (Л. Л. Галухин, Д. Н. Лысенко, А. М. Сляднев) и истории жизни местночтимого святого Даниила Ачинского (Д. Н. Лысенко, Л. Л. Галухин). Вопросы исторической экологии рассмотрены в докладах В. Е. Матвеева о следах пашенного земледелия и Т. В. Лобановой о животноводстве и охоте жителей Енисейска. Анализ отдельных предметов материальной культуры представлен в выступлениях М. А. Глушенко (бондарные изделия) и В. И. Столбова (товарные пломбы). Стоит заметить, что работа этой секции впервые столь масштабно представила результаты археологического изучения города Енисейска, показала их значимость и дальнейшие перспективы.

Участники VI Международной научной конференции «Культура русских в археологических исследованиях» (Енисейск, 6–10 ноября 2017 г.)

Выступления на секции «Методические разработки в археологии русских. Реконструкции. Охрана культурного наследия» (председатели Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович) были направлены на представление опыта применения новейших методик в реконструкции костюма (М. П. Черная, И. В. Ованенко) и керамики (К. О. Сопова, Л. В. Татаурова), комплексного исследования городских кладбищ (Д. В. Пежемский); результатов охраны археологического наследия (А. С. Вдовин, Д. Н. Лысенко, Н. П. Макаров, А. Л. Заика).

Впервые в истории проведения конференции работала секция «Антропология и генетика русского населения: проблемы и результаты исследований» (председатели Д. В. Пежемский, Г. А. Аксянова). Рассмотрены вопросы истории антропологического изучения русского населения в отечественной науке (М. М. Герасимова, Д. В. Пежемский) и старожильского населения Сибирской Арктики (Г. А. Аксянова); оценены возможности палеоантропологических материалов в междисциплинарных исследованиях (М. П. Рыкун, Т. В. Тихонова); даны характеристики антропологического материала некрополей Енисейска (Е. С. Рейс, Т. М. Савенкова), могильника Ананьино I (Омское Прииртышье – А. В. Южакова); с точки зрения антропологических и исторических источников рассмотрено положение русских женщин в Сибири в XVII–XIX вв. (Т. М. Савенкова). Отметим, что в отличие от археологического изучения русских комплексов, которое в последнее десятилетие развивается быстрыми темпами, изучение антропологических коллекций русского населения, особенно Сибири, в начале пути. В ходе раскопок получены представительные материалы, которые только начинают вводиться в научный оборот, а многие из них еще ждут своих исследователей. Поэтому работа этой секции в целом и представленный Н. А. Степановой (г. Сургут) стендовый доклад по Горноправдинскому погребальному комплексу в частности можно считать значительным вкладом в палеоантропологию русских людей в Сибири Нового времени.

Прозвучавшие на секции «Археология русских от Архангельска до Новоархангельска: материалы и итоги изучения» (председатели Д. Макмэхан, С. П. Нестеров) доклады касались в большей степени изучения памятников русских первопроходцев в Заполярье: Шпицбергена (Я. Хохоровски), низовий Индигирки (Е. А. Строгова), Таймыра (Н. С. Степанов, Д. Н. Лы-

сенко, Г. П. Визгалов). Ряд выступлений был посвящен изучению конкретных объектов Нового времени – Сузун-завода (С. Г. Росляков), церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Калинино Забайкальского края (А. В. Константинов), поселения Усть-Громатуха (С. П. Нестеров), русских поселений в Приангарье (А. В. Постнов, Н. В. Басова). Однако анализ присланных статей показывает широту и разноплановость исследований русского мира в различных регионах земного шара. В них представлены итоги археологических работ в штате Аляска (США), на архипелаге Свальбард (Норвегия), в русской Лапландии, псковской земле, Уфе, Казани, поселениях на берегах Терека, на территории Предуралья, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и о. Сахалин.

На секции «Историко-археологическое изучение городской культуры» (председатели С. Ф. Татауров, С. Г. Скобелев) были заслушаны выступления, посвященные характеристике культурного слоя Кургана (Д. Н. Маслюженко, И. К. Новиков, А. А. Первухина), планиграфии и благоустройству Тары (С. Ф. Татауров), реконструкции городской среды Иркутска (В. В. Краснощек, Л. А. Аболина), изучению стеклянных бус Мангазеи (Ю. А. Лихтер). Помимо докладов, обозначенных в программе, дополнительно заслушано выступление Ю. А. Гревцова «Острожные стены Красноярского острога», представившее результаты археологических исследований в Красноярске.

Самой представительной была секция «Системы жизнеобеспечения русского населения: материалы и исследования» (председатели Л. В. Татаурова, Ф. С. Татауров). Из 28 заявленных докладов было заслушано 15, давших представления о хозяйственных занятиях русского населения Севера Сибири в XVII–XIX вв. (Г. П. Визгалов, Т. В. Лобанова), Екатеринбурга (О. П. Бачура, Т. В. Лобанова); хозяйственных построек и их реконструкции (Р. Ю. Федоров, Д. Н. Лысенко, Л. А. Аболина; М. А. Глушенко, Б. П. Яровой). Серия выступлений характеризовала отдельные предметные комплексы: коллекцию пуль из Тары (С. Ф. Татауров, Т. Н. Фаистов), кожаной обуви из Тюмени (В. А. Семенова) и могильника Горноправдинский (А. В. Кениг, Е. А. Зайцева, А. А. Кимпицкая); культового литья, мест его производства и поступления в Сибирь (Е. В. Мишкина, Л. В. Татаурова), блях конской упряжи из археологических памятников (О. А. Митько, Е. К. Швейгер), китайского фарфора из Тобольска (Я. Г. Загваздина). Убедительными были представленные реконструкции северорусского судостроения (С. А. Кухтерин), питейного дела Мангазеи (С. Г. Пархимович), семантики Томского изразца (Ю. В. Ожередов). Особый интерес вызвал доклад Ф. С. Татаурова о новациях в материальной культуре русских Западной Сибири в XVII–XVIII вв., вызвавший оживленную дискуссию о роли и месте некоторых категорий археологических находок, отнесенных автором к статусным. В целом можно констатировать, что публикации статей и прочитанные доклады показали высокий уровень представления археологического материала как источника по реконструкции систем жизнеобеспечения.

Секция «Этнография русских, письменные источники, взаимодействие русской и других культур» (председатели С. С. Тихонов, М. Ю. Баранов) была самой немногочисленной. Из заявленных 14 было прочитано всего три доклада: два из них характеризовали русский компонент в материальной культуре приобских остяков в XVII–XIX вв. по итогам раскопок поселения «Урочище Бала I» (М. Ю. Баранов, В. А. Куприянов), в том числе коллекцию кожаной обуви с этого памятника (М. Ю. Баранов, Д. О. Осипов). Сообщение Т. В. Мжельской представило интерпретацию русской волшебной сказки «Царевна лягушка» в археологическом контексте. В целом следует заметить, что опубликованные материалы в рамках обозначенной тематики касались проблем соотношения археологических и этнографических материалов (Е. Ф. Фурсова), анализа письменных источников, что позволяет по-новому взглянуть на исторические явления и процессы (В. В. Брызгалов, О. В. Овсянников, М. Э. Ясински), понимания и интерпретации лексических конструктов в русском языке (М. Соегов, М. А. Таганова), процессов формирования прозвищ у крестьян в XVII–XVIII вв. (М. Б. Желтов). Интересным оказался опыт реконструкции хозяйства отдельных памятников археологии на основе этнографических данных и письменных источников (И. В. Чернова) и берестяного короба (С. С. Тихонов).

В дополнение к основной программе состоялось заседание круглого стола «Теория и практика полевых исследований городских некрополей» (руководитель Д. В. Пежемский), идея проведения которого родилась в процессе работы секции антропологии. Круглый стол

был организован, прежде всего, для молодых исследователей и имел целью знакомство с передовыми методиками работ. Желание поучаствовать в нем выразили около 20 человек.

Кроме того, специалистами-антропологами проведено выездное совещание в г. Лесосибирске с целью осмотра и атрибуции человеческих останков, выявленных при раскопках в Енисейске и, возможно, принадлежащих местнотимому святому Даниилу Ачинскому. По результатам работы совещания сделано заключение, приложенное к решению конференции.

Всего на пленарных и секционных заседаниях заслушано 57 устных и представлено три стендовых доклада. Авторам задано более 80 вопросов. Все выступления обсуждены в дискуссии, в которой приняли участие около 40 человек. По результатам работы принято решение.

Решение

VI Международной научной конференции «Культура русских в археологических исследованиях»

1. Продолжить практику проведения конференции и определить срок следующего форума – осень 2021 г. Изменение периода проведения (через 4 года) обусловлено совпадением сроков с всероссийским археологическим съездом, из-за чего часть участников конференции не имеет возможности приехать. После 2021 г. периодичность проведения международной научной конференции «Культура русских в археологических исследованиях» останется прежней – один раз в три года.

2. Местом проведения VII Международной научной конференции «Культура русских в археологических исследованиях» определить г. Сургут Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

3. Продолжить практику организации и проведения в рамках конференции тематических «круглых столов» по проблемным вопросам развития направления «Археология русских».

4. Отметить высокий уровень организации и проведения VI Международной научной конференции «Культура русских в археологических исследованиях» и выразить благодарность ее организаторам.

В связи с мероприятиями по охране культурного наследия на территории Красноярского края и прежде всего в Енисейске участники конференции предлагают:

1) отметить высокий уровень организации работ по сохранению объектов археологического наследия в Енисейске при проведении ремонтно-реставрационных мероприятий администрацией Красноярского края и Службой государственной охраны объектов культурного наследия Красноярского края;

2) отметить высокий уровень проведения археологических охранно-спасательных работ в Енисейске, выполненных в период с 2013 по 2017 г. и настаивать на необходимости дальнейшего изучения культурного слоя города;

3) разработать и реализовать в Енисейске программу по сохранению кварталов с исторической застройкой, где нашли бы место музеефицированные и археологические объекты, отражающие богатство и разнообразие городской культуры Сибири, слабовыраженной в материальных источниках. Последние покажут необходимость проведения археологических исследований в других городских исторических центрах;

4) рекомендовать МБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова» создать на основе полученных археологических коллекций Енисейска постоянную (не менее 10 лет) экспозицию;

5) изыскать возможность создания специального фондохранилища (депозитария) для археологических находок с территории Красноярского края;

6) решить вопрос о хранении палеоантропологического материала на месте его обнаружения с возможностью доступа к нему специалистов-антропологов;

7) отметить, что в Енисейске проведены самые масштабные археологические работы на территории Сибири. Их результатом стали представительные коллекции, характеризующие культуру русских первопроходцев и старожилов XVII–XIX вв. Поэтому необходимо оперативно вводить эти материалы в научный оборот в виде монографических, научно-попу-

лярных изданий, каталогов, музейных экспозиций, представляемых на территории Красноярского края и за его пределами.

Считаем, что сохранение и популяризация археологического культурного наследия играет большую роль в воспитании чувства патриотизма, уважения и любви к своей малой родине. Это является очень актуальным в формировании общегосударственной национальной идеи.

Заключение

выездного совещания экспертной комиссии по идентификации предполагаемых останков Даниила Ачинского, обнаруженных в 2015 г. на территории выявленных объектов археологического наследия «Енисейск. Комплекс остатков строений, связанных с личностью Даниила Ачинского (Делие)», в рамках проведения VI Международной научной конференции «Культура русских в археологических исследованиях»

В рамках проведения VI Международной научной конференции «Культура русских в археологических исследованиях» 9 ноября 2017 г. было проведено выездное совещание в г. Лесосибирске по идентификации предполагаемых останков Даниила Ачинского, обнаруженных в 2015 г. в г. Енисейске. Совещание проведено экспертной комиссией в составе: Г. А. Аксяновой – канд. биол. наук, ведущего научного сотрудника Отдела антропологии Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, доцента; Д. В. Пежемского – канд. биол. наук, старшего научного сотрудника НИИ и Музея антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова; Т. М. Савенковой – научного сотрудника, зав. отделом палеоантропологии Красноярского медицинского университета им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого; Е. С. Рейс – научного сотрудника ООО «Научно-производственное объединение “Археологическое проектирование и изыскания”».

В результате экспертизы были определены: кости запястья (7 шт.): правая ладьевидная, правая и левая крючковидные, левая головчатая, левая трехгранная, левая кость-трапеция, гороховидная; левые II, III и IV пястные; правые II, III, IV и V пястные; I пястная; проксимальные фаланги кистей (6 шт.); проксимальная фаланга I пальца кисти; средние фаланги кисти (3 шт.); дистальная фаланга кисти; медиальная клиновидная правая; плюсневые III левая и V правая; проксимальная фаланга стопы; шейный (III–VI) и поясничный (I–II) позвонки; ребра и их фрагменты (3 шт.); зуб – верхний правый клык.

При макроскопическом осмотре костей посткраниального скелета признаков патологических изменений не обнаружено, наблюдается начало обострения краев суставных площадок. Сохранность и костный рельеф позволяют высказать предположение, что они принадлежат одному индивиду, однако для однозначного утверждения необходимо проведение дальнейших исследований. Предварительно останки определены как принадлежащие мужчине относительно молодого или раннего зрелого возраста – не старше 35–45 лет.

Клык постоянной смены, верхний правый. Зуб анатомически сформирован, полностью прорезавшийся, длительно функционировал. Принадлежал взрослому человеку современного анатомического вида, вероятно, мужчине. Коронка стертая примерно на одну треть высоты с полным отсутствием режущего края. В остальном морфология сохранная, коронка и корень крепкие, без патологических проявлений. Степень стертости коронки клыка средняя – балл 3 или 3–4 [Зубов, 1968]. Это позволяет оценить возраст индивида в интервале 35–45 лет.

Итог осмотра не позволяет сделать однозначные выводы о половой принадлежности представленных костей и о более точном биологическом возрасте в связи с малочисленностью костных останков. Для завершения анатомо-морфологического исследования рекомендуется проведение дополнительных научных мероприятий:

1) для уточнения пола индивида осуществление генетической экспертизы на основе костного материала из-за единственной находки зуба;

2) для оценки биологического возраста проведение рентгенологической экспертизы по схеме О. М. Павловского [1987] и гистологических исследований.

Список литературы

Зубов А. А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 199 с.

Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. / Под ред. Л. В. Та-тауровой. Омск: Наука, 2017. 580 с.

Павловский О. М. Биологический возраст человека. М.: Изд-во МГУ, 1987. 278 с.

Материал поступил в редколлегию 26.12.2017

L. V. Tataurova¹, D. N. Lysenko², L. L. Galukhin³

¹ *Omsk branch of Institute of Archaeology and Ethnography of RAS
15 Marks Ave., Omsk, 644077, Russian Federation*

² *Research and Production Association «Archaeological engineering and research»
25 Mir Ave., Building 1, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation*

³ *Krasnoyarsk Geoarchaeology
25 Mir Ave., Building 1, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation*

li-sa65@mail.ru, arheoapi@gmail.com, krasgeo@gmail.com

**VI INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
« RUSSIAN CULTURE IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH:
NEW CONTRIBUTIONS TO THE DEVELOPMENT
OF A SCIENTIFIC DIRECTION (TO THE ANNIVERSARY
OF THE CITY OF YENISEISK)**

The results of the VI International scientific conference, which was held in November, 2017 in the city of Yeniseysk and was dedicated to the 400th anniversary of the city, are presented in the paper. The forum hosted meetings arranged in seven sections (workshops), where the results of the archaeological study of Yeniseysk were analyzed, new methodological developments in the study of Russian culture were proposed, reconstruction of cultural heritage and measures for its protection were discussed. The work of the section on anthropology and genetics of the Russian population was of particular scientific importance. At the steel section, researchers presented achievements in the study of Russian culture and its influence on the world of archaeology. Materials used for the life support systems of the Russian population were described and analyzed. New results were obtained in the study of urban culture, written sources and ethnography. The conference made a significant contribution to the development of scientific directions in Russian archaeology.

Keywords: Yeniseysk, New Age, archaeology of Russian culture, international conference, interdisciplinary research.

References

Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh [Russians culture in archaeological research: a collection of scientific articles]. Ed. by L. V. Tataurova. Omsk, Nauka, 2017, 580 p. (in Russ.)

Pavlovskii O. M. Biologicheskii vozrast cheloveka [Man's biological age]. Moscow, MSU Publ., 1987, 278 p. (in Russ.)

Zubov A. A. Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Odontology. Methodology of anthropological research]. Moscow, Nauka, 1968, 199 p. (in Russ.)

С. Г. Скобелев

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

sgskobelev@yandex.ru

**IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ»**

Столица Республики Хакасия – город Абакан, и Аскизский район Хакасии с 27 по 30 сентября 2017 г. стали местами работы IV Международной научно-практической конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 155-летию со дня рождения выдающегося сына хакасского народа, видного ученого-востоковеда, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, профессора Казанского императорского университета Николая Федоровича Катанова (1862–1922). Конференция была проведена Хакасским НИИ языка, литературы и истории при поддержке Правительства и Министерства образования и науки Республики Хакасия, администрации Аскизского района Хакасии и Российского фонда фундаментальных исследований.

В работе этого научного форума приняли участие руководители Правительства и Верховного Совета Республики Хакасия, преподаватели и ученые из Турции, Японии, Казахстана, Кыргызстана, Татарстана, Башкортостана, Якутии, Тывы, Алтая, Хакасии, Москвы, Новосибирска, Красноярского края, Кемерово и Тюмени. Новосибирский государственный университет в работе конференции представлял заведующий лабораторией гуманитарных исследований канд. ист. наук С. Г. Скобелев. К началу работы конференции Оргкомитет, в состав которого входили представители Правительства и Министерства образования и науки Республики Хакасия, Администрации Аскизского района и Хакасского НИИ языка литературы и истории, подготовил материалы форума в виде сборника статей «Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий» (Абакан, 2017, 292 с.; 34,0 п. л.). В рамках конференции 27 сентября 2017 г. прошла презентация двух ранее не публиковавшихся работ Н. Ф. Катанова: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану. Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского географического общества в 1890 году членом-сотрудником оног Н. Ф. Катановым»; Татарский (хакасский) язык (сагайское наречие, диалект). Грамматика (Этимология и синтаксис) (1882 год)», а также книги «Эпистолярное наследие Н. Ф. Катанова (к 155-летию со дня рождения)». В рамках пленарного заседания перед участниками и гостями конференции выступил коллектив Фольклорного ансамбля Хакасской республиканской детской школы искусств «Тигир Хуры».

Скобелев С. Г. IV Международная научно-практическая конференция «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий» // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3: Археология и этнография. С. 163–166.

Рис. 1. Внутреннее убранство хакасской юрты XIX – начала XX в. в экспозиции Аскизского краеведческого музея им. Н. Ф. Катанова (фото автора, без масштаба)

Рис. 2. Каменное изваяние «Хургуях Тас» в экспозиционном павильоне, построенном в первоначальном месте установки этой статуи в степи на территории Аскизского района (фото автора, без масштаба)

На пленарном заседании конференции 28 сентября 2017 г. выступили заместитель Главы Республики Хакасия – Председатель Правительства В. А. Крафт, проф. Казанского (Приволжского) федерального университета д-р ист. наук Р. М. Валеев, директор Хакасского НИИЯЛИ д-р ист. наук, проф. В. Н. Тугужекова. Они отметили, что руководство и народ Хакасии высоко чтят память своего земляка, классика российско-востоковедения Н. Ф. Катанова. Его именем названы Хакасский государственный университет, Краеведческий музей в райцентре Аскиз, улица в Абакане, село в Аскизском районе, присуждается Госпремия Республики Хакасия, учреждена стипендия его имени, проводятся Катановские научные чтения. В Абакане и Аскизе стоят его памятники.

Работа конференции продолжилась в рамках секционных заседаний, где были подняты различные вопросы истории Южной Сибири и сопредельных регионов Евразии начиная с древнейших времен, проблемы языкознания, фольклора и литературы народов Центральной Азии, определены задачи изучения масштабного научного наследия Н. Ф. Катанова. В частности автор настоящей информации, выступивший с докладом «Енисейские кыргызы – кочевники или зем-

ледельцы: задачи преодоления распространенного стереотипа», на основе археологических материалов рассмотрел проблему изучения экономики енисейских кыргызов, которые создали одну из ведущих средневековых цивилизаций тюркского мира. В рамках доклада проведен сравнительный анализ развития различных отраслей хозяйства на территории современной Хакасии в разные эпохи, в том числе с использованием собранных Н. Ф. Катановым сведений. Всего в ходе работы конференции (в рамках пленарного и трех секционных заседаний) было заслушано и обсуждено 74 доклада и сообщения по актуальным проблемам гуманитарного знания.

Анализ содержания докладов, представленных на конференцию, свидетельствует о глубоком интересе современных исследователей к научному наследию Н. Ф. Катанова. На заседаниях секций отмечалась необходимость систематической работы по его изучению, указывалось на целесообразность возглавить эту деятельность учеными Хакасии, которая является родиной великого тюрколога. По итогам конференции были приняты рекомендации в адрес правительства и министерств Республики Хакасия, научных центров и вузов, ученых и специалистов Хакасии, иных отечественных научных центров по дальнейшему изучению и увековечению интеллектуального наследия Н. Ф. Катанова.

29 сентября 2017 г. участники конференции посетили Аскизский муниципальный район Хакасии, богатый историческими и природными объектами. Здесь состоялась встреча ученых с коллективом учителей и учащихся школы аала Катанов, были возложены цветы к памятнику Н. Ф. Катанова в райцентре – селе Аскиз. Затем состоялось знакомство с экспозициями Аскизского краеведческого музея им. Н. Ф. Катанова (рис. 1) и Музея советской эпохи (этот интересный и богатый экспонатами музей создан по инициативе и силами руководства района). В заключение пребывания на малой родине Н. Ф. Катанова участники научного форума посетили созданный в 2003 г. муниципальный музей под открытым небом «Хуртуях Тас», представляющий собой экспозицию каменного изваяния эпохи бронзы, весьма почитавшегося хакасами (рис. 2). Данный памятник еще с XVIII в. неоднократно привлекал внимание исследователей истории и культуры Минусинской котловины, описывавших обряды поклонения ему местных жителей. Интересно, что эта практика почти в полном объеме восстановилась в настоящее время (см. на рис. 2 подношения в виде продуктов питания на переднем плане и детских игрушек на заднем плане), и, по словам сотрудников музея, им приходится регулярно убирать от изваяния большое количество подношений различного рода. Здесь же, в охранной зоне музея, сохранились каменные погребальные сооружения различных периодов и этнографические объекты, в том числе оригинальные и вновь построенные хакасские деревянные юрты. Все это придает данному объекту характер значимого памятника культурного наследия комплексного вида.

В целом проведенная конференция стала важным этапом как в работе по изучению богатого научного наследия Н. Ф. Катанова, так и в решении ряда актуальных проблем археологии, этнографии и истории народов Южной Сибири и сопредельных территорий.

Материал поступил в редколлегию 26.12.2017

S. G. Skobelev

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

sgskobelev@yandex.ru

IV INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE «PEOPLES AND CULTURES OF SAYAN-ALTAI AND ADJACENT TERRITORIES»

The capital of the Republic of Khakassia, the city of Abakan, and the Askiz region of Khakassia hosted the IV International Scientific and Practical Conference «Peoples and Cultures of Sayan-

Altai and Adjacent Territories» from September 27 to 30, 2017. The Conference was dedicated to the 155-th anniversary of the birth of the outstanding son of the Khakasses, a prominent Orientalist, a Turkologist, a doctor of comparative linguistics, a professor at the Kazan Imperial University, Nikolai Fedorovich Katanov (1862–1922).

Purpose. We review the work of the conference in order to inform the researchers on this important event. The work was organized in several sectional sessions. The subject matter was various aspects of the history of Southern Siberia and the adjacent regions of Eurasia since ancient times, as well as some issues of linguistics, folklore and literature of the peoples of Central Asia. In addition, it was planned to determine the tasks of studying the large-scale scientific heritage of N. F. Katanov.

Results. Work of this scientific forum was led by the Heads of the Government and the Supreme Council of the Republic of Khakassia, with participating teachers and scientists from Turkey, Japan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tatarstan, Bashkortostan, Yakutia, Tuva, Altai, Khakassia, Moscow, Novosibirsk, Krasnoyarsk, Kemerovo and Tyumen. Novosibirsk State University was represented by the head of the Humanitarian Research Laboratory, Associate prof. S. G. Skobelev. By the beginning of the conference, the Organizing Committee, which was represented by the spokespeople from the Government and the Ministry of Education and Science of the Republic of Khakassia, the Administration of the Askiz Region and the Khakass Research Institute of the Language, Literature and History, had prepared the forum materials in the form of a collection of articles «Peoples and Cultures of Southern Siberia and Adjacent Territories» (Abakan, 2017, 292 p). Within the frameworks of the conference, there was a presentation of two previously unpublished works by N. F. Katanov: 1) «Journey through Siberia, Dzungaria and East Turkestan». Diary of a journey made on behalf of the Imperial Russian Geographical Society in 1890 by an associate member N. F. Katanov; Tatar (Khakass) language (Sagay dialect). Grammar (Etymology and Syntax) (1882); 2) Monograph «The Epistolary Heritage of N. F. Katanov (devoted to the 155th anniversary of his birth)». During the conference, its participants visited several museums and archaeological sites of different eras on the territory of the Askiz Municipal District of Khakassia, where N. F. Katanov came from.

Conclusion. The conference was an important stage both in the work on studying the rich scientific heritage of N. F. Katanov and in solving a number of topical problems of archaeology, ethnography and the history of the peoples of Southern Siberia and adjacent territories.

Keywords: Professor N. F. Katanov, Turkology, scientific heritage, study, scientific conference.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГТУ	– Алтайский государственный технический университет, Барнаул
АлтГУ	– Алтайский государственный университет, Барнаул
АН СССР	– Академия наук Союза советских социалистических республик
АО	– Археологические открытия
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГПУ	– Барнаульский государственный педагогический университет
БНЦ СО РАН	– Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
ГАГУ	– Горно-Алтайский государственный университет
ГИ	– гуманитарный институт
ЗапГУ	– Запорожский государственный университет
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук, Москва
ИГ СО РАН	– Институт географии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИЗК СО РАН	– Институт земной коры Сибирского отделения Российской академии наук, Иркутск
ИИГСО НГПУ	– Институт истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета
ИПОС СО РАН	– Институт проблем освоения Севера, Красноярск
ИрГТУ	– Иркутский государственный технический университет
КГПУ	– Красноярский государственный педагогический университет
КГУ	– Кемеровский государственный университет
МАН	– Монгольская академия наук
МГУ	– Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР, Москва, Ленинград
НА	– Научный архив
НГПУ	– Новосибирский государственный педагогический университет
НГУ	– Новосибирский государственный университет
НИЦ	– научно-исследовательский центр
НОЦ	– научно-образовательный центр
ООО	– общество с ограниченной ответственностью
ПМА	– полевые материалы автора
РА	– Российская археология
РАН	– Российская академия наук
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
СА	– Советская археология
САЕ	– стратегическая академическая единица
САИ	– Свод археологических источников
СФО	– Сибирский федеральный округ
ТГУ	– Томский государственный университет
ЦВРК ИМБТ СО РАН	– Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
AS	– Academy of Sciences
ASU	– Altay State University, Barnaul

AS USSR	– Academy of Sciences Union of Soviet Socialist Republics
GASU	– Gorno-Altai State University
IAE SB RAS	– Institute of archaeology and ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk
JAS	– Journal of Archaeological Science
KSU	– Kemerovo State University
KSPU	– Krasnoyarsk State Pedagogical University
NSU	– Novosibirsk State University
NSPI	– Novosibirsk State Pedagogical Institute
NSPU	– Novosibirsk State Pedagogical University
PSU	– Perm State University
RAS	– Russian Academy of Sciences
SB RAS	– Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
SSPU	– Samara State Pedagogical University
TSU	– Tomsk State University
URO RAS	– Ural Branch of RAS
USSR	– Union of Soviet Socialist Republics

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бадмаев Андрей Андреевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, преподаватель (с почасовой оплатой труда) Новосибирского государственного университета

Борисенко Алиса Юльевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований, доцент Новосибирского государственного университета

Бочарова Екатерина Николаевна – младший научный сотрудник «зеркальной» лаборатории мультидисциплинарных исследований первобытного искусства Евразии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Бычков Дмитрий Александрович – старший лаборант Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Вдовенкова Маргарита Владимировна – младший научный сотрудник сектора археологии и этнографии музея Сибирского федерального университета, Красноярск

Волков Павел Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН

Галухин Леонид Леонидович – старший научный сотрудник ООО «Красноярская Геоархеология»

Головченко Николай Николаевич – ассистент кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, аспирант Новосибирского государственного педагогического университета

Голубева (Князева) Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Сибирского федерального университета, Красноярск

Гурулёв Дмитрий Александрович – младший научный сотрудник лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири Сибирского федерального университета, Красноярск

Дураков Игорь Альбертович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, доцент Новосибирского государственного педагогического университета

Зоткина Лидия Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, старший преподаватель Новосибирского государственного университета, научный сотрудник «зеркальной» лаборатории мультидисциплинарных исследований первобытного искусства Евразии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Котович Лидия Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Кретэн Катрин – PhD, хранитель Национального музея первобытной истории Лез-Эйзи, Франция

Лысенко Даниил Николаевич – директор ООО «НПО Археологическое проектирование и изыскания», Красноярск

Мандрыка Павел Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором археологии, этнографии и истории Сибири Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск

Молодин Вячеслав Иванович – доктор исторических наук, академик РАН, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, профессор Новосибирского государственного университета

- Мыльникова Людмила Николаевна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Ненахов Дмитрий Алексеевич** – инженер-исследователь Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Николаев Василий Владимирович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета
- Орозбекова Жазгул** – инженер-исследователь Института археологии и этнографии СО РАН, младший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета
- Рассадин Игорь Валентинович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ
- Райнхольд Сабина** – доктор, сотрудник Евразийского отделения Германского археологического института, Берлин, Германия
- Скобелев Сергей Григорьевич** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета
- Татаурова Лариса Вениаминовна** – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН
- Хансен Свенд** – профессор, доктор истории, директор Евразийского отделения Германского археологического института, Берлин, Германия
- Худяков Юлий Сергеевич** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, профессор Новосибирского государственного университета
- Цэвээндорж Дамдинсурен** – академик МАН, заместитель директора Института истории и археологии МАН, Улан-Батор, Монголия
- Черемисин Дмитрий Владимирович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, научный сотрудник «зеркальной» лаборатории мультидисциплинарных исследований первобытного искусства Евразии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлегией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлегии выпуска можно по адресу:

http://gf.nsu.ru/www/?page_id=195 – оперативная страница.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: каб. 1260 и 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62